

Роковая женщина

Анонс

<http://book.zehinli.info>

Специалист по драгоценностям Ларри Карр после гибели невесты уезжает в другой город, чтобы забыть о трагедии. Но на новом месте его ждут ссора с местной бандой и знакомство с только что вышедшей из тюрьмы Реей Морган. Но, задумав крупную сделку с бриллиантовым колье, он решил прибегнуть к помощи новой знакомой и ее брата. А когда в дело вступает женщина, жди непредвиденных последствий...

Глава 1

Первые признаки моего ненормального состояния стали заметны только через месяц после аварии. Это можно назвать замедленным шоком, хотя доктор Мелиш подобрал для этого какое-то другое название, соответствующее профессиональному жаргону, который для нас с вами звучит как полная ахиня. Так или иначе, он имел в виду именно замедленный шок.

За месяц до аварии я парил в разреженной атмосфере успеха. Взять, к примеру, хотя бы мою работу. Ради того, чтобы заполучить ее, я трудился как раб и наконец добился своего, став главным комиссионером самой первоклассной ювелирной фирмы в Парадиз-Сити “Льюис и Фремлин”. Она стоит на одной ступени с “Картье” и “Ван Клеер и Арпелкс”. В нашем городе каждая лавка, магазин или ювелирная фирма стараются перещеголять конкурентов, потому что этот город - место, где миллионеры швыряются своими деньгами, где типы с набитыми бумажниками, снобы, кинозвезды и любители пускать пыль в глаза выставляют напоказ свое богатство. Люс и Фремлин считаются лучшими в своей области, и должность эксперта по бриллиантам приносила мне годовой доход в шестьдесят тысяч долларов, что даже в этом городе с его самой высокой на флоридском побережье стоимостью жизни - деньги немалые.

У меня был “мерседес” с откидным верхом, квартира с двумя спальнями, прекрасным видом на океан, надежный банковский счет и тысяч на восемьдесят акций и облигаций. Мой шкаф был набит хорошими костюмами. Я к тому же высокий и, по мнению многих, красивый парень, лучший игрок в гольф в Загородном клубе. Теперь вам, наверное, ясно, что я имел в виду, говоря, что парил в облаках успеха. Но самое главное: помимо всего, у меня была Джуди.

Я упоминаю Джуди последней потому, что она была самым ценным моим достоянием. Джуди была брюнеткой, хорошенькая, умная и добрая. Мы познакомились в Загородном клубе, и она оказалась хорошим игроком в гольф. Если я давал ей шесть очков форы, она побеждала меня, а это значит, что она умела играть. Она приехала в Парадиз-Сити из Нью-Йорка собирать материалы для биографии судьи Сойера, быстро акклиматизировалась здесь, приобрела популярность и через несколько недель стала неотъемлемой частью молодой компании в клубе. Мне потребовалось четыре недели и раундов тридцать гольфа, чтобы убедиться, что Джуди - именно та девушка, которая мне нужна. Позже она сказала, что почувствовала во мне своего мужчину гораздо скорее. Мы обручились.

Когда мой босс Сидней Фремлин, принадлежавший к той породе щедрых, несколько ошеломляющих своей экспансивностью педерастов, которые, если вы им нравитесь, не знают, как вам угодить, услышал про обручение, он настоял на устройстве званого вечера. Сидней обожал вечеринки. Он пообещал позаботиться о финансовой стороне и сказал, что вечер обязательно нужно устроить в клубе и пригласить буквально всех. Я отнесся к затее довольно безразлично, но Джуди идея явно пришлась по душе. Я согласился. Сидней знал, что я едва ли не лучший знаток бриллиантов в нашем деле и без меня высокий класс его фирмы понизился бы примерно так же, как падает репутация французского ресторана, отмеченного тремя звездочками в путеводителе Мишлена, с уходом шеф-повара. Он понимал, что я нравлюсь всем его клиентам, которые советовались со мной и прислушивались к моему мнению при покупках. Сидней высоко ценил меня, а когда ты в почете у Сиднея, он готов достать для тебя звезду с неба.

Все это случилось месяц назад. Я вспоминаю тот вечер приблизительно так же, как человек, сходящий с ума от зубной боли, грызет на больном зубе.

Джуди пришла ко мне около семи. Вечеринку назначили на девять, но мы условились встретиться пораньше, потому что хотели поговорить о доме, в котором будем жить, когда поженимся. Мы выбирали из трех вариантов: дом типа ранчо с большим садом,

пентхаус и деревянное шале за городом. Я высказался в пользу пентхауса, но Джуди склонялась к ранчо из-за сада. Мы провели час или около того, обсуждая все за и против, но в конце концов Джуди убедила меня, что сад необходим.

- Когда появятся дети, Ларри, нам понадобится сад.

Не откладывая дело в долгий ящик, я позвонил Эрни Трули, представителю строительной конторы, с которой мы имели дело, и сказал ему, что завтра зайду для внесения депозита за ранчо. Мы вышли из квартиры, чувствуя себя на седьмом небе, и отправились в Загородный клуб.

За милю от Сити, на Фривее, мой мир разлетелся вдребезги. На перекрестке сбоку выскочила машина и врезалась в нас, как эсминец, таранящий подводную лодку.

Одно короткое мгновение я видел машину - старый потрепанный "кадди" с обалдевшим от страха парнем за рулем, но ничего не мог сделать. "Кадди" ударил мой "мерседес" сбоку и проскочил через шоссе. Теряя сознание, я подумал о Джуди. С той же мыслью я очнулся в отдельной палате роскошной Джефферсон-клиник, оплаченной Сиднеем Фремлингом, который сидел у моей постели, плача в шелковый платок.

Раз уж мы заговорили о Сиднее Фремлине, разрешите описать его. Он был высокий, гибкий, с длинными светлыми волосами. О его возрасте можно было только гадать: где-то между тридцатью и пятьюдесятью. Сидней нравился всем, поражая теплотой и ошеломляющей сердечностью. Он обладал блестящими художественными способностями и имел особый дар создавать причудливые ювелирные украшения. Его партнер Том Льюис занимался финансовой стороной дела. Льюис не мог отличить бриллиант от горного хрусталя, но он знал, как приумножить доллары. Его и Сиднея считали богачами, а прослыть богачом в Парадиз-Сити - значит попасть в категорию чертовски состоятельных людей.

В то время как Льюис, пятидесятилетний, дородный и с шиком, которому позавидовал бы даже бульдог, пребывал за сценой, Сидней порхал по демонстрационному залу, если только не занимался в этот момент у себя в кабинете какой-нибудь новинкой. Большинство старых клуш я предоставлял ему. Они его обожали, но богатые молодые дамочки, состоятельные бизнесмены, подыскивавшие необычный подарок, и те, кто получил в наследство бабушкины драгоценности и хотел вставить камни в новую оправу или оценить их, шли ко мне. Гомосексуалисты - странные твари, но я с ними лажу. Я убедился, что очень часто у них находишь больше таланта, больше доброты, больше

верности, чем у обычных “настоящих мужчин”, с которыми сталкиваешься в нашем изобильном Сити. Конечно, у монеты есть и обратная сторона, которая бывает отталкивающей: их ревность, их вспыльчивый нрав, их язвительность и злобедность, которой позавидует любая женщина. Сидней обладал всеми достоинствами и недостатками среднего гомо. Мне он нравился, и мы отлично ладили.

С расплывшейся от слез косметикой, с глазами, как озера отчаянья, Сидней дрожащим голосом сообщил мне новости. Джуди умерла на операционном столе. Мне, по его словам, повезло: сотрясение мозга и сильно рассеченный лоб. Через неделю я буду ходить как часы. Именно так он выразился: “ходить как часы”. Такая у него была манера говорить. Он учился в английской частной школе, пока его не вышибли за попытку соблазнить учителя физкультуры. Я не мешал ему рыдать надо мной, но сам слез не проливал. Когда я полюбил Джуди и думал прожить с ней до скончания века, где-то в глубине души зародилось чувство, что наше счастье хрупко, как яичная скорлупа. Я знал, насколько оно хрупко: всерьез рассчитывать на длительное счастье в том мире, в котором мы живем, вряд ли имеет смысл. Но я думал и надеялся, что наша скорлупа уцелеет в течение некоторого времени. Когда Сидней сказал, что Джуди умерла, я почувствовал, как скорлупа треснула, и мой красочный мир стал черно-белым.

Через три дня я встал на ноги, но стал совершенно другим. Похороны были тяжелыми. Явились все члены Загородного клуба, из Нью-Йорка прилетели мать и отец Джуди. Я плохо их запомнил, но они показались мне хорошими людьми. Мать Джуди сильно напоминала дочь, что очень расстроило меня. Я вернулся домой с облегчением. Сидней не отходил от меня. Я молил Бога, чтобы он ушел и оставил меня в покое. Но он сидел и сидел, и, пожалуй, если вспомнить, то его присутствие пошло мне на пользу. Наконец около десяти он встал, сообщив мне, что пойдет домой.

- Возьми месяц отпуска, Ларри, - сказал он. - Играй в гольф. Съезди куда-нибудь. Приди в себя. Ее ничем не заменить, но тебе жить дальше, так что поезжай, а когда вернешься, работай как проклятый.

- Я вернусь завтра и буду работать как проклятый, - заявил я в ответ, - спасибо за все.

- Никаких завтра! - Он даже топнул ногой. - Я хочу, чтобы ты отдыхал месяц. Это приказ!

- Чушь! Как раз работа-то мне и нужна. Я буду работать! Завтра увидимся.

Я считал свое решение правильным. Разве смог бы я разъезжать по стране, играя в гольф, когда у меня из головы не шла Джуди? За время

своего короткого пребывания в клинике я все обдумал. Скорлупа треснула, ничего не сделаешь. Чем скорее я займусь продажей бриллиантов, тем лучше для меня. Я рассуждал ужасно трезво. Такое случается постоянно, говорил я себе. Наши любимые умирают. Те, кто строили планы, возводили воздушные замки, даже говорили торговцам недвижимостью, что решили купить ранчо, обнаруживают, что все пошло прахом и их будущее разлетелось вдребезги. Это случается каждый день, убеждал я себя. Я нашел свою девушку, мы думали о будущем, и вот она погибла. Мне тридцать восемь лет. При благоприятных условиях я могу рассчитывать еще на тридцать восемь. Я сказал себе, что нужно заново строить жизнь и опять браться за работу. Может быть, потом мне встретится девушка, похожая на Джуди, и мы поженимся. В глубине души я знал, что это просто глупости. Никогда никто не заменит мне Джуди. Она была моей избранницей, и теперь о каждой девушке я буду судить по мерке Джуди, а при таком сравнении, конечно, проигрывает любая.

Так или иначе, я вернулся в магазин, заклеив рассеченный лоб полоской пластыря. Я старался вести себя так, словно ничего не случилось. Друзья, а их у меня хватало, пожимали мне руку крепче обычного. Все они вели себя нестерпимо тактично, изо всех сил делая вид, что Джуди никогда не существовала. Хуже всего было иметь дело с клиентами. Они говорили со мной приглушенными голосами, не поднимая глаз, и поспешно соглашались с любым моим предложением, вместо того чтобы с удовольствием привередничать, как они делали это раньше. Сидней порхал вокруг, явно желая отвлечь меня от мрачных мыслей. Он то и дело выскакивал из своего кабинета с набросками, спрашивал мое мнение о них, чего никогда не делал раньше, с видом величайшего внимания выслушивал мои слова, потом исчезал только для того, чтобы через какой-нибудь час появиться снова.

Вторым по авторитету в торговом зале считался Терри Мелвилл, начинавший у “Картье” в Лондоне и обладавший внушительным, всеобъемлющим знанием ювелирного дела. Он был пятью годами моложе меня, невысокий, худой гомо с длинными, выкрашенными в серебристый цвет волосами, синими глазами, узкими ноздрями и ртом, похожим на прорезанную ножом щель. Когда-то в прошлом Сидней увлекся им и привез в Парадиз-Сити, но теперь он ему надоел. Терри меня не выносил так же, как и я его. Он ненавидел меня за знание бриллиантов, а я ненавидел его за ревность, за мелочные попытки перехватить у меня моих личных клиентов и за его ядовитую злобу. Его бесило, что Сидней так много сделал для меня, хотя я и не педераст. Они постоянно ссорились. Если бы не деловые качества Терри, Сидней

наверняка избавился бы от него. Хотя, возможно, Терри мог шантажировать Сиднея какой-нибудь грязью.

Когда Сэм Гобл, ночной охранник, открыл дверь и впустил меня в магазин, Терри, уже сидевший за своим столом, подошел ко мне.

- Сочувствую твоему несчастью, Ларри, - начал он. - Могло быть хуже. Ты тоже мог погибнуть.

В его глазах было подлое злорадное выражение, вызвавшее у меня острое желание ударить. Я видел, что он рад случившемуся. Я кивнул и прошел мимо него к своему столу.

Джейн Барлоу, моя секретарша, полная, солидная дама лет сорока пяти, принесла мне почту. От ее печальных глаз и попытки улыбнуться у меня защемило сердце. Я притронулся к ее руке.

- Бывает, Джейн, - сказал я. - Не надо ничего говорить. Что тут слова! Спасибо за цветы.

Сидней, хлопотавший вокруг, тихие голоса клиентов и Терри, злобно следивший за мной из-за своего стола, сделали этот день невыносимым, но я вытерпел до конца. Сидней хотел пригласить меня пообедать вместе с ним, но я отказался. Рано или поздно мне предстояло столкнуться с одиночеством, и чем раньше, тем лучше. В прошедшие два месяца мы с Джуди всегда обедали или у меня, или у нее на квартире. Теперь всему этому пришел конец. Я раздумывал, не поехать ли в Загородный клуб, но решил, что не в состоянии выдержать молчаливое сочувствие, и поэтому купил сэндвич и остался дома в одиночестве, думая о Джуди. Не слишком удачная идея. Так что этот первый день дался мне с трудом. Я убеждал себя, что дня через два-три моя жизнь войдет в колею, но получилось иначе. Не только моя скорлупа счастья рассыпалась при аварии. Я не ищу оправданий, а просто передаю то, что сказал мне потом психиатр. Полагаясь на себя, я верил, что смогу изгнать воспоминания из сознания, но пережитое травмировало мой рассудок. Это выяснилось только потом, когда психиатр сказал, что именно психической травмой объясняется мое поведение.

Нет смысла углубляться в подробности. Суть в том, что в последующие три недели я опустился как умственно, так и физически. Я стал терять интерес к тому, из чего до сих пор складывалась моя жизнь: к работе, гольфу, одежде, контактам с людьми и даже к деньгам. Хуже всего получилось, конечно, с работой. Я начал делать ошибки. Сначала стал допускать маленькие промахи, потом, с течением времени, упущения приобрели серьезный характер. Я нашел, что меня не интересует желание Джонса приобрести платиновый портсигар с

рубиновыми инициалами для его новой любовницы. Он получил портсигар, но без инициалов.

Потом я забыл, что миссис Ван Сдай специально заказала золотые часы с календарем для своего маленького чудовища - племянничка, и послал ему золотые часы без календаря. Она явилась в магазин словно галеон под всеми парусами и честила Сиднея, пока он едва не заплакал. Это дает некоторое представление о том, насколько я сдал. За три недели я натворил уйму подобных ошибок. Считайте это несобранностью, зовите, как хотите, но на Сиднея сыпались шишки, а Терри злорадствовал. Кроме того, раньше за состоянием моей одежды следила Джуди. Теперь я забывал ежедневно менять рубашку - какая разница? Я всегда стригся раз в неделю. Теперь же впервые за все время, сколько я себя помню, я ходил с заросшей шеей - какая разница? И так далее, и так далее. Я перестал играть в гольф.

Черт побери, кто, кроме ненормального, станет бить по маленькому белому мячику, загоняя его невесть куда, и потом идти за ним, спрашивал я себя. Скоуш? Отдаленное воспоминание.

Спустя три недели после смерти Джуди я вышел из своего кабинета в зал. В кабинете я сидел, тупо уставившись в стол.

Подошел Сидней и спросил, могу ли я уделить ему минуту.

- Только минуту, Ларри, не больше чем минуту.

Я почувствовал угрызения совести. На моем подносе для почты лежала груда писем и заказов, на которые я даже не взглянул.

Часы показывали три, а письма и заказы лежали передо мной с девяти часов утра.

- Мне нужно просмотреть почту, Сидней, - сказал я. - У тебя что-нибудь важное?

- Да.

Я поднялся, взглянул при этом в сторону Терри, сидевшего за своим столом поодаль. Он наблюдал за мной с издевательской улыбочкой на красивом лице. Его поднос для почты был пуст. Что там про него ни говори, а Терри был работяга. Я прошел в кабинет вслед за Сиднеем, и он закрыл дверь так, словно она была сделана из яичной скорлупы.

- Садись, Ларри.

Я сел. Он заметался по просторному кабинету, словно мотылек в поисках свечки. Я решил помочь ему начать разговор и спросил:

- Ты чем-то озабочен, Сидней?

- Я озабочен тобой. - Он вдруг остановился и горестно посмотрел на меня. - Я хочу просить тебя об одном очень необычном одолжении.

- О каком же?

Он опять запорхал по комнате.

- Сядь ты, ради Бога! - рявкнул я на него. - О каком одолжении?

Он метнулся к столу, сел и, достав шелковый платок, принялся вытирать лицо.

- О каком одолжении? - повторил я.

- Дело не идет на лад, правда, Ларри? - спросил он, не глядя на меня.

- Что не идет на лад?

Он спрятал платок, набрался решимости, оперся локтями о полированную поверхность стола и с трудом заставил себя посмотреть мне в лицо.

- Я хочу попросить тебя об одолжении.

- Ты уже говорил. О каком одолжении?

- Я хочу, чтобы ты повидался с доктором Мелишем.

Ударь он меня по лицу, я не удивился бы до такой степени. Я откинулся назад, глядя на него во все глаза. Доктор Мелиш был самым дорогим, самым модным психиатром в Парадиз-Сити. Это говорит о многом, если учесть, что в нашем городе один психиатр приходится примерно на каждые пятьдесят жителей.

- Как тебя понимать?

- Я хочу, чтобы ты встретился с ним, Ларри. Счет я оплачу. По-моему, тебе нужно с ним поговорить. - Он поднял руку, останавливая мои протесты. - Минутку, Ларри. Дай же мне возможность договорить. - Он сделал паузу и продолжал:

- Ларри, с тобой не все ладно. Я знаю, через какое испытание ты прошел. Разумеется, твоя ужасная потеря оставила след. Все это я могу понять. Сам я на твоём месте просто не пережил бы такое. Я уверен! Восхищаюсь твоей решимостью вернуться и продолжать работу. Но у тебя ничего не вышло. Ты ведь понимаешь это, правда, Ларри? - Он смотрел на меня умоляюще. - Понимаешь?

Я потер ладонью подбородок и замер, услышав скребущий звук щетины. "Проклятье, - подумал я, - забыл побриться утром!"

Встав, я пересек комнату и подошел к большому настенному зеркалу, в котором Сидней так часто любовался собой. Я уставился на свое отражение, чувствуя тошнотворный холодок в груди. Неужели этот неряха я? Я посмотрел на заношенные манжеты рубашки и перевел взгляд на туфли, нечищенные пару недель. Я медленно вернулся к креслу, сел и посмотрел на Сиднея, который наблюдал за мной. На его лице отражались озабоченность, доброта и волнение. Я еще не настолько опустился, чтобы не суметь представить себя на его месте. Я подумал о своих ошибках, о не уменьшавшейся груде корреспонденции на подносе и о том, как я выгляжу. Вопреки вере в себя и фасаду

мужества (подходит ли здесь такое определение?) со мной все-таки, как он выразился, не все было в порядке.

Он медленно, глубоко вздохнул.

- Послушай, Сидней, давай забудем про Мелиша. Я уволюсь. Что-то пошло не так. Я уберусь отсюда к черту, а ты предоставь Терри шанс. Обо мне не беспокойся, я и сам перестал о себе беспокоиться.

- Ты лучший знаток бриллиантов в нашем деле, - спокойно сказал Сидней. Теперь он полностью овладел собой и перестал мельтешить и суесться. - Уйти я тебе не позволю. Такая потеря слишком дорого мне обойдется. Тебе нужно приспособиться к обстоятельствам, и доктор Мелиш поможет это сделать. Выслушай, Ларри. В прошлом я много для тебя сделал, и, надеюсь, ты считаешь меня своим другом. Теперь пора кое-что тебе для меня сделать. Я хочу, чтобы ты пошел к Мелишу. Я уверен, что он сумеет привести тебя в порядок. Может быть, понадобится месяц или два. По мне, хоть год. Твое место всегда останется за тобой. Ты много значишь для меня. Повторяю: ты лучший знаток бриллиантов в нашем деле. Тебе крепко досталось, но все снова войдет в норму. Сделай это ради меня, походи к Мелишу.

И я пошел к Мелишу. Сидней был прав, следовало сделать хотя бы это, но я не надеялся на доктора Мелиша, пока не познакомился с ним. Это был маленький, тощий, лысеющий, с пронизательными глазами человек. Сидней уже вкратце проинформировал его, так что он знал все о моем прошлом, о Джуди и о последовавшей реакции. Незачем было вдаваться в подробности.

У нас состоялось три беседы, и наконец он вынес свой приговор. Все сводилось вот к чему: я нуждался в полной смене обстановки. Мне следовало уехать из Парадиз-Сити по крайней мере месяца на три.

- Как я понял, вы не сели за руль с момента аварии? - спросил он и протер очки. - Обязательно купите себе машину и привыкайте водить ее. Ваша проблема в том, что вы считаете свою утрату чем-то исключительным. - Он поднял руку, прерывая мои протесты. - Я знаю, что вам не хочется это признавать, но тем не менее именно здесь скрыта ваша проблема. Советую вам общаться с людьми, чьи проблемы серьезнее вашей. Тогда собственные беды представляются вам в ином свете. У меня есть племянница, которая живет в Луисвилле. Она работает в бюро социальной опеки и нуждается в бесплатных помощниках. Предлагаю вам поехать в Луисвилл и поработать с ней. Я уже звонил туда. Буду совершенно откровенен. Когда я рассказал о вас, она заявила, что ей ни к чему неуравновешенная личность. Довольно трудно управляться с делами одной, и если еще придется заниматься и вашими проблемами, то вы не подходите. Я сказал, что вы будете

помогать ей и не доставите никаких хлопот. Мне не сразу удалось уговорить ее. Теперь дело за вами. Я покачал головой.

- Вашей племяннице будет от меня не больше пользы, чем от дыры в голове, - произнес я. - Нет, это дурацкая идея. Я найду что-нибудь другое. Договорились, я уеду на три месяца. Мне...

Он повертел в пальцах очки.

- Моей племяннице нужна помощь. - Он пристально посмотрел на меня. - Неужели вам не хочется помочь людям? Или вы решили, что только другие обязаны все время помогать вам?

При такой постановке вопроса возразить было нечего. Что я теряю? Сидней оплатит мне время, необходимое для моей поправки. Я избавлюсь от магазина с его сочувственно приглушенными голосами и глумливой ухмылки Терри. Пожалуй, это идея. По крайней мере, что-то свежее, а мне так хотелось чего-нибудь нового! Довольно вяло я возразил:

- Но у меня нет квалификации для социальной работы. Я ничего в ней не смыслю и буду скорее обузой, чем помощником.

Мелиш взглянул на часы. Было заметно, что он думает о следующем клиенте.

- Если племянница решила, что вы ей пригодитесь, значит, у нее найдется для вас дело, - сказал он нетерпеливо. - Почему бы не попробовать?

Действительно, почему бы и нет? Я пожал плечами и согласился поехать в Луисвилл.

Первым делом я купил “бьюик” с откидным верхом. Путь домой потребовал напряжения всей моей воли. Я дрожал и обливался потом до тех пор, пока не поставил машину на стоянку. Минут пять затем я сидел за рулем, потом заставил себя запустить мотор и выехать на оживленную главную улицу, прокатился вдоль Приморского бульвара, снова повернул на главную улицу и направился к дому. На этот раз я не потел и не дрожал, ставя машину.

Сидней пришел проводить меня. - Через три месяца, Ларри, - он пожал мою руку, - ты вернешься и по-прежнему будешь лучшим спецом по бриллиантам. Удачи тебе.

Поезжай. С Богом.

И вот с чемоданом, набитым одеждой, без веры в будущее я отправился в Луисвилл.

Нужно отдать должное доктору Мелишу: он действительно обеспечил мне перемену обстановки. Луисвилл, расположенный миль за пятьсот к северу от Парадиз-Сити, оказался большим, беспорядочно разбросанным промышленным городом, который жил окутанный вечным облаком смога. Его заводы в основном занимались переработкой известняка. Известняк, к вашему сведению, перемалывают на известь, цемент, строительные и дорожные материалы. Это главная отрасль промышленности во Флориде. Ведя машину на малой скорости, я добрался до Луисвилла только через два дня. Как оказалось, я стал нервным водителем и каждый раз, когда мимо пронеслась машина, я вздрагивал, но продолжал путь и, проведя ночь в мрачном мотеле, прибыл наконец в Луисвилл, чувствуя себя на пределе сил и нервов.

Когда я подъезжал к предместьям, на моей коже начала оседать цементная пыль, вызывая неприятный зуд и желание помыться. Ветровое стекло и корпус машины тоже покрылись пылью. Даже самые яркие солнечные лучи не в состоянии были пронизать пелену из пыли цемента и смога, нависшую над городом. Вдоль шоссе, ведущего к центру, раскинулись огромные цементные заводы, и грохот перерабатываемой породы звучал как отдаленный гром. Я нашел отель “Бендинкс”, рекомендованный доктором как лучший в городе, в переулке неподалеку от Мэйн-стрит. Он являл собой унылое зрелище. Его стеклянные двери покрывала цементная пыль, в вестибюле стояли ветхие бамбуковые кресла, а столом администратора служила маленькая конторка, позади которой висела доска с ключами. За конторкой восседал высокий расплывшийся человек с длинными бакенбардами. Этот субъект выглядел так, словно побывал в стычке со смертельным врагом и теперь зализывал раны.

Он занес меня в книгу регистрации, не торопясь и не выказывая никакого интереса. Печальный бой-негр взял мой чемодан и проводил меня в номер на третьем этаже, выходящий окнами на многоквартирный дом. Мы поднимались на лифте, который шел рывками, скрипя и содрогаясь, а я порадовался, когда вышел из него целым и невредимым. Оказавшись в номере, я огляделся по сторонам. По крайней мере, здесь имелись четыре стены, потолок, туалет и душ, но больше ему было нечем похвастаться.

Ничего не скажешь, полная перемена обстановки! Парадиз-Сити и Луисвилл так же несхожи между собой, как “роллс-ройс” и помятый, сменивший трех хозяев “шевви”, и, может быть, такое сравнение оскорбительно для “шевви”. Я вынул вещи из чемодана, повесил одежду в шкаф, потом разделся и стал под душ. Решив взяться за себя,

я надел чистую белую рубашку и один из лучших костюмов. Я взглянул на свое отражение в засиженном мухами зеркале и почувствовал прилив уверенности в себе. По крайней мере, теперь я снова выглядел так, как выглядит человек с положением, пожалуй, немного поблекший, но все же, несомненно, не лишенный веса в обществе. Поразительно, сказал я себе, как способны преобразить человека, даже такого, как я, дорогой, хорошо сшитый костюм, белая рубашка и удачно подобранный галстук.

Доктор Мелиш дал мне телефон своей племянницы. Он сказал, что ее зовут Дженни Бак-стер. Я набрал номер, но никто не ответил. Слегка раздраженный, я минут пять прохаживался по комнате, затем позвонил еще раз. Опять никого. Я подошел к окну и выглянул. Улица внизу была полна народу.

Прохожие, сновавшие во всех направлениях, выглядели неряшливо, большинство казались грязными. Это были в основном женщины, направляющиеся за покупками, уйма ребятни, давно не мывшейся, если судить по их внешнему виду. Машины, запрудившие мостовую, покрывала цементная пыль. Позже я узнал, что цементная пыль была главным врагом города, худшим даже, чем скука, считавшаяся врагом номер два. Я снова набрал номер Дженни Бакстер и на сей раз услышал женский голос:

- Алло?

- Мисс Бакстер?

- Да.

- Говорит Лоуренс Карр. Ваш дядя, мистер Мелиш...

Я сделал паузу. Знает она обо мне или нет?

- Ну, конечно. Где вы?

- В отеле "Бендинкс".

- Вы не подождете с часик? К тому времени я закончу срочные дела.

Вопреки ее учащенному дыханию, словно она только что бегом преодолела шесть лестничных маршей (как я узнал позже, именно так и обстояло дело), голос звучал энергично и деловито. У меня не было настроения торчать в этом убогом номере.

- А если мне подъехать? - спросил я.

- О да, приезжайте. У вас есть адрес? Я ответил утвердительно.

- Тогда приезжайте, когда вам будет удобно. Хоть сейчас.

Она положила трубку. Я спустился с третьего этажа по лестнице. Мои нервы по-прежнему пребывали в скверном состоянии, и я не желал иметь дело со скрипучим лифтом. Я спросил дорогу у боя-негра. Он сказал, что Мэддокс-стрит находится в пяти минутах ходьбы от отеля. Поскольку мне с трудом удалось найти место для парковки машины, я

решил идти пешком. Шагая по Мэйн-стрит, я заметил, что на меня обращают внимание. Постепенно до меня дошло, что люди глазеют на мой костюм.

Когда идешь по главной улице Парадиз-Сити, встречаешь конкурентов на каждом шагу. Там прямо-таки приходится хорошо одеваться, но здесь, в задыхающемся от смога городе, все казались мне оборванцами.

Я нашел Дженни Бакстер в служившей ей офисом комнатке на шестом этаже большого запущенного дома без лифта. Я вскарабкался по лестнице, чувствуя под воротничком шершавую цементную пыль. Перемена обстановки? Ничего не скажешь. Мелиш подобрал мне чудесную обстановочку.

Тридцатитрехлетняя Дженни Бакстер была высокой худой женщиной ростом примерно пять футов девять дюймов, с лицом, затененным массой неопрятных черных волос, заколотых на макушке и, казалось, готовых в любой момент рассыпаться в разные стороны. По моим стандартам ее фигуре не хватало женственности. Ее груди были маленькими холмиками, не привлекавшими сексуально, совсем не такими, как у женщин, которых я знал в Парадиз-Сити. Она выглядела слегка истощенной. Невзрачное серое платье она, должно быть, пошила сама: ничем другим нельзя было объяснить его покроем и то, как оно висело на ней. Хорошие черты лица. Нос и губы превосходны. Но что заорожило меня, так это глаза - честные, умные и пронизательные, как у ее дяди. Она что-то быстро писала на желтом бланке и, когда я вошел в комнату, подняла голову. С чувством неуверенности я остановился на пороге, недоумевая, за каким чертом я сюда приперся.

- Ларри Карр? - У нее был низкий выразительный голос. - Заходите.

Едва я шагнул в комнату, раздался телефонный звонок. Она взмахом руки указала мне на второй из двух находившихся в комнате стульев и сняла трубку. Ее реплики, в основном короткие "да" и "нет", звучали энергично и сухо. Похоже, она владела техникой влияния на собеседника, не давая разговору затянуться. Наконец она положила трубку на рычаг, провела карандашом по волосам и улыбнулась. Улыбка моментально преобразила ее. Это была чудесная открытая улыбка, теплая и дружеская.

- Извините, эта штука звонит не переставая. Значит, вы хотите помочь? Я сел.

- Если сумею.

Я сам не знал, искренне ли говорю.

- Но только не в таком красивом костюме. Я выдавил улыбку:

- Конечно, но вина тут не моя. Ваш дядя не предупредил меня. Она кивнула:

- Дядя - прекрасный человек, но его не интересуют детали.

Она откинулась на спинку кресла, рассматривая меня.

- Он рассказал мне о вас. Буду откровенна. Я знаю о вашей проблеме и сочувствую, но она меня не интересует, потому что у меня сотни своих проблем. Дядя Гарри говорил, что вам нужно оправиться, но это ваше дело, и, по-моему, вы сами должны решить все вопросы.

Она положила руки на усеянный пятнами бювар и опять улыбнулась:

- Пожалуйста, поймите. В этом страшном городе нужно очень многое сделать, очень многим оказать содействие. Мне не хватает помощника, и у меня нет времени на сочувствие.

- Я приехал помогать. - В моем тоне против воли прорвалось раздражение. - Что от меня потребуется?

- Если бы я только могла поверить, что вы действительно хотите мне помочь, - произнесла она.

- Я уже сказал, что приехал помогать. Так что же я должен делать?

Она достала из ящика смятую пачку сигарет и предложила мне. Я извлек из кармана предмет своей гордости, золотой портсигар, недавний подарок Сиднея ко дню рождения. Портсигар был не из простых. Он обошелся Сиднею в тысячу пятьсот долларов. Если угодно, называйте это символом положения. Даже некоторые из клиентов с интересом посматривали на него.

- - Может, закурите мои? - спросил я. Она посмотрела на сверкающий портсигар, потом на меня.

- Это настоящее золото?

- Это?

Я повертел портсигар в руке, чтобы она могла разглядеть его во всех подробностях.

- О, само собой.

- Но ведь он очень дорогой? Мне казалось, что цементная пыль сильнее заскребла шею под воротничком.

- Мне его подарили. Полторы тысячи долларов.

Я протянул портсигар ей:

- Не желаете попробовать мои?

- Нет, спасибо.

Она вытащила сигарету из своей мятой пачки и с трудом оторвала взгляд от портсигара.

- Будьте с ним поосторожнее, - продолжала она. - Могут украсть.

- Так здесь воруют?

Она кивнула и прикурила от золотой зажигалки.

- Полторы тысячи долларов? За такие деньги я могла бы месяц кормить десять моих семей.

- У вас десять семей? - Я убрал портсигар обратно в задний карман. - Неужели?

- У меня две тысячи пятьсот двадцать две семьи, - сказала она спокойно.

Выдвинув ящик обшарпанного стола, она достала план улиц Луисвилла и разложила его передо мной на столе. План был расчерчен фломастером на пять секций. Секции были помечены цифрами от единицы до пяти.

- Вам следует знать, с чем вы столкнетесь, - продолжала она. - Давайте я объясню.

И она рассказала, что в городе занимаются социальной опекой пять человек, все профессионалы. За каждым закреплена секция города. Ей досталась худшая. Она на секунду подняла на меня глаза и улыбнулась.

- Другие от нее отказывались, вот я и взяла ее. Я провела здесь последние два года. Моя работа - оказывать помощь там, где в ней по-настоящему нуждаются. Я могу пользоваться фондами, далеко не соответствующими нуждам. Я посещаю людей, составляю сводки. Данные нужно обрабатывать и заносить в карточки. - Она постучала карандашом по секции номер пять на плане. - Мой участок. Здесь, пожалуй, сосредоточено все самое плохое в этом ужасном городе. Почти четыре тысячи человек, включая детей, которые перестают быть детьми, когда им исполняется семь. - Ее карандаш переместился с обведенной секции номер пять и уткнулся в точку сразу же за чертой города. - Вот здесь находится Флоридский исправительный дом для женщин. Очень трудная тюрьма, здесь не только трудные заключенные, но и условия трудные. В ней содержатся главным образом долгосрочницы, и многие из них - неисправимые преступницы. Еще три месяца назад посещения не разрешались, но я в конце концов убедила заинтересованных лиц, что смогу принести пользу.

Зазвонил телефон, и после короткого разговора, состоявшего из ее обычных "да" и "нет", она положила трубку.

- Мне разрешено иметь одного бесплатного помощника, - продолжала она, словно нас и не прерывали. - Бывает, люди сами предлагают свои услуги, как в случае с вами. Вашим делом будет содержать в порядке картотеку, отвечать на звонки, справляться с текущими делами до моего прихода, перепечатывать сводки, если вы сумеете разобрать мой ужасный почерк. В общем, будете сидеть за этим столом и всем распоряжаться в мое отсутствие.

Я заерзал на неудобном стуле. О чем, черт побери, думал Мелиш? Или он не знал, что тут происходит? Ей нужен не человек в моем положении, а энергичная секретарша, привычная к канцелярской работе. Занятие было определено не для меня. Я так и сказал ей со всей вежливостью, на которую был способен. Однако в моем голосе невольно прозвучало недовольство.

- Это не работа для девушки, - возразила Дженни. - Моим последним помощником был пенсионер-счетовод. Шестьдесят пять лет и никаких дел, кроме игры в гольф и бридж. Он ухватился за возможность помогать мне и продержался две недели. Я не обиделась на него, когда он ушел.

- Выходит, ему надоело?

- Нет, не надоело. Он испугался. Я недоуменно уставился на нее:

- Испугался? Наверное, чересчур большого количества работы?

Она улыбнулась своей теплой улыбкой.

- Нет. Ему нравилось работать. Удивительно, сколько он успел сделать. Впервые привел мою картотеку в полный порядок. Нет, он не выдержал встречи с тем, что иногда входит в эту дверь. - Она кивнула на дверь тесного офиса. - Лучше сказать вам сразу, Ларри. Эту секцию города терроризирует молодежная банда. Она известна полиции как банда Джинкса. Им от десяти до двадцати лет. Их человек тридцать. Верховодит Страшила Джинкс. Так он сам себя называет. Вообразил себя каким-то мафиози, он свиреп и крайне опасен, а ребята слепо ему повинуются. Полиция ничего не может с ним сделать, он чертовски хитер. Попадались многие из банды, но Страшила - никогда... - Помолчав, она продолжала:

- Страшила считает, что я лезу не в свои дела. Он думает, что я передаю сведения полиции. По его мнению, все те, кому я собираюсь помочь, должны обходиться без помощи. Он и его компания ни в грош не ставят своих родителей, потому что те принимают пособия, которые я могу для них достать: молоко для малышей, одежду, уголь и так далее, и потому, что я помогаю им в затруднениях, скажем, с квартплатой и наймом. Все свои заботы бедные люди разделяют со мной, а Страшиле кажется, что я вмешиваюсь, и он затрудняет мне жизнь. Его дружки часто приходят сюда и пробуют запугать меня. - Она снова тепло улыбнулась. - Я их не боюсь, но до сих пор им удавалось запугивать моих добровольных помощников.

Я слушал, но не верил. Какой-то сопляк... Мне это казалось чепухой.

- Я что-то не вполне вас понимаю, - возразил я. - Вы хотите сказать, что этот мальчишка напугал вашего приятеля-счетовода и тот сбежал? Как ему удалось?

- Он большой мастер убеждать. Не надо забывать, что за эту работу не платят. Мой приятель-счетовод все мне объяснил. Он уже не молод. Вот он и решил, что ради работы не стоит рисковать.

- Рисковать?

- Они пригрозили ему, как обычно, что, если он не уйдет, они с ним встретятся как-нибудь темным вечерком. Они способны на любую жестокость. - Дженни посмотрела на меня, и ее лицо вдруг стало серьезным. - У него жена и уютный дом. Он решил уйти.

Я почувствовал, как у меня напряглись мышцы живота. Я хорошо знал уличную шпану. А кто не читал о них? Темным вечером ты идешь по улице, и вдруг на тебя набрасывается свора маленьких свирепых дикарей. Для них не существует никаких запретов. Пинок в лицо может лишить тебя набора приличных зубов. Пинок в пах может сделать человека импотентом. Но может ли такое случиться со мной?

- Вы не обязаны предлагать свои услуги, - сказала Дженни. - С какой стати? Дядя Гарри не думает о деталях, я ведь говорила.

Похоже, она прочла мои мысли.

- Давайте выясним один вопрос, - сказал я. - Должен ли я понимать вас так, что эта ребятня, этот Страшила могут угрожать мне, если я буду работать с вами?

- О да, рано или поздно он станет вам грозить.

- Его угрозы что-нибудь значат? Она раздавила в пепельнице сигарету со словами:

- Боюсь, что да.

Перемена обстановки? Я задумался. Внезапно я осознал, что за время разговора с этой женщиной ни разу не вспомнил о Джуди. Такого не случилось со мной со времени аварии. Может быть, пинок в лицо или даже в пах будут способствовать перемене во мне?

- Когда приступить к работе? - спросил я. Ее теплая улыбка согрела меня.

- Спасибо. Вы приступите, как только купите свитер и джинсы, и, пожалуйста, не пользуйтесь своим замечательным портсигаром. - Она встала. - Мне нужно идти. Я вернусь не раньше четырех. Тогда я объясню вам систему регистрации и правила ведения картотеки, после чего вы станете полноправным сотрудником.

Мы спустились с шестого этажа, вышли на улицу, и я проводил ее до покрытого цементной пылью "Фиата-500". Она медлила заводить мотор.

- Спасибо за желание помочь. Думаю, мы сработаемся. - Секунду-другую она присматривалась ко мне в маленькое боковое зеркальце. - Я

сочувствую вашему горю. Все устроится, нужно только набраться терпения.

Она отъехала. Я стоял на краю тротуара, чувствуя, как на меня оседает цементная пыль, которую влажная жара превращает в едкий, грязный пот. Дженни Бакстер понравилась мне. Глядя ей вслед, я думал, что меня ждет. Легко ли меня испугать? Я не имел понятия. Когда дойдет до дела, сразу узнаю. По узкой шумной улице я вышел на Мэйн-стрит в поисках джинсов и свитера.

Я ничего не почувствовал, когда это случилось. Маленький оборванец лет десяти внезапно налетел на меня, заставив пошатнуться. Он выпятил губы и, издав громкий непристойный звук, пустился наутек. Лишь вернувшись в отель “Бендинкс”, я обнаружил, что мой дорогой пиджак разрезан бритвой, а золотой портсигар исчез.

Глава 2

Переодевшись в джинсы и свитер, я отправился в полицейский участок, чтобы заявить о пропаже портсигара. К моему удивлению, оказалось, что я не очень сильно расстроен его исчезновением, но я знал, что Сидней будет убит, и было бы справедливо по отношению к нему постараться получить его назад. Дежурную комнату наполняла цементная пыль и запах невымытых ног. На длинной скамье у стены сидели человек десять оборванных и угрюмых ребят. Их маленькие темные глаза следили за мной, когда я подходил к дежурному сержанту. Сержант напоминал здоровенную глыбу мяса, с лицом, похожим на кусок сырой говядины. Он сидел в одной рубашке, и по его лицу в складки жирной шеи стекал пот, смешиваясь с цементной пылью. Он катал взад и вперед по листу промокашки огрызок карандаша, а когда я подходил, слегка приподнялся, чтобы выпустить газы. Мальцы на скамейке захихикали. Пока я рассказывал о пропаже портсигара, он не переставал катать карандаш, потом вдруг поднял голову, и взгляд его свинячьих глазок прошелся по мне с интенсивностью газосварочной горелки. - Вы приезжий? - поинтересовался он.

Его голос звучал сипло, словно сорванный от крика. Я подтвердил, добавив, что приехал совсем недавно и буду работать с мисс Бакстер, служащей социальной опеки. Он сдвинул фуражку со лба и, не поднимая глаз от своего карандашного огрызка, вздохнул и вытащил бланк заявления, велел мне заполнить его, а сам вновь принялся катать карандаш. Я заполнил бланк и вернул ему. В графе “стоимость украденного” я вписал “1500 долларов”. Сержант прочел написанное,

потом его массивное лицо напряглось, и, отодвинув бланк обратно ко мне, уткнув палец в графу “стоимость украденного”, он спросил своим сиплым голосом:

- Это что такое?

- Столько стоит портсигар, - ответил я. Он что-то пробурчал себе под нос, глянул на меня в упор, потом уставился на бланк.

- Мой пиджак порезан бритвой, - добавил я.

- Вот как? Пиджак тоже стоит полторы тысячи баксов?

- Пиджак стоил триста долларов. Он фыркнул, выпуская воздух через мясистые ноздри.

- Можете описать мальчишку?

- Лет примерно десяти, волосы черные, растрепанные, черная рубашка и джинсы, - ответил я.

- Видите его здесь?

Я обернулся и посмотрел на ребят, сидевших рядом. Большинство из них были темноволосые, растрепанные, одетые в черные рубашки и джинсы.

- Это мог быть любой из них, - сказал я.

- Угу. - Он сверлил меня взглядом. - Вы уверены насчет стоимости портсигара?

- Уверен.

- Угу. - Он потер потную шею, потом положил бланк на стопку таких же. - Если мы его найдем, то дадим вам знать.

Последовала пауза, потом он спросил:

- Долго пробудете здесь?

- Два или три месяца.

- С мисс Бакстер?

- Такова идея.

С минуту он изучал меня, потом медленная презрительная улыбка поползла по его лицу.

- Ничего себе идея.

- Думаете, мне столько не продержаться? Он засопел и снова принялся катать карандаш.

- Если мы его найдем, вас известят. Полторы тысячи, верно?

- Да.

Он кивнул, потом вдруг проревел громовым голосом:

- Сидеть смирно, стервецы! Я вышел и уже в дверях услышал, как он говорил другому копу, подпиравшему грязную стенку:

- Еще один тронутый.

Часы показывали двадцать минут второго. Я отправился на поиски ресторана, но на Мэйн-стрит их не было видно. В конце концов я

удовлетворился засаленным табуретом в баре, набитом потными, пахнущими грязью людьми, которые с подозрением смотрели на меня и сразу отводили взгляды. Выйдя из бара, я решил пройтись. Луисвилл не мог предложить ничего, кроме пыли и созерцания нищеты. Я обошел район, отмеченный на карте Дженни как пятый сектор. Там я оказался в мире, о существовании которого и не догадывался. После Парадиз-Сити мне казалось, что я спустился в Дантов ад.

Люди сторонились меня, а некоторые оглядывались и перешептывались. Одни ребята свистели вслед, другие издавали громкие непристойные звуки. Я ходил до четырех часов, после чего повернул к офису Дженни. Теперь она казалась мне необычайной женщиной. Провести два года в таком аду и сохранить способность тепло и сердечно улыбаться - немалое достижение. Когда я вошел, она сидела за столом и быстро писала на желтом бланке. При моем появлении Дженни подняла голову и встретила меня той теплой, сердечной улыбкой, о которой я думал.

- Так-то лучше, Ларри, - сказала она, оглядев меня. - Гораздо лучше. Садитесь, и я объясню вам свою систему регистрации, как я ее называю в шутку. Вы умеете обращаться с пишущей машинкой?

- Умею.

Я сел и подумал, не сказать ли ей о портсигаре, но решил промолчать. По ее словам, у нее слишком много забот, чтобы выслушивать еще и меня. В течение следующего часа она объясняла мне свою систему, показывала сводки и картотеку, и все это время не переставая звонил телефон. В шестом часу Дженни взяла несколько бланков и пару авторучек, заявив, что ей нужно идти.

- Закрывайте в шесть, - сказала она мне. - Если бы вы смогли перед уходом отпечатать вот эти три сводки...

- Конечно. Куда вы направляетесь?

- В больницу. Мне надо навестить трех старушек. Мы открываемся в девять утра. Возможно, я не сумею прийти до полудня. Завтра мой день посещения тюрьмы. Импровизируйте, Ларри. Не теряйтесь с ними и за нос себя водить тоже не давайте. Если им что-нибудь нужно, скажите, что поговорите со мной.

Махнув на прощанье рукой, она исчезла. Я отпечатал сводки, обработал их и занес на карточки, затем распределил по ящикам. Меня удивило и немного разочаровало молчание телефона. Он словно знал, что Дженни здесь нет и она не ответит. Впереди был весь вечер, и заполнить его было нечем. Оставалось только вернуться в отель. Поэтому я решил задержаться и привести в порядок картотеку. Надо

признаться, что много я не наработал. Начав читать карточки, я увлекся.

Они раскрывали живую картину преступности, нищеты, отчаянья и безденежья, захватившую меня, как первоклассный детектив.

Я начал понимать происходившее в пятой секции этого одолеваемого смогом города. Когда стемнело, я включил настольную лампу и продолжил читать. Я так увлекся, что не услышал, как открылась дверь. Даже если бы я не погрузился в чтение до такой степени, мне все равно было бы не расслышать, как ее открывали. Это было проделано украдкой, дюйм за дюймом, и лишь когда на стол упала тень, я понял, что в комнате кто-то есть. Я был ошарашен. Чего, конечно, и добивались. При тогдашнем состоянии моих нервов я, должно быть, подскочил на шесть дюймов. Я поднял глаза, чувствуя, как у меня сжимаются мышцы живота, уронил ручку, и она покатилась под стол.

Мне никогда не забыть первую встречу со Страшилой Джинксом. Тогда я не знал, что это он, но, когда на следующее утро я описал его Дженни, она все разъяснила.

Вообразите высокого, очень худого юнца лет двадцати двух. Темные волосы, спутанные и сальные, свисали ему на плечи. Худое лицо было цвета застывшего бараньего сала. Глаза, похожие на черные бусинки, сидели вплотную к тонкому хрящеватому носу. На вялых красных губах блуждала глумливая ухмылочка. Одежда его состояла из грязной желтой рубашки и несусветных штанов, отделанных кошачьим мехом на бедрах и по краям штанин. Тонкие, но мускулистые руки покрывала татуировка. Кисти с тыльной стороны пересекали непристойные надписи. Тонкую, почти неощутимую талию стягивал семидюймовый кожаный ремень, усаженный острыми медными гвоздями, - страшное оружие, если ударить им по лицу. От него едко воняло грязью. Мне казалось, что если он тряхнет головой, то на стол посыпятся вши. Меня удивило, как быстро я справился с испугом, я отодвинулся на стуле назад, чтобы получить возможность быстро вскочить на ноги. Сердце гулко колотилось, но я полностью владел собой. В памяти мелькнул разговор с Дженни и ее предупреждение, что местная шпана крайне жестока и опасна.

- Привет, - выдавил я. - Вам что-нибудь нужно?

- Ты новый багран?

У него оказался неожиданно низкий голос, что еще больше усиливало угрожающее впечатление.

- Верно. Только приехал. Чем могу помочь? Он окинул меня взглядом. За его спиной я уловил движение и понял, что он не один.

- Позови своих друзей, или, может, они стесняются? -
поинтересовался я.

- Им и так хорошо, - отозвался он. - Ты бегал к легавым, верно,
Дешевка?

- Дешевка? Мое новое имя?

- Точно, Дешевка.

- Ты зовешь меня Дешевкой, значит, я зову тебя Вонючкой, идет?
Маленькие глазки Страшилы загорелись и превратились в красные
бусинки.

- Больно ты умный!

- Именно. Выходит, мы соответствуем друг другу, верно, Вонючка?
Чем могу служить?

Медленно и неторопливо он расстегнул ремень и взмахнул им.

- Хочешь получить вот этим по своей поганой физии, Дешевка? -
спросил он.

Я оттолкнул стул назад и, вскочив, подхватил пишущую машинку.

- А ты хочешь получить вот этим по твоей поганой физии, Вонючка?
- спросил я.

Лишь несколько часов назад я спрашивал себя, легко ли меня
испугать. Теперь я знал ответ: нелегко. Мы молча смотрели друг на
друга, потом он все так же медленно и неторопливо застегнул пояс, а я
под стать ему неторопливо поставил машинку. Казалось, мы оба
вернулись на исходную позицию.

- Не задерживайся у нас. Дешевка, - распорядился он. - Такие типы,
как ты, нам не нравятся. Больше не ходи к легавым. Мы не любим
типов, которые ходят к легавым. - Он бросил на стол пакет из
засаленной коричневой оберточной бумаги. - Безмозглый говнюк не
знал, что это золото...

Он вышел, оставив дверь открытой. Стоя неподвижно, я
прислушивался, но они ушли так же беззвучно, как и появились.
Впечатление было жутковатое. Похоже, они нарочно двигались
подобно призракам. Я развернул пакет и обнаружил там свой
портсигар, вернее, то, что от него осталось. Кто-то, вероятно при
помощи кувалды, превратил его в тонкий исцарапанный лист золота.

В ту ночь впервые после смерти Джуди она не приснилась мне.
Вместо этого мне снились глаза как у хорька, с издевкой смотревшие на
меня, и низкий, угрожающий голос, произносивший вновь и вновь: "Не
задерживайся у нас, Дешевка!"

Дженни не показывалась в офисе до полудня. Я провел несколько часов за работой над алфавитным указателем и дошел до буквы “з”. Пять или шесть раз звонил телефон, но каждый раз звонившая женщина бормотала, что хотела бы поговорить с мисс Бакстер, и бросала трубку. У меня побывало трое посетительниц, пожилых, неряшливо одетых женщин, которые удивленно таращились на меня и пяtilись в коридор, тоже говоря, что им нужна мисс Бакстер. Улыбаясь своей самой лучезарной улыбкой, я спрашивал, не могу ли я чем-нибудь им помочь, но они удирали, как испуганные крысы. Около половины двенадцатого, когда я стучал по клавишам пишущей машинки, дверь с треском распахнулась, и парнишка, в котором я сразу узнал укравшего у меня портсигар и разрезавшего мой пиджак, показал мне язык и, издав губами презрительный звук, метнулся за дверь. Я не потрудился догонять его. Когда прибыла Дженни, ее волосы выглядели так, словно они вот-вот упадут ей на лицо, улыбка была не такой теплой, как обычно, а в глазах светилась тревога.

- В тюрьме серьезные неприятности, - сказала она. - Меня не пустили. Одна из заключенных впала в буйство. Пострадали две надзирательницы.

- Скверно.

Она села, глядя на меня.

- Да.

Последовала пауза, затем она спросила:

- Все нормально?

- Конечно. Вы не узнаете свою картотеку, когда у вас найдется время взглянуть на нее.

- Были какие-нибудь осложнения?

- Вроде того. Вчера вечером ко мне тут наведалься один тип. - Я описал его внешность. - Это вам о чем-нибудь говорит?

- Это Страшила Джинкс. Она подняла руку и беспомощным жестом уронила ее на колени.

- Быстро он за вас взялся. Фреда он не трогал целых две недели.

- Фред? Ваш приятель-счетовод? Она кивнула:

- Рассказывайте, что здесь произошло. Я рассказал, умолчав только о портсигаре, что ко мне явился Страшила и порекомендовал не задерживаться в городе надолго. После того как мы обменялись угрожающими жестами, он убрался.

- Я предупреждала, Ларри. Страшила опасен. Вам лучше уехать.

- Как же вы-то пробыли здесь два года? Разве он не пытался вас выставить?

- Конечно, но у него есть своеобразный кодекс чести. Он не нападает на женщин, и, кроме того, я ему твердо заявила, что он меня не запугает.

- Меня ему тоже не испугать. Она покачала головой. Прядь волос упала ей на глаза.

- Ларри, в этом городе храбрость - непозволительная роскошь. Раз Страшила не хочет, чтобы вы здесь оставались, значит, вам лучше уехать.

- Неужели вы говорите серьезно?

- Да, ради вашего же блага. Вы должны уехать. Я справлюсь одна. Не надо еще больше усложнять положение. Пожалуйста, уезжайте.

- Никуда я не поеду. Ваш дядя прописал мне перемену обстановки. Извините за эгоизм, но я больше озабочен своей проблемой, чем вашими. - Я улыбнулся ей. - С тех пор как я оказался здесь, я не думаю о Джуди. Ваш город пошел мне на пользу. Я остаюсь.

- Ларри, вас могут избить.

- Ну и что? - Нарочно меняя тему, я продолжал:

- Тут заходили три старушки, но не пожелали со мной говорить. Им были нужны вы.

- Прошу вас, Ларри, уезжайте. Говорю вам, Страшила опасен.

Я взглянул на свои часы: четверть первого.

- Надо поесть. - Я встал. - Я скоро вернусь. Можно в этом городе получить где-нибудь приличный обед? До сих пор я живу на одних гамбургерах.

Она посмотрела на меня с тревогой в глазах, потом развела руками, признавая свое поражение.

- Ларри, я надеюсь, вы сознаете, что делаете и на что идете?

- Вы говорили, что вам нужен помощник, вот вы его и получили. Давайте не будем драматизировать. Так как насчет приличного ресторана?

- Хорошо, раз вы так хотите. - Она улыбнулась. - “Луиджи” на Третьей улице, в двух кварталах налево от вашего отеля. Хорошим его не назовешь, но и плохим тоже.

Тут зазвонил телефон, и я вышел, слыша за спиной ее привычные “да” и “нет”.

После посредственного обеда - мясо оказалось жестким, как старая подметка, - я зашел в полицейский участок. На скамейке у стены одиноко сидел парнишка лет двенадцати, с подбитым глазом. Из его носа на пол капала кровь. Наши взгляды встретились. Какая же ненависть была в его глазах! Я подошел к столу сержанта, который по-

прежнему катал взад и вперед свой карандаш, тяжело дыша носом. Он поднял голову.

- Опять вы?

- Чтобы избавить вас от лишних хлопот, - сказал я.

Я не понижал голоса, уверенный, что мальчишка, сидящий на скамейке, принадлежит к банде Страшилы.

- Я получил свой портсигар обратно. Я положил расплющенный кусок золота на бювар перед сержантом. Он посмотрел на остатки портсигара, повертел в потных ручищах, потом положил на стол.

- Вчера вечером Страшила Джинкс вернул его мне, - продолжал я.

Он уставился на смятый кувалдой портсигар. Я рассказывал невозмутимым тоном:

- Он сказал, будто они понятия не имели, что это золото. Вы сами видите, как они с ним поступили.

Он прищурился, разглядывая сплющенный кусок металла, потом коротко фыркнул носом.

- Полторы тысячи баксов, а?

- Да.

- Страшила Джинкс?

- Да.

Он откинулся на спинку кресла и стал присматриваться ко мне с насмешкой в свинячьих глазках. Наконец спросил:

- Будете подавать жалобу?

- А стоит ли?

Мы посмотрели друг на друга в упор. Казалось, можно было расслышать, как скрипят его не привыкшие к мыслям мозги.

- Сказал вам Страшила, что портсигар украл он?

- Нет.

Он извлек мизинцем немного цементной пыли из ноздри, внимательно осмотрел найденное, затем вытер палец о рубашку.

- Были свидетели, когда он возвратил его?

- Нет.

Он сложил руки, наклонился вперед и посмотрел на меня с презрительной жалостью.

- Слушайте, приятель, - сказал он сиплым, сорванным голосом, - если вы рассчитываете остаться в этом проклятом городе, не подавайте жалобу.

- Спасибо за совет. Тогда не буду. Наши глаза встретились, и он добавил, понизив голос до шепота:

- Говоря неофициально, приятель, на вашем месте я бы поскорее убрался из нашего города. Простофили, которые берутся помогать мисс

Бакстер, долго не выдерживают, и мы ничего тут не можем поделать. Я, конечно, предупреждаю неофициально.

- Он случайно не из банды Джинкса? - спросил я, повернувшись к парнишке, который сидел, наблюдая за нами.

- Верно.

- У него кровь.

- Угу.

- Что с ним случилось?

Взгляд свинячьих глазок стал отчужденным. Я понял, что надоел ему.

- Вам-то какая забота? Если больше нечего сказать, шагайте отсюда.

Он снова принялся катать свой карандаш. Я подошел к парнишке.

- Я работаю у мисс Бакстер, служащей социальной опеки, - начал я. - Мое дело - помогать людям. Могу я чем-нибудь тебе...

Я не успел договорить. Парнишка плюнул мне в лицо.

В течение следующих шести дней не произошло ничего примечательного. Дженни появлялась, бросала на стол желтые формуляры, озабоченно спрашивала, нет ли у меня каких-нибудь затруднений, и снова убегала. Меня поражало, как она может поддерживать такой темп. И еще мне казалось странным, что она вечно носит одно и то же невзрачное платье и не заботится о своей внешности. Я перепечатывал сводки, классифицировал их, заносил на карточки и продолжал наводить порядок в картотеке. Очевидно, разошелся слух, что я стал официальным помощником, потому что старые, увечные и немощные начали приходить ко мне со своими заботами. Большинство пытались надуть меня, но я спрашивал у них фамилии и адреса, вкратце записывал суть жалоб и обещал поговорить с Дженни. Когда в их бестолковые головы просочилось, что им меня не провести, они начали обращаться со мной по-приятельски. Дня четыре мне это нравилось, пока я не обнаружил, что их болтовня не дает мне работать. После этого я не давал им засиживаться. К своему удивлению, я находил, что мне нравится этот странный контакт с миром, о существовании которого я раньше не догадывался. Для меня явилось полной неожиданностью письмо от Сиднея Фремлина, написанное пурпурными чернилами, в котором он спрашивал, как мои успехи и когда я намереваюсь вернуться в Парадиз-Сити.

Лишь читая письмо я осознал, что забыл Парадиз-Сити, Сиднея и шикарный магазин с его богатой раскормленной клиентурой. Вряд ли

имело смысл описывать Сиднею мои занятия в Луисвилле. Скажи я ему о них, он слег бы в постель от отчаяния, и поэтому я написал, что думаю о нем (я знал, что он обрадуется этому), что мои нервы по-прежнему в плохом состоянии, что Луисвилл обеспечил мне перемену обстановки и что я скоро напишу ему. Я надеялся успокоить его этим примерно на неделю.

На шестой день все переменялось. Я пришел в офис, как обычно, около девяти. Входная дверь оказалась распахнутой настежь. С первого взгляда стало ясно, что замок взломан. Плоды моих шестидневных трудов, старательно отпечатанные сводки и карточки, были грудой свалены на полу и облиты растопленной смолой. Нечего было и думать что-нибудь спасти: смолу ничем не отмоешь. На столе красовалась надпись, сделанная моим красным фломастером: “Дешевка, убирайся домой!”

Меня удивила собственная реакция. Думаю, обычный человек испытал бы гнев, чувство безнадежности и, может быть, бессилие, но я реагировал иначе. Я похолодел, на меня нахлынула неведомая до сих пор злоба. Посмотрев на свою работу, погубленную глупым злым юнцом, я принял вызов: “Ты со мной так, и я с тобой так же”. На уборку ушло все утро. Я торопился, не желая, чтобы Дженни узнала о случившемся. К счастью, этот день отводился у нее для посещений, и я не ожидал ее раньше пяти часов вечера. Я принес банку бензина, счистил смолу с пола, испорченные сводки и карточки отнес в мусорный ящик. Появлявшимся несколько раз старушкам пришлось сказать, что у меня нет для них времени. Они изумленно смотрели на разгром и уходили. Одна из них, толстуха лет семидесяти, задержалась в дверях и наблюдала, как я оттираю пол.

- Давайте помогу, мистер Ларри, - сказала она. - Я к этому привычнее.

Наверное, злость в моем взгляде, когда я поднял голову, испугала ее. Она ушла. На телефонные звонки я не обращал внимания. К четырем часам я закончил уборку. И, сев за стол, снова принялся за картотеку. В четверть шестого прибежала Дженни и с усталым видом опустилась на стул по другую сторону стола.

- Все в порядке? - Она принялась. - Бензин. Что-нибудь случилось?

- Маленькое происшествие, пустяк, - объяснил я. - Как у вас?

- Нормально, как всегда. О вас начинают говорить, Ларри. Вы нравитесь старичкам.

- Шаг в верном направлении. - Я откинулся на спинку стула. - Расскажите мне о Страшиле. У нас есть на него карточка?

Она застыла, не сводя с меня взгляда:

- Нет. Почему вы спросили?

- Есть у нас что-нибудь на него? Где он живет?

Она продолжала пристально смотреть на меня:

- Зачем вам понадобилось знать, где он живет?

Я выдавил небрежную улыбку:

- Я тут думал о нем. Интересно, нельзя ли найти к нему подход, как-нибудь подладиться? Я имею в виду - подружиться. Как вы думаете?

Дженни покачала головой:

- Нет, абсолютно нет! Со Страшилой никто не может сдружиться. Это плохая идея, Ларри. Что-нибудь случилось? - Она замолчала, разглядывая меня.

- Случилось? - Я улыбнулся. - Просто я подумал, нельзя ли изобразить из себя доброжелателя, готового помочь. Потолковать с ним. Но не буду с вами спорить, вы лучше его знаете.

- Все-таки что-то случилось! Я знаю Страшилу! Но, пожалуйста, скажите мне!

- Ничего не случилось. Беда в том, Дженни, что на вас иногда нападает желание драматизировать события. - Я опять улыбнулся. Вдруг я почувствовал прилив вдохновения. - Если у вас нет более приятных планов, может, пообедаете со мной?

У нее расширились глаза.

- Пообедать? С радостью.

По выражению ее лица я понял, что это, возможно, первое приглашение, полученное ею со времени приезда в этот забытый Богом город.

- Здесь найдется какое-нибудь место, где мы можем прилично пообедать? От "Луиджи" я не в восторге. Куда можно пойти? Расходы не имеют значения.

Она хлопнула в ладоши:

- Вы это серьезно? Расходы не имеют значения?

- Именно. С самого приезда сюда я ничего не потратил, у меня полно денег.

- Тогда в "Плазе". Это в пяти милях от города. Я там никогда не бывала, но мне рассказывали.

Она жестикулировала и казалась возбужденной, как ребенок.

- Отлично. Я все устрою.

Она посмотрела на свои часики и вскочила.

- Нужно идти. Через пять минут у меня встреча.

- Так, значит, вечером в восемь. Приходите в отель. У меня машина. Договорились?

Она кивнула, улыбнулась и убежала. Несколько минут я сидел, думая о ней, потом набрал номер полиции и попросил соединить меня с сержантом. После недолгого ожидания в трубке послышался его сиплый голос.

- Говорит Карр. Помните меня? - спросил я. До меня донеслось его тяжелое дыхание.

- Карр? Полторы тысячи баксов? Правильно?

- Точно. Вы можете мне сказать, где обитает Страшила Джинкс? Где его логово?

Последовала длительная пауза, потом он спросил:

- Чего это вам вздумалось?

- Я хочу с ним встретиться. Нам давно пора потолковать.

- Ищете неприятностей?

- Я сотрудник опеки. Забыли? Прошу у вас информацию.

Снова последовала длинная пауза. Я представил, как он, задумавшись, катает взад-вперед свой карандаш. Наконец он сказал:

- Да, сотрудник опеки. - Опять последовала пауза, затем он сказал:

- Его нора в доме номер двести сорок пять, Ленсингтон. Банда сходится в кафе Сэма на Десятой улице. - Снова последовала пауза, послышалось тяжелое дыхание, потом он добавил:

- Не лезьте на рожон, приятель. Заварушки в этом городе приходится расхлебывать нам, а мы не любим работать.

- Вас можно понять, - отозвался я и положил трубку.

В телефонной книге я нашел номер ресторана "Плаза" и заказал столик на восемь сорок. Но Страшила опередил меня.

Дженни появилась в отеле ровно в восемь. Я едва узнал ее. Она заплела волосы в косу и туго затянула вокруг своей изящной головки. На ней было черное с белым платье, которое превратило ее из старомодной и плохо одетой неряхи в соблазнительную женщину. Явно довольная и гордая собой, она выжидательно улыбнулась мне.

- Сойдет?

Я надел один из своих лучших костюмов. Она была первой женщиной, которую я пригласил в ресторан после утраты Джуди.

- Вы выглядите чудесно, - сказал я, не покривив душой.

Мы подошли к стоянке, где я оставил свой "бьюик". Все шины были спущены, а водительское сиденье исполосовано бритвой. Поперек ветрового стекла шла надпись большими белыми буквами:

"Дешевка, убирайся домой!"

Нельзя сказать, чтобы вечер блестяще удался. Да и как могло быть иначе? Дженни расстроилась из-за машины, хотя я сдерживался, подавляя в себе жгучую ненависть к Страшילה. Я отвел ее обратно в

отель, усадил в шаткое бамбуковое кресло, а сам позвонил в прокатное бюро Херца. Машина прибыла через пятнадцать минут. Пока мы ждали, я старался успокоить Дженни.

- Послушайте, это все чепуха, - уговаривал я ее. - Отдам машину в ремонт. Это не проблема. Не обращайтесь внимания. Я уже забыл.

- Но, Ларри, неужели вы не понимаете, что этот ужасный мальчишка не оставит вас в покое. Вы должны уехать! Он может что-нибудь с вами сделать. Он зверь! Он ни перед чем не остановится. Он...

- Дженни!

Мой резкий тон сразу заставил ее замолчать.

- Мы ведь собирались пообедать. Хватит о Страшиле. Давайте поговорим о нас. Вы чудесно выглядите. Почему вы всегда носите свое ужасное серое платье?

Она непонимающе посмотрела на меня, потом беспомощно пожала плечами:

- О, вы об этом? Посмотрите, как одеты прохожие на улицах. Так что это моя маскировка. Поэтому я просила и вас носить свитер и джинсы. Здесь приходится одеваться в соответствии с ролью.

- Да. - Я понимал, насколько она права. - Я провел здесь только восемь дней, но картина мне ясна. Вы и вправду думаете, что можете помочь этим людям? Нет, подождите. Говорю вам, я получил впечатление о ваших подопечных. Эти люди - попрошайки, они постоянно норовят сжульничать. Они только берут. Неужели работа в подобных условиях такая уж распрекрасная идея.. Вам не кажется, что вы бегом поднимаетесь по эскалатору, который движется вниз?

После минутного раздумья она спокойно возразила:

- Кто-то ведь должен этим заниматься. К тому же один из пятидесяти действительно нуждается в помощи. Если я сумею помочь этому одному, значит, я работаю не напрасно.

Подкатила машина Херца. Я расписался в документах, и мы отправились за город. Ресторан "Плаза", расположенный на склоне холма с видом на огни Луисвилла, оказался шикарным и дорогим заведением. Готовили здесь хорошо. Оркестр негромко играл свинг. Вокруг было полно толстых пожилых мужчин и толстых расплывшихся женщин. Все громко разговаривали: обстановка, хорошо знакомая мне по Парадиз-Сити. Мы ели, беседовали, но хорошее настроение не приходило, потому что мы оба думали об испорченной машине, о Страшиле и о серой, убогой жизни Луисвилла. Но мы держали эти мысли при себе. Когда я отвез Дженни домой, было уже одиннадцать. Она поблагодарила за очаровательный вечер. Выражение ее глаз показывало, насколько она обеспокоена.

- Ларри, прошу вас, будьте реалистом, возвращайтесь в свой город. Пожалуйста.

- Я подумаю. Давайте как-нибудь еще проведем вечер вместе. - Я притронулся к ее руке. - В следующий раз повеселимся как следует.

Попрощавшись, я приехал к себе отель, переоделся в свитер и джинсы, спустился в вестибюль и спросил печального боя-негра, как найти Десятую улицу. Он посмотрел на меня как на сумасшедшего. После повторного вопроса он сказал, что до нее добрых полчаса ходу, и начал было объяснять дорогу, но я остановил его. Я вышел на жаркую, пыльную от цемента ночную улицу и подзвал такси. На углу Десятой я расплатился и зашагал по тускло освещенной улице, вдоль которой стояли мусорные баки, издававшие такое зловоние, словно в каждом из них лежал гниющий труп. Вокруг сновал народ, главным образом пожилые женщины, старухи и бродяги, лишенные крова. Дальше картина менялась. Неоновые лампы заливали тротуар резким белым светом. Теперь я старался держаться в тени. Здесь располагались обычные дешевые танцульки, клубы со стриптизом, кинозалы, в которых крутили порнографические фильмы, бары и кафе. Эту часть улицы населяла молодежь. Парни с длинными волосами, девчонки в коротеньких шортах и прозрачных блузках мельтешили вокруг и шумели. У большинства были транзисторы, извергавшие оглушительную поп-музыку. Чуть дальше я увидел мигавшую вывеску: "Кафе Сэма". Все так же держась в тени, я прошел мимо кафе. Перед ним ровной шеренгой стояли восемь блестящих мощных мотоциклов "хонда". С рулей свисали запасные шлемы. Кафе было набито битком. Я мельком увидел молодежь, одетую в обычную молодежную униформу, оглушал шум, вырывавшийся из кафе. Я дошел до конца улицы и повернул обратно. Найдя неосвещенный вонючий подъезд, я вступил в темноту. Отсюда я мог следить за кафе. Я прислонился к стене и стал ждать. Тлевший внутри меня гнев на Страшилу теперь разгорелся, как лесной пожар. Я думал о картотеке, облитой смолой, об изуродованной машине.

Около полуночи начался массовый выход из кафе. Вопя и перекликаясь, ребятня высыпала на улицу и разбежалась в разных направлениях. Потом вразвалочку вышли восемь тощих юнцов во главе со Страшилой. Все они были одеты одинаково: желтые рубашки, штаны, отделанные кошачьим мехом, и широкие пояса, усаженные гвоздями. Они оседлали свои "хонды", нахлобучили шлемы, и в следующую секунду воздух задрожал от дьявольского рева мощных моторов, работавших на холостых оборотах. Потом они рванули с ,

места. Производимый ими шум звучал так, словно началась третья мировая война.

Запомнив номер мотоцикла Страшилы, я дошел до перекрестка, дождался проезжавшего такси и вернулся в отель. Растянувшись на неудобной постели, я стал ждать. Пока тянулось ожидание, я выкурил бесчисленное множество сигарет. Лесной пожар моей ненависти бушевал, ничем не сдерживаемый. Около трех часов ночи я встал с кровати и тихо спустился по лестнице в вестибюль. Ночной дежурный крепко спал. Я вышел на жаркую пыльную улицу и отправился на поиски такси. Наконец я нашел машину с дремавшим водителем на стоянке у главной улицы. Я попросил отвезти меня в Ленсингтон. Поездка заняла десять минут. Луисвилл спал. Отсутствие машин позволяло гнать, не сбавляя скорости. Водитель остановился на углу улицы.

- Подождите меня, - попросил я, - я скоро вернусь.

Именно на таких улицах, как эта, плодятся паразиты. По обе ее стороны заслоняли небо многоквартирные дома со старомодными железными пожарными лестницами. Смердящие помойные баки, тротуар, замусоренный газетами, использованные презервативы и гигиенические салфетки валялись в водостоках. Я шел по безлюдной ночной улице, пока не поравнялся с домом номер двести сорок пять.

Здесь было логово Страшилы. Я остановился, увидев у тротуара блестящую “хонду”, и сверил номер. Передо мной стояла гордость и отрада Страшилы. Я оглянулся по сторонам, желая убедиться в отсутствии свидетелей. Единственным свидетелем оказалась тощая шелудивая кошка, метнувшаяся из темноты в проулок. Я повалил “хонду” набок, отвинтил колпачок бензобака. Когда бензин разлился широкой лужей вокруг мотоцикла, я чиркнул спичкой, отступил назад и бросил ее.

Глава 3

На следующее утро я по дороге в офис зашел в магазин скобяных товаров и купил черенок для кирки. Я принес его в офис и поставил сбоку возле стола. Здесь его не было видно, но я мог схватить его одним быстрым движением. Я подозревал, что он может мне пригодиться. Дженни прибежала около десяти с неизменной пачкой желтых формуляров в руке и одетая в невзрачное серое платье. Я с трудом узнал в ней женщину, с которой вчера вечером обедал в ресторане.

Она еще раз поблагодарила меня за приглашение и спросила, хорошо ли я спал. Я ответил, что спал отлично, - ложь, разумеется, поскольку я вообще вряд ли сомкнул глаза. Она присмотрелась к моей работе, и по выражению ее лица я понял, что она удивлена тем, что я дошел только до буквы "в". Ей неоткуда было знать, что Страшила испортил всю проделанную мной работу, а я не собирался объяснять. Вскоре она упорхнула.

Я стучал по клавишам машинки, не переставая прислушиваться. Было часов одиннадцать, когда появился Страшила с семьей дружками. Они вошли так бесшумно, что, хотя я все время держался настороже и ждал его, меня застали врасплох. Если бы не его садистское желание покрасоваться, я не имел бы ни единого шанса. Наверное, он чувствовал себя в полной безопасности с семьей дружками-верзилами за спиной.

Он остановился перед столом, со злорадным предвкушением глядя на меня красными глазами-пуговками, полными лютой ненависти, и начал очень медленно расстегивать ремень.

- Послушай, Дешевка, вот тебе за...

Но я уже справился с шоком, вызванным его появлением, и в следующую секунду уже действовал. Войди он с занесенным поясом, я ничего бы не успел сделать, но ему хотелось посмотреть, как я корчусь от страха. Одним движением я вскочил, отшвырнул стул, схватил палку и ударил. Мне было наплевать, убью я его или нет, поэтому я вложил в удар всю силу обеих рук и вес своего тела. Моя ярость не уступала его злобе.

Удар палкой пришелся ему по лицу. Два передних зуба вылетели и упали на мой стол. Из носа у него струей хлынула кровь. Его челюсть бессильно отвисла, глаза закатились. Он упал и остался лежать на полу бесформенной вонючей кучей. Я даже не задержался, чтобы взглянуть на него. Как разъяренный бык, я обежал стол, размахивая окровавленной палкой. Семерых дружков вынесло в коридор. Я лупил направо и налево, обезумев от неистовой ярости. Они посыпались вниз по лестнице, сбивая друг друга с ног в желании поскорее оказаться на улице. Я гнался за ними до площадки второго этажа, дубася по согнутым спинам. Здесь я остановился, а они понеслись дальше, похожие на испуганных крыс. В дверях появились лица. Под изумленными взглядами я поднялся обратно в офис. Противно было к нему прикасаться, но я не хотел, чтобы он оставался здесь. Я ухватил его за грязные сальные волосы и поволок по коридору на лестницу. Там я дал ему пинка, и он полетел кувырком и с грохотом приземлился на

нижней площадке. Я вернулся в офис, убрал палку в шкаф и позвонил в полицию. По моей просьбе меня соединили с сержантом.

- Это Карр. Помните такого? Полторы тысячи баксов.

Было слышно, как он тяжело сопит, переваривая сообщение.

- А теперь-то вы с чем? - спросил он наконец.

- Заходил Страшила, - сказал я. - Он хотел переделать мне лицо своим ремнем с гвоздями. Пришлось обойтись с ним немножко круто. Вы послали бы сюда "скорую", похоже, ему срочно необходим уход и забота.

Я положил трубку и минуту-другую сидел неподвижно, разбираясь в своих ощущениях. Я посмотрел на свои руки, лежавшие на столе. Они не дрожали. Я не чувствовал совершенно никакого внутреннего напряжения - словно после хорошей игры в гольф, - и это удивило меня. Вся яростная стычка заняла две минуты. Я совершил нечто такое, что еще три недели назад, даже меньше, считал бы для себя невозможным.

Я встретился лицом к лицу с восемью головорезами, одного искалечил, а других обратил в бегство. И теперь, когда все было позади, я не испытывал потрясения. Мне только хотелось закурить, что я и сделал. Потом, зная, что примерно через час придет Дженни, я достал из шкафа подовую тряпку и подтер кровь Страшилы. Запихивая тряпку в мусорную корзину, я услышал сирену санитарной машины. Я не потрудился выйти в коридор и, сидя за машинкой, продолжал работать над картотекой. Через некоторое время вошли два копа.

- Что здесь такое? - спросил один. - Из-за чего шум?

Они ухмылялись и выглядели донельзя довольными.

- Пришел Страшила и начал буянить, ну, я с ним и не церемонился, - объяснил я.

- Ага, мы его видели. Поднимайтесь, приятель, сержант хочет поговорить с вами.

По дороге в участок они сообщили мне результаты футбольного матча, который только что слушали по радио. Для копов они вели себя более чем приязненно. Я подошел к столу сержанта, который катал свой карандаш, но на сей, раз, кажется, без особого увлечения. Он посмотрел на меня, сузив свинячьи глазки, засопел, почесал под мышкой, потом сказал:

- Выкладывайте, что случилось.

- Я говорил вам по телефону, сержант, - отозвался я. - Страшила вернулся с семьей дружками. Он угрожал мне. Я вышвырнул его, а остальные убрались сами. Вот и все.

Он с любопытством посмотрел на меня, сдвинул фуражку на затылок и фыркнул носом.

- Я только что получил заключение врача, - сказал он. - У подонка челюсть вдребезги, сопатка вдребезги, восьми зубов как не бывало, и ему еще повезло, что он остался жив. Чем вы его огрели? Кирпичом?

- Торопясь уйти, он упал с лестницы, - высказался я без всякого выражения.

- Вроде как споткнулся, а?

- Вроде. - Последовала долгая пауза, потом я спросил:

- Вы не видели его ремень? Он весь утыкан заостренными гвоздями. Этим ремнем он собирался отхлестать меня по лицу.

Он опять кивнул, не спуская с меня глаз.

- Стоит ли нам плакать над ним, сержант? - продолжал я. - Если вы считаете, что я должен послать ему цветы, я пошлю, если вы и правда этого хотите.

Он вновь начал катать карандаш.

- Он может подать жалобу. Телесные повреждения. Нам пришлось бы расследовать.

- Так, может, подождем, пока он пожалуется. Свинячьи глазки опять остановились на моем лице, и он перестал катать карандаш.

- Угу. Это мысль.

Он посмотрел мимо меня и обвел взглядом пустую дежурку. По той или иной причине никто в тот момент не нуждался в помощи полиции, а мы были в комнате одни. Он наклонился вперед и просипел:

- Каждому полисмену в городе хотелось сделать с сукиным сыном то, что сделали вы. - Его похожее на кусок сырого мяса лицо расплылось в широкой дружеской улыбке. - Но смотрите, мистер Карр, Страшила вроде слона: он не забывает.

- У меня много работы, - ответил я. Мое лицо было по-прежнему лишено всякого выражения. - Я могу вернуться к своим делам?

- О, конечно.

Он откинулся назад, и его взгляд стал задумчивым.

- Шофер такси сообщил, что прошлой ночью видел, как загорелся мотоцикл Страшилы. Вы случайно ничего об этом не знаете?

- А должен? Он кивнул:

- Правильный ответ, мистер Карр. Но не зарывайтесь. Мы должны чтить в городе закон и сохранять порядок.

- Когда у вас найдется свободная минута, сержант, - отозвался я, - попробуйте сказать это Страшиле.

Мы посмотрели друг другу в глаза, потом я повернулся и вышел.

В офисе я застал Дженни. Разумеется, она знала обо всем. Я и не надеялся сохранить происшествие в секрете. Она была бледна и дрожала.

- Вы могли его убить! - воскликнула она. - Что вы с ним сделали?

- Он стал буйнить, вот и нарвался. - Я обошел стол и сел. - Ему давно причитается. Я говорил с полицией. Они веселятся, как ребята на вечеринке. Так что давайте забудем про Страшилу.

- Нет! - В ее глазах вдруг вспыхнул гнев, который я никак не ожидал увидеть. - Вы думаете, что вы герой, да? Ничего подобного! Я знаю, вы сожгли его мотоцикл! Вы сломали ему нос и челюсть! Вы такой же жестокий и злобный, как и он! Я не потерплю, чтобы вы здесь оставались! Вы портите все, что я стараюсь делать! Я хочу, чтобы вы ушли.

Я изумленно воззрился на нее:

- Вы еще скажите, что поедете в больницу и будете сидеть у его постельки.

- Незачем плохо остричь. Я хочу, чтобы вы ушли!

Меня начинала раздражать злость, но я овладел собой.

- Послушайте, Дженни, посмотрите в лицо фактам. С головорезами типа Страшилы нужно обращаться как с животными. Да они и есть животные, - заверил я. - Предположим, я сидел бы сложа руки и позволил бы ему содрать ремнем мясо с моей физиономии. Тогда вы были бы мной довольны?

- Вы чуть не убили его! Я не хочу с вами разговаривать! Поднимайтесь и уходите!

- Ладно. - Я встал и вышел из-за стола. - Я проживу в отеле еще пару дней. - У двери я остановился и взглянул на нее. - Дженни, беда в том, что хорошие люди редко бывают реалистами. Страшила - свирепое животное. Ладно, ступайте, держите его за ручку, если вам так хочется. У каждого есть право на собственное мнение. Но будьте осторожны, еще не родилось животное опаснее и свирепее Страшилы.

- Я не желаю вас слушать! - Она повысила голос. - Дядя ошибся, послав вас сюда! Вы совсем не годитесь для социальной работы! Вы не можете и никогда не сможете понять, что люди отзываются на доброту! Я работаю здесь два года, а вы пробыли тут десять дней. Вы...

И тогда я вспылел:

- Погодите!

Пораженная резкостью моего тона, она умолкла.

- Чего вы добились за два года своей добротой? Люди не ценят доброту! Все, что им от вас нужно, - это талон на обед или подачка. Они поднимут подачку, даже если ее швырнут им под ноги! Все те

женщины, от которых вам нет покоя, просто попрошайки. А вы уверены, что они не смеются над вами? Страшила годами терроризировал ваш сектор. Даже полиция не могла с ним справиться, а я вот справился, и, может быть, вы убедитесь, что я больше сделал для этого района города в десять дней, чем вы за два года!

- Уходите!

Я видел, что причиняю ей боль, но мне было все равно. Я сделал то, на что ни у кого в этом маленьком городишке не хватало смелости: прищемил хвост Страшиле Джинксу, и здорово прищемил.

Я оставил ее одну и зашагал к отелю “Бендинкс”. По дороге я заметил, что прохожие больше не сторонятся меня, а некоторые даже улыбаются мне. Новости расходятся быстро. Коп, стоявший на краю тротуара, дружески подмигнул. Я вдруг стал популярной личностью в Луисвилле, но и это не доставило мне радости: Дженни испортила триумф. Я просто не мог понять, как она может быть такой бестолковой. Я спрашивал себя, что я теперь буду делать. Может быть, через день-другой она поостынет и мы опять сможем работать вместе? Парадиз-Сити казался таким далеким, я не хотел возвращаться туда, во всяком случае, пока. Почувствовав, что проголодался, я зашел в ресторан “Луиджи”. Два пожилых официанта просияли, увидев меня, а в прошлый раз они меня игнорировали. Когда я начал есть, к столику подошел толстый пожилой мужчина с пятнами еды на костюме. Он представился как Херб Лессинг.

- У меня аптека за углом. Хочу вам сказать: по-моему, вы сделали хорошее дело. Этот ублюдок получил по заслугам. Может быть, теперь у меня будет покой по ночам. - Он помолчал, обдавая меня дыханием, потом добавил:

- Я считаю, что вы сослужили этому городу хорошую службу.

"Интересно, - подумал я, - что сказала бы Дженни, если бы слышала его слова". Я кивнул, поблагодарил и снова занялся едой.

После ленча, не желая возвращаться в отель, я от нечего делать пошел в кино. Фильм не мог отвлечь меня от мыслей о Дженни.

После кино я не спеша дошел до отеля и поднялся к себе в номер. “Вы такой же жестокий и злобный, как и он!” Я закурил сигарету и лег на кровать, думая о ее словах. В конце концов я решил, что, может быть, она и права. Со мной что-то происходит. Я вспомнил безумную ярость, овладевшую мной, когда я ударил Страшилу и набросился на его дружков. Правда, меня спровоцировали, но я понимал, что три месяца назад я ни в коем случае не поступил бы подобным образом. Не авария ли причина этого приступа безудержной ярости? Может, у меня в голове выбило с места какой-то винтик? Не посоветоваться ли с

доктором Мелишем? Потом я решил, что не стоит беспокоиться. В первый раз со времени утраты Джуди я почувствовал неодолимую, настойчивую потребность в женщине.

Что со мной происходит, черт возьми? Я недоумевал. Пожалуй, лучшим решением будет посещение местного борделя. В таком городе, как Луисвилл, должен быть бордель. Портье наверняка знает. Я посмотрел на часы: четверть седьмого. Сбрасывая ноги с постели, я сказал себе, что найду женщину, хорошо пообедаю в “Плазе”, а завтра видно будет. Когда я выходил из комнаты, зазвонил телефон. Беря трубку, я не знал, что этот звонок изменит всю мою жизнь.

- Мистер Карр? Говорит О'Халлоран, сержант городской полиции. Я узнал сиплый, сорванный голос.

- Да, сержант.

- Я пытался вас отыскать, но не сразу вспомнил, что вы остановились в “Бендинксе”.

- Да?

Я сразу насторожился, все мысли о женщине исчезли, и я почувствовал, как у меня напряглись мышцы живота.

- Какие-нибудь неприятности?

- Да, можно сказать. - Всхрапнув носом, он продолжал:

- Мисс Бакстер упала с лестницы. Она в больнице.

Я слышал замедленные удары собственного сердца.

- Она сильно расшиблась?

- Ну, ничего опасного, но сильно. - Он снова всхрапнул носом, умолк, потом добавил:

- Сломана лодыжка, сломано запястье, трещина в ключице. Здорово грохнулась.

- Где она?

- В городской больнице. Я подумал, что вас надо известить.

- Спасибо, - сказал я.

Послышался звук, озадачивший меня. Опять, что ли, катает свой карандаш?

- На верхней площадке натянули проволоку, - объяснил он. - Между нами говоря, думаю, что для вас, но споткнулась она.

Тлевший огонек ярости начал разгораться во мне.

- В самом деле? - отозвался я и повесил трубку.

В течение нескольких минут я стоял, мрачно уставившись в противоположную стену. Натянутая на лестнице проволока предназначалась мне. Со всеми своими дурацкими идеями о доброте Дженни пострадала вместо меня. Падение могло стоить ей жизни. Я позвонил портье и попросил соединить меня с городской больницей.

Когда дали больницу, я спросил, можно ли навестить мисс Бакстер. Какая-то сестра ответила, что до завтра нельзя.

- Мисс Бакстер дали снотворное. Я поблагодарил и повесил трубку. Начинало смеркаться, и тени сгущались. Выйдя из отеля, я дошел до здания, где помещался офис Дженни, и поднялся на шестой этаж. Ярость внутри меня росла. У меня все еще оставался ключ, который я забыл отдать уходя. Я отпер дверь, включил свет, подошел к шкафу и достал палку. Я положил ее на пол у стола в таком месте, где ее не было видно. Все остальные однокомнатные конторы в здании были закрыты, свет горел только в моем окне. Я надеялся, что этот способ соблазнит дружков Страшилы подняться для расправы со мной. Я страстно желал, чтобы они клюнули на мою приманку, дав мне возможность дорваться до них и спустить с них шкуры.

Я прождал до половины двенадцатого, а затем, захватив палку, закрыл офис и спустился на улицу. Поймав такси, я велел отвезти меня на Десятую улицу. Когда мы приехали, я расплатился и, подождав, пока такси отъедет, зашагал по пустынной в это время улице, хотя клубы стриптиза и кафе работали. Я приблизился к “Кафе Сэма”. Перед ним аккуратной сверкающей шеренгой стояли семь новеньких мотоциклов “хонда”. Шум, вырывающийся из кафе, раздирал барабанные перепонки. Держа палку под мышкой, готовый к драке, я отвинтил колпачки с бензобаков мотоциклов. Затем повалил их набок так, чтобы из них разлился бензин. Из кафе вышли девушка в мини-юбке и парень с ожерельем на шее. Они остановились и изумленно уставились на меня.

- Эй! - несмело окликнул меня парень. - Не тронь мотоциклы!

Не обращая на него внимания, я шагнул в сторону и закурил сигарету.

Девчонка испустила крик, похожий на бляенье овцы. Парень метнулся обратно в кафе. Я отошел и щелчком послал горящую сигарету в лужу бензина. Последовал взрыв, ослепительная вспышка, потом взметнулось пламя. Жар заставил меня отступить на другую сторону улицы. Семеро юнцов в грязных желтых рубашках и отделанных кошачьим мехом штанах высыпали из кафе, но тут же попятились, остановленные жаром.

Я наблюдал. Ни у одного из них не хватило духу вытащить хотя бы один мотоцикл из разбушевавшегося пламени. Они просто стояли и смотрели, как “хонды”, вероятно, их единственная любовь, тают в огне. Я ждал, сжимая палку обеими руками, мысленно уговаривая их броситься на меня, чтобы я мог измолотить их, но они не решались. Как глупые вонючие бараны, они стояли, глядя на гибель игрушек, которые

позволяли им чувствовать себя мужчинами, и не трогались с места. Через пять минут мне это надоело, и я ушел. Хотя Дженни, страдавшая на больничной койке, не знала об этом, я чувствовал, что расквитался за нее.

Я спал без сновидений и проснулся в девятом часу, разбуженный телефонным звонком. Я снял трубку.

- Мистер Карр, вас тут спрашивает полицейский, - произнес портье с укором в голосе.

- Я спущусь, - ответил я. - Попросите его подождать.

Торопиться я не стал. Я побрился, принял душ и надел дорогую спортивную рубашку и диагональные брюки, после чего спустился на скрипучем лифте.

Сержант О'Халлоран, массивный, в одной рубашке, без мундира, в сдвинутой на затылок фуражке, заполнил собой одно из бамбуковых кресел. Он курил сигару и читал местную газету.

Я подошел и сел рядом.

- Доброе утро, сержант. Выпьете со мной кофе?

Он опустил газету и, аккуратно сложив ее, положил на пол.

- Через полчаса мне на дежурство, - сказал он своим сиплым голосом, - но я решил зайти к вам. Обойдемся без кофе.

Он уставился на меня своими свинячьими глазками, холодными как лед и твердыми как алмаз.

- Ночью на Десятой улице был чертовский пожар.

- В самом деле? - Я ответил ему таким же взглядом. - Я еще не читал газеты.

- Сгорело семь дорогих мотоциклов.

- Кто-нибудь подал жалобу?

Он заложил толстые ноги одна на другую.

- Пока нет, но могут.

- И вам, конечно, придется расследовать? Он подался вперед, и в свинячьих глазках блеснул красный огонек.

- Вы начинаете меня беспокоить, Карр. Такой холодный безжалостный сукин сын еще не появлялся в нашем городе. Хочу вам сказать кое-что неофициально. Если вы выкинете еще один номер вроде вчерашнего, у вас будут неприятности. Вы чуть не спалили эту крошечную улицу. Хватит!

Я не испугался.

- Представьте ваших свидетелей, сержант, и тогда говорите о неприятностях, но не раньше. Я ни в чем не признаюсь, но, по-моему, местная полиция не в силах справиться с ублюдками вроде Страшилы Джинкса и ему подобными. Так что непонятно, с чего вы начинаете бляеть, когда это делают за вас другие. - Я встал. - Если хотите чашку кофе, присоединяйтесь. Я иду пить кофе.

Он сидел, уставясь на меня, и вертел недокуренную сигарету в толстых пальцах.

- Говорю вам: прекращайте. Еще одна такая выходка, и вам не миновать каталажки. Ваше счастье, что мне по душе мисс Бакстер. Она делает нужное дело. Может, вы думаете, что надо свести счеты, но пора и честь знать. Я не стал вмешиваться, когда вы обломали Страшилу. Он получил по заслугам, но вот ночная ваша проделка мне не нравится. - Он тяжело поднялся на ноги и встал передо мной. - Я чувствую в вас что-то такое... Похоже, что вы позаковыристее, чем эта банда безмозглых стервцов. Если я прав, то вы можете нарваться на крупные неприятности.

- Вы это уже говорили, - отозвался я вежливо. - Кажется, вы сказали, что разговор неофициальный?

- Угу.

- Тогда опять-таки неофициально, сержант, идите, вы в...

Я встал, пересек унылый вестибюль и вошел в еще более унылую столовую. Там я выпил чашку скверного кофе, покурил и просмотрел местную газетенку. Фотография семи кретинского вида юнцов, стоявших с мокрыми глазами над остатками своих "хонд", доставила мне немало удовольствия. Часов в десять я вышел из отеля, направился в единственный в городе цветочный магазин, купил там букет красных роз и зашагал к городской больнице. Иногда встречные улыбались мне, и я отвечал им улыбкой. После долгого ожидания меня наконец пропустили к Дженни. Она выглядела бледной, ее длинные волосы, заплетенные в косы, лежали по обе стороны плеч. Сестра засутилась с вазой для цветов, а потом вышла. Пока она возилась, я смотрел на Дженни, чувствуя себя великаном.

Она не знала, что я отомстил за нее. Я не только разделался со Страшилой, но теперь еще и спешил его семерых дружков-кретинов. Остаться без мотоциклов было для них равносильно кастрации.

- Привет, Дженни, как дела? - воскликнул я.

Она печально улыбнулась:

- Я не ожидала увидеть вас. Я думала, что после тех слов, которые я вам сказала, между нами все кончено.

Я пододвинул стул и сел.

- Так просто вы от меня не избавитесь. Забудем все. Как вы себя чувствуете?

- Я не могу ничего забыть. Зря я вам сказала, что вам непонятна доброта. Я рассердилась, а некоторые женщины, как мне кажется, в сердцах говорят не то, что думают на самом деле. Спасибо за розы. Они такие чудесные.

Интересно, что бы она подумала, узнав о семи сожженных “хондах”?

- Хватит об этом, - сказал я. - Вы не сказали мне, как вы себя чувствуете. Она состроила гримаску:

- О, нормально. Врач говорит, что я встану через три или четыре недели.

- Ту проволоку натянули для меня. Мне очень жаль, что вы наткнулись на нее.

Наступила долгая пауза, в течение которой мы смотрели друг на друга.

- Ларри, если у вас есть желание, вы могли бы оказать мне услугу, - сказала она. - Насчет офиса вам незачем беспокоиться, об этом позаботились, из муниципалитета прислали замену, но тут есть одно дело особого рода. Вы не согласитесь заняться им вместо меня?

Дело особого рода! Мне бы сказать ей, что я покончил с этой опекунской лавочкой, что это занятие не для меня, а для одних дураков, но меня подталкивала судьба.

- Конечно. Что за дело?

- Завтра из тюрьмы в одиннадцать освобождают одну женщину. Я навещала ее. И дала ей обещание... - На секунду умолкнув, Дженни посмотрела мне в глаза. - Надеюсь, вы понимаете, Ларри, что для человека, сидящего в тюрьме, обещание очень много значит. Я обещала встретить ее, когда ее выпустят, и отвезти домой. Она пробыла в тюрьме четыре года. Это будет ее первая встреча со свободой, и я просто не хочу разочаровывать ее. Если меня там не окажется, если никто не будет ее ждать, это может свести на нет все труды, которые я на нее положила. Не согласитесь ли вы встретить ее, объяснить, что со мной случилось и почему я не смогла прийти, быть с ней поласковее и отвезти домой?

"Господи, - подумал я, - как можно быть такой простодушной!"
Женщина, которая провела за решеткой в суровых тюремных условиях четыре года, наверняка должна быть тверже стали. Как и все прочие отиравшиеся вокруг Дженни попрошайки, эта женщина втирала ей очки, но, поскольку из-за меня Дженни сломала лодыжку, запястье и ключицу, я решил ублажить ее.

- Это не проблема, Дженни. Конечно, я встречу ее.

Она одарила меня своей теплой, дружеской улыбкой:

- Спасибо, Ларри. Вы сделаете доброе дело.

- Как я ее узнаю?

- Ее одну освобождают в одиннадцать часов. У нее рыжие волосы.

- Тогда это просто. За что ее посадили? Или мне не следует спрашивать?

- Нет, не следует, разве это имеет какое-то значение? Она отсидела свой срок.

- Да. И куда мне ее везти?

- У нее дом неподалеку от шоссе номер три. Там живет ее брат. Она покажет вам дорогу.

Появилась беспокойная медсестра и заявила, что Дженни нужно отдыхать. Вероятно, она была права. Дженни выглядела обессиленной.

- Ни о чем не беспокойтесь. - Я встал. - В одиннадцать часов я буду на месте. Вы не сказали, как ее зовут.

- Рея Морган.

- Порядок. Я навещу вас завтра после обеда и расскажу, как все прошло.

Сестра погнала меня из палаты. Удаляясь от больницы, я думал, что у меня осталась свободной большая часть дня, которую нечем заполнить. Я еще не знал тогда, что завтра встреча в одиннадцать с Реей Морган изменит все.

В четыре минуты двенадцатого решетка, загораживающая вход во Флоридский исправительный дом для женщин, распахнулась, и Рея Морган вышла на бледный солнечный свет, пробивавшийся сквозь смог и цементную пыль. Я сидел в отремонтированном “бьюике” уже минут двадцать и, увидев ее, щелчком отбросил сигарету, вылез из машины и подошел к ней. Трудно описать эту женщину словами, могу только сказать, что она была высокой, стройной, с густыми волосами цвета спелого каштана, одетая в поношенный серый плащ, темно-синие брюки и запыленные, стоптанные туфли. Женщины бывают красивые, хорошенькие и привлекательные, но Рея Морган не подходила ни под одну из этих категорий. Она была Рея Морган, единственная в своем роде. У нее были хорошие черты лица, хорошая фигура, длинные ноги и прямые плечи. Но самое большое впечатление производили ее необыкновенные темно-зеленые глаза. Большие глаза смотрели на мир с подозрением, с циничной насмешкой и обнаженной сексуальностью.

Эта женщина познала все. Когда наши взгляды встретились, у меня появилось чувство, что она на несколько лет старше меня и опытнее.

- Я Ларри Карр, - представился я. - Дженни в больнице. С ней произошел несчастный случай. Она попросила меня заменить ее.

Она взглянула на меня. Ее глаза раздели меня и ощупали мое тело. Ничего подобного я не испытывал раньше и реагировал на ее медленный изучающий взгляд так, как реагировал бы любой мужчина.

- Ладно. - Она посмотрела на “бьюик”. - Двинули отсюда. Дайте сигарету.

У нее был низкий, хрипловатый голос, такой же бесстрастный, как и ее глаза. Протягивая пачку сигарет, я поинтересовался:

- Разве вы не спросите, насколько серьезно пострадала Дженни?

- Дайте прикурить.

Когда я подносил огонь к ее сигарете, во мне закипел гнев.

- Вы слышали, что я сказал? Она втянула дым в легкие и медленно выпустила его из тонких ноздрей и жесткого рта.

- И что с ней?

Равнодушие, звучавшее в ее голосе, продемонстрировало мне лучше всяких слов, какая Дженни простофиля.

- Сломана лодыжка, сломано запястье и перебита ключица, - ответил я. Она сделала еще одну затяжку.

- Так и будем тут торчать? Я хочу домой. Ведь вас для того и прислали, чтобы отвезти меня?

Она обошла меня и, подойдя к “бьюику”, открыла правую дверцу, проскользнула в машину и захлопнула ее. Меня охватила холодная ярость. Я рывком распахнул дверцу.

- А ну вылезай, сука! - заорал я. - Можешь идти пешком! Я тебе не фраер вроде Дженни! Вылезай, или я тебя выкину!

Она еще раз затянулась сигаретой, разглядывая меня.

- Я и не считаю тебя фраером. Не бурчи кишками. Я заплачу. Отвези меня домой, а я заплачу за проезд.

Мы посмотрели друг на друга. И тут мной овладела та же жажда секса, что и прошлым вечером. Я едва сдерживал желание вытащить ее из машины и разложить прямо на грязной, запыленной цементной дороге. Теперь ее глаза казались мне зелеными омутами обещания. Я захлопнул дверцу, обошел машину и сел за руль. Машина помчалась по шоссе номер три. Когда я ждал на перекрестке удобного момента, чтобы пристроиться к потоку транспорта, она спросила:

- Как тебя угораздило связаться с этой дурочкой? Говоришь ты вроде на моем языке.

- Сиди и помалкивай. Чем больше я слушаю тебя, тем меньше ты мне нравишься. Она рассмеялась:

- Даешь! А ты штучка, парень! Она небрежно опустила любопытные пальцы на мое бедро. Я отбросил ее руку.

- Заткнись и сиди смирно, а то пойдешь пешком! - рявкнул я.

- Ладно. Дай еще сигарету.

Я кинул ей пачку и вырулил на шоссе. Через пять минут быстрой езды мы проехали мимо ресторана "Плаза".

- А он все еще тут, - заметила она. И вдруг я вспомнил, что эта женщина провела четыре года за решеткой. Эта мысль встряхнула меня. Я отпустил педаль газа.

- Куда везти? - спросил я, не глядя на нее.

- Еще миля, а там первый дорожный знак слева.

Следуя ее указаниям, через милю я свернул с шоссе на немощеную дорогу. Время от времени я посматривал на нее. Она сидела, отодвинувшись от меня, покуривая и глядя в ветровое стекло. В профиль ее лицо казалось высеченным из мрамора: такое же холодное и жесткое. Я думал о ее словах: "Я заплачу за проезд". Вкладывала ли она в них тот же смысл, который придал им я? Вожделение окатывало меня волнами горячей крови. Я не мог припомнить, чтобы когда-либо испытывал такое неистовое желание, и это потрясло меня.

- Далеко еще? - спросил я осипшим голосом.

- Повернешь налево в конце дороги, и мы на месте, - ответила она.

Она выбросила окурки в открытое окно. Я проехал еще милю и повернул налево. Впереди показалась узкая дорожка, и я замедлил ход. В конце дорожки стоял одноэтажный дощатый дом с верандой - заброшенный, ветхий, убогий.

- Это твой дом?

- Он самый.

Я затормозил, рассматривая постройку. Мне показалось, что худшего места для жилья не существует. Дом окружали буйные заросли сорняков, некоторые в пять футов высотой. Ограда повалилась и исчезла под сорняками. Несколько железных бочек из-под горючего, пустые консервные банки и клочья бумаги усыпали подходы к дому.

- Трогай! - нетерпеливо сказала она. - Что рот разинул?

- Это в самом деле твой дом? Она закурила еще одну сигарету.

- Здесь жил мой никудышный дурак папаша. Это все, что он нам оставил, - отозвалась она. - Тебе-то какая забота? Не хочешь ехать дальше, могу дойти и так.

- Нам? Кому "нам"?

- Мне и брату.

Она открыла дверцу и выскользнула из машины.

- Пока, мистер Благодетель. Спасибо, что подвез.

Она направилась к дому, быстро и широко шагая по неровной, усыпанной мусором аллее. Я подождал, пока она дойдет до двери, потом запустил мотор, проехал до конца дороги, где она терялась в траве, там остановился и, выйдя из машины, двинулся к дому. Входная дверь была открыта. Я заглянул в тесную прихожую. Слева виднелась дверь в комнату. Я услышал мужской голос:

- Господи! Никак вернулась!

По мне прокатилась волна холодного, горького разочарования. “Я заплачу за проезд” оказалось обманом. Я шагнул вперед, и Рея, услышав меня, обернулась.

- Тебе что-нибудь нужно? - спросила она. Показался мужчина, видимо, брат: высокий, мощного телосложения, с угловатым лицом и с такими же густыми каштановыми волосами и зелеными глазами. Он был одет во что-то напоминающее грязный мешок и замызганные джинсы. На вид он казался несколькими годами моложе ее: двадцать четыре, может быть, меньше.

- Это кто?

- Я Ларри Карр, - представился я, - сотрудник бюро опеки.

Мы уставились друг на друга. Когда он издал короткий глумливый смешок, я немедленно его возненавидел.

- И кто только к тебе не липнет, - сказал он Рее. - То хмыри какие-то, то теперь вот опекун из бюро.

- Ох, заткнись! - огрызнулась она. - Он никого не кусает. Есть какая-нибудь еда в этой вонючей дыре?

Я переводил взгляд с сестры на брата. Они были из чуждого мне мира. Мне вспомнился Парадиз-Сити с его богатыми жирными старухами и их собаками, суетившийся и мельтешивший Сидней, чистая привлекательная, молодежь в несусветных нарядах. И все же эта убогая обстановка имела для меня что-то примечательное.

- Как насчет помыться? - спросил я. - Я угощу вас обоих обедом.

Мужчина отпихнул Рею в сторону и двинулся ко мне:

- По-твоему, мне нужно мыться?

- Конечно, еще бы не нужно! От тебя воняет.

Рей, наблюдавшая со стороны, рассмеялась и встала между нами.

- Это мое, Фел. Не трогай его.

Поверх ее плеча мужчина сверлил меня злобным взглядом сверкающих зеленых глаз. Я ждал его первого движения и чувствовал острое желание ударить его. Наверное, он понял это по выражению

моего лица, потому что отвернулся и, пройдя через запущенную грязную комнату, толчком распахнул дверь и исчез за ней.

- Ничего себе возвращение домой, - сказал я. - Хотите угощу обедом?

Она окинула меня изучающим взглядом. Изумрудно-зеленые глаза смотрели с язвительной насмешкой.

- Мама! И приспичило же тебе! - воскликнула она. - Когда ты получишь меня, это обойдется тебе подороже обеда!

Ее слова звучали как вызов и обещание, и я улыбнулся:

- Я буду в отеле "Бендинкс" в любое время. Выйдя из дома, я направился к машине. Рано или поздно, говорил я себе, мы сойдемся. Это будет событие, которого стоит ждать.

Я вернулся в Луисвилл, съел ленч у Луиджи, потом купил кисть винограда и поехал в больницу. Дженни казалась более оживленной. Она бодро улыбнулась, когда я сел на стул возле ее постели.

- Как прошла поездка? - спросила она, поблагодарив за виноград.

В смягченном виде я описал встречу с Реей Морган. Я сказал, что встретил ее, отвез домой и распрощался, добавив, что ее брат показался мне прохвостом и не обрадовался моему приходу. Но Дженни было не так легко провести. Она испытующе посмотрела на меня:

- Что вы о ней думаете, Ларри? Я пожал плечами:

- Кремень. - Я старался сделать вид, что Рея мне безразлична. - Я сказал ей, что с вами случилось несчастье и вы послали за мной.

Она улыбнулась своей теплой улыбкой:

- Это ее не интересовало, правда?

- Нет, не интересовало.

- И все-таки вы не правы, Ларри. Люди отзываются на доброту.

- Она - нет.

- Да, это верно, но большинство отзывается, хотя, конечно, не все.

Она - трудный случай.

- Лучше не скажешь.

После долгой паузы Дженни спросила:

- Что вы намерены делать? Ведь здесь вы не останетесь?

- Скажите мне вот что. Вы в больнице уже два дня. Много у вас было посетителей, кроме меня?

Задавать этот вопрос было низостью с моей стороны, но я хотел убедиться в своей правоте.

- Только вы, Ларри. Больше никого. - Она вновь улыбнулась.

- Значит, ни одна из тех старух, которые осаждают вас просьбами, не зашла вас навестить?

- Это ничего не доказывает, Ларри. Вы не понимаете. Они все очень бедны, а приходя к больному, принято что-нибудь приносить. Им нечего принести, вот они и не идут.

Я кивнул:

- Спасибо за разъяснение. Неожиданно она спросила:

- А как ваша проблема, Ларри?

- Проблема?

Долю секунды я не понимал, о чем она, а потом вспомнил, что считаю себя человеком с проблемой, что я оплакиваю утрату Джуди, что я побывал в автомобильной аварии, что не мог сосредоточиться на работе и получил от ее дяди совет переменить обстановку. За последние два дня я начисто забыл о своих неприятностях.

- Мне кажется, что проблемы больше нет, - ответил я.

- Я так и подумала. Тогда вам лучше вернуться. Этот город - чуждая для вас стихия. Я подумал о Рее.

- Задержусь еще немного. Принести вам что-нибудь завтра?

- Вы ангел, Ларри, спасибо. Хорошо бы что-нибудь почитать.

Я купил "Соглашение" Элна Казана и послал ей в палату, решив, что эта книга как раз для нее.

Глава 4

После визита к Дженни я вернулся в свой отель. В течение получаса, проведенного в унылом маленьком номере, я думал о Рее Морган. Я ходил взад и вперед, а из головы не шли эротические мысли о ней. Я так отчаянно желал ее, что казалось, в моей крови свирепствует вирус. Воображая, как, раздев, я овладеваю ею, я обливался потом, но напоминал себе о ее словах: "Мама! И приспичило же тебе! Когда ты получишь меня, это обойдется тебе подороже обеда!" Но я не простофиля вроде Дженни. Когда она станет моей - а в этом я был уверен, - она не будет стоить мне ни цента. Но сначала следовало побольше узнать о ней. У Дженни должно быть ее досье, и я хотел прочесть его. Придя к такому выводу, я отправился в офис Дженни.

Я подъехал к зданию, где помещался офис Дженни, с боем захватил место для стоянки и поднялся на шестой этаж.

У дверей офиса я остановился. Через тонкие стенки доносился стук пишущей машинки, и это удивило меня. Я постучал, повернул ручку и вошел. За столом сидела худая пожилая женщина. Ее лицо выглядело так, словно его вырубали топором из тикового дерева. Затиснутая в угол, сидела девочка-подросток, неуверенно пытавшаяся одним

пальцем ударять по клавишам машинки. Обе уставились на меня, будто я свалился с луны.

- Я Ларри Карр, - представился я. Я улыбнулся Деревяшке самой своей приятной улыбкой. - Работал с Дженни Бакстер.

Она была профессиональным служащим социальной опеки, не то что Дженни. Такую не проведешь. Я легко представил, как наши старушки разбегаются, едва взглянув на нее.

- Да, мистер Карр? - Ее голосу позавидовал бы коп.

- Решил вот зайти, - сказал я.

Я перевел взгляд на картотеку, стоявшую позади девчонки, прекратившей печатать. Девчонка явно была недавней выпускницей средней школы, очень серьезная, совершенно бесполовая и с виду зануда. "Где-нибудь в этих ящиках, - думал я, - можно найти историю Реи Морган".

- Если могу помочь...

Недоконченная фраза выжидательно повисла в воздухе.

- Помочь? - Деревяшка застыла. - У вас есть квалификация, мистер Карр?

- Нет, но у меня...

Я замолчал, понимая, что зря трачу время, ей наверняка обо мне все известно.

- Благодарю вас, мистер Карр. - Она окинула меня жестким взглядом. - Мы прекрасно обойдемся без вас.

- Я просто подумал, что надо бы зайти. - Я попятился к выходу. - Я живу в отеле "Бендинкс". Если понадобится помощь, только позвоните.

- Мы не будем вас беспокоить, мистер Карр. - Потом она добавила с кислой улыбкой:

- Мисс Бакстер всегда выбирала дилетантов. У меня другие методы.

- Могу себе представить, - сказал я. Шагнув в коридор, я закрыл за собой дверь. Я предпочел бы все сделать легальным путем, но, если старая корова так все повернула, придется действовать иначе. У меня все еще оставался полученный от Дженни ключ. Я спустился с шестого этажа и вышел на пыльную от цемента улицу. Было пять часов, и я зашел в бар напротив и сел в угол, откуда мог наблюдать за подъездом. Я заказал пиво, закурил и стал ждать. Время шло. Люди входили и выходили. Со мной пытался заговорить пьянчужка, но я отмахнулся от него. После второй не спеша выпитой кружки пива я увидел, как из подъезда появилась Деревяшка с девушкой и они вместе пошли по улице. Деревяшка держала руку помощницы властной хваткой, словно ожидая, что откуда-нибудь выскочит мужчина и изнасилует девчонку. Я не торопился, выпил третью кружку пива, выкурил еще одну

сигарету, потом встал и вышел на улицу. Навстречу мне из конторского здания вышли три хихикающие девушки в мини-юбках. Четверть шестого. Через час стемнеет. Я не хотел зажигать свет в офисе: могут заметить.

Я стал подниматься по лестнице на шестой этаж. Владельцы маленьких однокомнатных контор окончили работу и уходили домой. Они шмыгали мимо меня, толстые и худые, некоторые со своими машинистками. Они не обращали на меня внимания. Уж очень им не терпелось вернуться в свои неуютные дома, чтобы сесть в кресло, смотреть телевизор, а потом лечь в постель со своими толстыми женами.

Когда я добрался до площадки шестого этажа, из соседнего офиса вышла женщина с лицом, похожим на сморщенную сливу, захлопнула дверь и бочком проскочила мимо меня, словно я был Бостонским Душителем. Я открыл дверь офиса Дженни, проскользнул туда, закрыл дверь и повернул ключ. Мне понадобилось минут десять, чтобы найти досье Реи Морган. Я уселся за стол и прочитал его с таким чувством, будто изучал собственное.

Дженни потрудились на славу. Записи были сделаны ее размашистым почерком. Должно быть, она сочла сведения слишком щекотливыми, чтобы отдать их помощнику для перепечатки. Рее Морган, как я узнал, исполнилось двадцать восемь лет. В возрасте восьми лет она предстала перед Законом как трудновоспитуемая. Ее послали в исправительный дом. В возрасте десяти лет она попала на краже губной помады и духов в магазине самообслуживания. Ее снова отправили в исправительное заведение. В возрасте тринадцати лет она вступила в половую связь с одним из служащих администрации. Их накрыли с поличным, и через несколько часов после прибытия полиции воспитатель перерезал себе горло бритвой. Ее перевели в дом с более строгим режимом.

Через год она сбежала. Годом позже ее задержали, когда она занималась проституцией, предлагая себя водителям грузовиков на шоссе в Нью-Йорк. Она вновь предстала перед Законом и была направлена на психиатрическое лечение. Оно не принесло успеха, потому что она улизнула и два года обреталась неизвестно где.

Потом ее арестовали в Джексонвилле вместе с тремя мужчинами, которые пытались ограбить банк. Адвокат ссылаясь на ее несовершеннолетие, и ей дали год. К тому времени ей должно было исполниться семнадцать лет. -Отсидев срок, она исчезла из виду и снова всплыла тремя годами позже, на сей раз в компании двух мужчин, задумавших ограбление ювелира. Она вела машину. Двое,

вооруженные игрушечными пистолетами, вошли в дешевый ювелирный магазин в Майами. Они были дилетантами и раскисли, когда появился охранник с сорокапятикалиберным пистолетом в руке. Рея могла уехать, но осталась и была арестована. С учетом прошлого она получила четыре года.

Снова выйдя на свободу, она участвовала в налете на бензоколонку. На этот раз судья дал ей на всю катушку, она угодила за решетку еще на четыре года, и на этом пока заканчивалась ее биография.

Я бросил папку на стол и закурил. Теперь, познакомившись с ее прошлым, я заинтересовался ее братом. Я поискал в папках, но ничего не нашел. Очевидно, Дженни не имела с ним дела, но я был уверен, что он и Рея - одного поля ягоды. В сгущавшихся сумерках я сидел за столом и думал о Рее. Я думал о жизни, которую она вела, и чувствовал, что завидую ей. Я вспоминал собственную монотонную домашнюю жизнь. Ласковую мать, умершую, когда мне было пятнадцать, отца, который ищачил в алмазных копиях, нажил уйму денег, неудачно вложил их и умер, сломленный неудачей. Рея жила порочной жизнью, но не сломалась. Едва выбравшись из тюрьмы, она снова становилась на уготованную ей судьбой преступную дорожку. Она, по крайней мере, обладала волей и энергией. Пусть ее воля была направлена на зло, но она подняла флаг и неслась вперед. Я раздавил окурок и закурил другую сигарету. Меня учили, что воровать дурно, но так ли это в условиях современного мира, в котором я живу? Не следует ли скорее считать это борьбой за выживание наиболее приспособленных к жизни, своего рода войной одного человека против полиции? Разве это не лучше, чем тоскливое существование людей, паразитирующих на Дженни? Половина моего рассудка говорила, что я не прав, а другая половина возражала. Я понимал, что внезапно Рея стала самым главным существом в моей жизни. Она привлекала меня сексуально, но сверх того я еще и завидовал ее смелости, вероятно, превосходившей мою собственную. У меня вдруг возникло желание испытать все то, что испытала она. Ее преследовала полиция, и вот теперь я хотел попробовать это на собственном опыте. Я представлял себе ее ощущения в тот момент, когда она увидела, что дело принимает скверный оборот, и все же не ударилась в панику, не отъехала от ювелирного магазина. Я завидовал ей. Мне хотелось узнать, не струшу ли я в подобных обстоятельствах.

Темнело. Я засунул папку обратно в ящик, вытряхнул пепел от своих сигарет и два окурка в конверт, а конверт положил в карман. Деревяшке незачем знать, что в офисе кто-то побывал. Спускаясь по лестнице, я

продолжал думать о Рее и ее брате, об их убогой развалюхе и, как ни странно, завидовал им.

Что мне следовало сделать, так это забрать свои вещи из отеля “Бендинкс” и вернуться в Парадиз-Сити. Следовало поговорить с доктором Мелишем и отдаться в его руки. Следовало сказать ему, что я встретил женщину с прошлым закоренелой уголовницы и сексуальная одержимость ею стала моей навязчивой идеей. Следовало признаться ему, что теперь я чувствовал непреодолимое стремление повторить все, совершенное ею, постараться объяснить, что мы должны быть на равных, когда я овладею ею: она не лучше меня, а я не лучше ее. Следовало поведать ему о неотвязно преследовавшей меня мысли, что раз я мужчина, а она женщина, я способен проделать все то, что проделала она, но много лучше. Может быть, он помог бы мне. Не знаю. Ведь я не предоставил ему такой возможности.

Я не выехал из отеля и не сбежал в Парадиз-Сити. Я сидел в мрачном баре над засохшим сэндвичем и стаканом пива, думая о Рее. Наконец я не выдержал, сел в “бьюик” и поехал к ее дому. Она притягивала меня с магической силой, которой я не мог противостоять. У поворота на грунтовую дорогу я остановил машину, выключил огни и остаток пути проделал пешком.

Приближаясь к дому, я услышал оглушающий грохот джаза, разносившийся над кучами мусора. За поворотом дорожки я увидел освещенные окна, дошел до повалившейся ограды и встал в тени дерева, глядя на окна так же, как человек, заблудившийся в сожженной солнцем пустыне, смотрит на оазис, не зная, что это мираж.

Ночь была жаркая, воздух неподвижен. Окна были открыты. Я увидел силуэт, пересекавший светлый прямоугольник: брат. Значит, он здесь! Я осторожно двинулся вперед, пробираясь между пустых жестянок, бочек из-под горючего и прочего мусора, стараясь ступать бесшумно, хотя эти предосторожности были излишни. За грохотом транзистора меня не слышали бы, столько я ни шуми. С глухо колотившимся сердцем я подобрался достаточно близко, чтобы заглянуть в окно, оставаясь при этом незамеченным. Теперь я отчетливо видел брата Реи. Он топтался по комнате в такт музыке с открытой банкой консервов в одной руке и с ложкой в другой.

Переступая и притопывая, он в то же время набивал рот каким-то клейкого вида месивом. Я пошарил взглядом по комнате и увидел позади него Рею. Она сидела, лениво развалясь в ободранном кресле,

обитом потрескавшейся кожей, из дыр которой торчала грязная набивка. На ней был красный халат и брюки, которые казались нарисованными на ее теле. У меня учащенно забилось сердце при виде ее длинных ног и стройных бедер. Из тонких губ ее жесткого рта свисала сигарета. Она смотрела в потолок с лицом, столь же лишенным выражения, как мраморная маска, а он продолжал дергаться, раскачиваться и шаркать ногами под музыку, суя в рот ложку за ложкой. Глядя на нее, я гадал, о чем она может думать. Ну и пара! Так говорила здравая часть моего рассудка. Но другая завидовала им. Неожиданно Рея наклонилась вперед и резким движением выключила транзистор, стоявший на стуле. Наступившая тишина была подобна удару.

- Кончай! - крикнула она. - Что ты вечно притворяешься, будто какой придурок проклятый!

Ее брат стоял неподвижно, ссутулясь и протянув перед собой руки. Его поза выражала угрозу.

- Черт побери, какая муха тебя укусила? - проревел он. - Включи!

Она подхватила транзистор, вскочила на ноги и с неистовой силой швырнула его об стену. Корпус разбился, посыпались батарейки. Он подскочил к ней и отвесил оплеуху, от которой она покачнулась, едва не упав. Выкрикнув грязное ругательство, он снова ударил. В ту же минуту я метнулся вперед. Ярость бушевала внутри меня, как лесной пожар. Я ворвался в комнату в тот момент, когда он занес руку для новой затрецины. Перехватив запястье, я рывком развернул его к себе и двинул кулаком в лицо. Он пошатнулся и отлетел в сторону. Я прыгнул вслед за ним, когда он еще не восстановил равновесие и был полуоглушен, и ударил его в пах. С глухим стоном он упал на колени. Стоя над ним, я сцепил руки и ударил его по шее. Мне было наплевать, убью я его или нет, как в тот раз со Страшилой.

Он растянулся у моих ног без сознания. Я повернулся и взглянул на Рею, которая стояла привалившись к стене. На ее левой щеке виднелся кровоподтек. Она все еще была слегка оглушена полученными затрецинами, но ее глаза устремились на неподвижное тело брата.

- С ним ничего страшного, - заверил я, - не беспокойся о нем. Ты как, в порядке? - Пламя бешенства постепенно затухало внутри меня. - Я тут оказался случайно.

Она опустила на колени возле брата и перевернула его. Из носа у него сочилась кровь, но он дышал. Подняв голову, она посмотрела на меня сверкающими зелеными глазами.

- Убирайся! Тебя сюда не звали! - злобно бросила она. - Убирайся и больше сюда не суйся!

С минуту мы смотрели в глаза друг другу.

- Когда надумаешь, - сказал я, - найдешь меня в отеле "Бендинкс". Я буду ждать.

Я вышел в жаркую, душную ночь, чувствуя ноющую боль в костяшках пальцев после удара, нанесенного ему в лицо. Но мне было все безразлично. На обратном пути в Луисвилл я говорил себе, что сделал шаг вперед. Я показал ей, что я настоящий мужчина, по сравнению с которым ее брат ничего не стоит. Но этого недостаточно. Я должен доказать себе, что я смелее, чем она.

Когда я вошел в свой унылый, маленький номер, зазвонил телефон. После короткого колебания я снял трубку.

- Ларри, мой дорогой, милый мальчик! Я сразу перенесся в недавнее прошлое. Так не мог говорить никто, кроме Сиднея Фремлина. Я опустил на кровать.

- Привет, Сидней.

Он сказал, что давно пытается дозвониться до меня. Он не знает, сколько раз вызывал отель, но меня никогда не оказывается на месте. Его укоризненный тон не произвел на меня никакого впечатления.

- Как поживаешь, Ларри? Когда ты вернешься? Ты мне нужен.

Мое сознание перестало воспринимать его журчащий голос, я снова вспомнил Рею, ее вспухшее от ударов лицо.

- Ларри, ты слушаешь?

- Я вернусь, - сказал я. - Дай мне еще немного времени. Приеду, вероятно, через месяц. Годится?

- Месяц? - взвизгнул он. - Но, Ларри, ты мне нужен сейчас же! О тебе постоянно спрашивают. Скажи, как ты себя чувствуешь? Не мог бы ты вернуться на следующей неделе?

- Разве Терри не справляется с работой?

- Терри? - Его голос поднялся еще на одну октаву. - Не говори мне о нем! Он совершенно невозможен! Вернись, Ларри, и я его вышвырну!

Он надоел мне, и я оборвал его:

- Я вернусь не раньше чем через месяц.

- Месяц? - Голос Сиднея поднялся до писка.

- Именно. - Я положил трубку.

Пройдя в ванную, я подставил нившую руку под струю холодной воды. Снова зазвонил телефон. Это наверняка Сидней. Я игнорировал звонок. После долгих отчаянных попыток телефон умолк. Я растянулся на кровати. От моих мыслей мне начинало казаться, будто во мне десять футов росту. Я - парень что надо, говорил я себе. Страшила, семеро его головорезов, а вот теперь я расправился с братом Реи. Скоро она придет ко мне. Я не сомневался в этом и хотел, чтобы все

получилось именно так: она придет и отдастся мне. Я был готов ждать. Но сперва я должен встать на одну доску с ней.

Обычно побудительной причиной для преступления служат деньги, но я не нуждался в деньгах, пока Сидней платит мне шестьдесят тысяч в год. Обдумывая преступление, я отчетливо понял, что нахожусь в единственной в своем роде позиции. Я хочу совершить преступление с целью пережить то же напряжение, то же волнение, ту же опасность, какие переживала Рея, но мне не нужно украденное, чем бы оно ни оказалось. Удовлетворение мне даст сам акт похищения, конечный продукт не имеет значения. Необходимо сделать первый шаг, говорил я себе. После некоторого размышления я решил сначала угнать машину. Вероятно, это трудно. Я поезжу на машине по городу, а после оставляю ее неподалеку от того места, откуда угнал. Сделав это, я стану вором, а я этого и хотел, ведь и Рея была воровкой. Шансы попасться незначительны, но я все же испытаю чувство опасности и подвергнусь некоторому риску. Ничего другого мне не нужно.

Не хватит ли раздумывать? Пора действовать. Я посмотрел на часы: восемь минут пополуночи. Все в том же приподнятом настроении я надел пиджак, погасил свет и вышел из комнаты.

Не пользуясь лифтом, я бесшумно спустился по лестнице, прошел через вестибюль, где дремал ночной дежурный, и выскользнул на жаркую ночную улицу.

Украсть машину оказалось сложнее, чем я предполагал. Я подошел к ближайшему паркингу, но наткнулся на делавшего обход охранника, который подозрительно посмотрел на меня, нащупывая дубинку, когда я замешкался у входа.

- Вам что-нибудь нужно? - спросил он с требовательной интонацией типичного копа.

- Только не вас, - бросил я и поспешил уйти. Я исходил множество улиц, уставленных машинами бампер к бамперу. У какой бы машины я ни останавливался, чтобы посмотреть, не отперта ли ее дверца, каждый раз кто-нибудь появлялся из темноты, на ходу окидывая меня внимательным взглядом. Я потел, и мое сердце громко стучало. Это было то самое напряжение, которого я желал, и приходилось признаться, что оно мне совсем не нравилось. Только в час ночи, когда меня уже покидало мужество, я наконец нашел незапертую машину с ключом в зажигании. "Начнем!" - подумал я и вытер вспотевшие ладони о джинсы. Я оглядел пустынную улицу, потом с отчаянно

бьющимся сердцем отворил дверцу и скользнул за руль. Нетвердой рукой я повернул ключ зажигания и нажал на педаль газа. Послышался слабый звук, напоминавший урчание, через секунду-другую совершенно заглохший. Пот струился у меня по лицу, я ничего не видел в темноте. Я нащупал выключатель, нажал его, и загорелся слабый желтый свет, едва тлевший огонек, который быстро померк. Я пытался угнать машину с разряженным аккумулятором! Мои нервы не выдержали. С меня было довольно напряжения на одну ночь. Я вылез из машины, тихо прихлопнул дверцу и зашагал по улице.

Меня мучила жажда, а мышцы ног дрожали так, словно я пробежал милью. “Так вот оно какое - напряжение, - думал я, - а ведь я всего и сделал, что попытался угнать машину, - тысячи подростков проделывают это каждый день”. И не сумел. Хороший же из меня вор! То-то посмеялась бы Рея, узнай она о моих жалких похождениях! Я начинал сознавать, что на пути честности, бывшей моим уделом на протяжении тридцати с лишним лет, и нечестности есть препятствия, для преодоления которых требуется побольше дерзости и отваги, чем у меня в данный момент.

На углу в конце улицы находился бар, открытый всю ночь. Я зашел выпить пива. В баре было только трое посетителей: неизбежный пьяный, молодая шлюха и гомосексуалист, мальчик лет восемнадцати в вишневом костюме, с волосами до плеч и с дорогими золотыми часами на тонком запястье. Он жеманно улыбнулся мне, и тут при виде его часов у меня появилась идея. Я отнес свое пиво на дальний столик, потом посмотрел прямо на него. В один миг он оказался рядом.

- Мы можем стать друзьями? - спросил он с волнением. - Я уверен, что ты так же одинок, как и я.

Я окинул его взглядом:

- Цена?

- Десять долларов. Со мной ты чудесно проведешь время.

- У тебя есть где?

- Дальше по улице есть отель. Меня там знают. Я допил пиво и встал:

- Тогда чего же мы ждем?

Мы вышли в жаркую темноту и пошли по улице. Время от времени он беспокойно улыбался мне и льнул ко мне теснее, словно боясь потерять. Он отодвинулся, когда мы проходили мимо копа, который уставился на нас, а потом сплюнул на мостовую.

- Нам недалеко, милый, - сказал мальчик, - как раз в конце улицы.

Я оглянулся назад. Копы не было видно, вокруг не было ни души. Мы поравнялись с проходом между домами, уставленным вонючими

помойными баками. Я схватил его и втолкнул в проход. Он издал испуганный писк протеста, но это был не более чем писк. Я ударил его с удовольствием, потому что он принадлежал к другой породе. Мой кулак врезался в его челюсть, и я, придерживая, опустил обмякшее тело прямо в грязь, головой на груды заплесневевших картофельных очистков. Склонившись над ним, я снял с его руки часы - вероятно, подарок влюбленного клиента. Быстро оглядевшись по сторонам, я зашагал прочь, направляясь к своему отелю. Проходя мимо вонючего помойного бака, я задержался, чтобы бросить в него часы. Присыпав часы отбросами, я пошел дальше. Теперь я и впрямь казался себе великаном. Я сделал первый шаг. Я стал вором!

На следующее утро я пробудился от беспокойного сна и услышал голос, отчетливо звучащий в моем сознании: “Ты должен уехать отсюда сегодня же утром и вернуться в Парадиз-Сити. Ты должен пойти к доктору Мелишу и рассказать, что с тобой творится. Ты должен рассказать ему о своей вчерашней выходке и просить помощи”. Я проснулся окончательно и огляделся вокруг. Голос звучал громко и отчетливо. Мне казалось, что в комнате кто-то есть.

Потом я понял, что слышал голос во сне, и снова уронил голову на подушку. О возвращении не могло быть и речи. Я не хотел, чтобы мне помогали. Я подумал о Рее, вожеление было таким сильным, что пришлось вылезти из постели и стоять под холодным душем, пока не остыл жар моего тела. Затем я побрился, надел свитер и джинсы и спустился в ресторан, где выпил две чашки дрянного кофе. Здесь же завтракали несколько коммивояжеров, одновременно листая свои записные книжки.

Никто из них не обращал на меня внимания. Я закурил сигарету и стал вспоминать свою вчерашнюю ночь.

Что за жалкая выходка! Как издевалась бы Рея, узнай она о моих подвигах! Как глупо я провалил операцию с угоном машины! А потом этот глупенький педерастик! Такое может сделать кто угодно! Чем я рисковал? Я украл у него часы, вероятно, самую дорогую у него вещь. Здесь нечем гордиться.

Я вспомнил, как Страшила Джинкс обозвал меня Дешевкой. Судя по событиям прошедшей ночи, решил я, это имя подходит ко мне как нельзя лучше. Но сегодня ночью будет иначе. Я твердо решил, что этой ночью поднимусь на ступеньку выше, нужно только разработать план действий. Я сидел, курил, думал и наконец составил план операции.

Выйдя из отеля, я сел в “бьюик” и выехал из города. Миль за сто севернее по шоссе находился чистенький и процветающий городок, называвшийся Джейсонов Полустанок, жители которого

специализировались на выращивании апельсинов. На его главной улице, забитой грузовиками, толпились скупщики апельсинов, заключавшие сделки. Я нашел место для машины и зашагал по горячему асфальту в поисках магазина. В универмаге самообслуживания пришлось проталкиваться сквозь толпу покупателей, запасавшихся на конец недели: волнующаяся масса людей, для которых я был невидимкой. Я протиснулся в закусочную, съел сэндвич с мясом и выпил пива, затем поднялся по эскалатору в отдел игрушек. Там я попросил у девушки-продавщицы показать мне игрушечные пистолеты, упомянув несуществующего племянника. Она предложила мне на выбор множество револьверов, пистолетов и даже кольт полковника Коди. Я остановился на пистолете “беретта”, который агент 007 сделал знаменитым. Он был точной копией настоящего и выглядел угрожающе. После этого я спустился на нижний этаж и купил сумку на ремне с буквами ТВА, отпечатанными на боках. Оттуда я прошел в отдел мужской одежды и, поискав на вешалках, купил красный пиджак с черными накладными карманами, который легко запомнился. В отделе, где торговали всякой всячиной для розыгрышей и маскарадов, я купил битловский парик и зеркальные очки, через которые можно видеть самому, оставаясь анонимным. Все покупки я уложил в сумку.

Я вернулся в Луисвилл в пятом часу. По дороге в отель я проехал мимо городской больницы и вспомнил, что не навестил Дженни, а она, наверное, не знает, что и думать.

Чья-то машина выехала со стоянки, и я зарулил на ее место, повинувшись первому побуждению. Несколько минут я сидел, стараясь решить, хочется ли мне снова увидеть Дженни. Я был склонен отказаться от встречи, но что-то притягивало меня к ней. Я вылез из машины, подошел к книжному киоску и купил “День Шакала” Форсайта и классический роман Грэма Грина “Власть и слава”.

- А я о вас думала, - сказала Дженни. Она поблагодарила меня за книги. - Хотела бы я, чтобы вы уже были дома.

- Не беспокойтесь по пустякам. - Я улыбнулся ей, думая, как она не похожа на Рею. - Я еще недостаточно крепок для развеселой жизни в Парадиз-Сити.

- Но чем же вы занимаетесь? Я пожал плечами:

- Да так. Этот город заинтересовал меня.

- Вы повредили руку.

Мои пальцы еще не зажили после удара, нанесенного брату Реи.

- Неполадка в машине. Полез исправлять, гаечный ключ сорвался. Как вы, Дженни?

- Поправляюсь. Лодыжка срастается медленно. Я сказал ей о Деревяшке и девчонке.

- Я ей пришлось не ко двору.

- Мисс Сэтис очень профессионально относится к работе. - Дженни покачала головой. - Вы обиделись?

- Не сказал бы.

Помолчав, я спросил ее о том, что мне хотелось узнать:

- Скажите мне одну вещь, Дженни. Брат Реи Морган с виду третий малый. На что он живет, вы не знаете?

- Фел?

- Его зовут Фел Морган?

- Фелдон. Он внук Фелдона Моргана. Его называли в честь деда. Того застрелили, когда он грабил банк.

- В самом деле? Вы знаете, чем Фел зарабатывает на жизнь?

- Что-то связанное с негодными машинами. Он продает металлолом. Что-то в этом роде. Почему вы спрашиваете?

- Да из-за их дома. Ну и местечко! Не думал, что человек хоть с какими-то заработками станет жить в такой дыре.

- О, да некоторым просто безразлично, где и как жить. - Она поморщилась. - Меня тревожит Рея. Она так легко может снова попасть в беду. От брата толку мало. А она одержима мыслью разбогатеть. Она никак не желает примириться с фактом, что, если хочешь денег, нужно их заработать. Рея говорит, что не хочет ждать так долго. Я столько с ней говорила, но ее не прошибешь. Я начинаю думать, что она безнадежна. Неловко говорить такое о ком бы то ни было, но Рея может оказаться неисправимой. Я чувствую, что скоро она снова ввяжется в какое-нибудь темное дело и тогда уже попадет в тюрьму на долгие годы.

- Что ж, это ее забота, - сказал я, - но теперь я вижу, какое у вас нелегкое занятие.

Она приподняла руки и уронила их на простыню.

- Я не жалуясь, это моя работа. - Помолчав, Дженни продолжила:

- Человек должен сам прожить свою жизнь. Время от времени я замечаю, что мне удалось повлиять на кого-то, и это чувство вознаграждает за все. - Она улыбнулась. - Не могу ли я повлиять на вас, Ларри, хотя бы немножко? Не согласитесь ли вы все-таки вернуться домой и забыть этот город, просто чтобы порадовать меня?

Я на секунду задумался. Дженни - всеобщая доброжелательница, поднимающаяся по эскалатору, который движется в обратном направлении. У меня на уме было другое.

Представлялся удобный случай втереть ей очки. Она будет прикована к постели еще недели две и не сможет проверить. Я притворился, что колеблюсь, потом кивнул, как бы придя к решению.

- Хорошо, Дженни, считайте, что вы на меня повлияли, - сказал я. - Вы правы, здесь я зря теряю время. Я уеду. Очень не хочется покидать вас. Вы были мне хорошим другом. Но вы правы, я уеду завтра же утром.

Может быть, я переиграл, может быть, она была сообразительнее, чем мне казалось. Она печально посмотрела на меня, прежде чем ответила:

- Я убедилась, что человек должен сам прожить свою жизнь. Очень немногие следуют советам. Я стараюсь, но люди не слушают. Так что я ничего не могу поделать, правда?

Неожиданно мне захотелось рассказать ей, что со мной происходит. Я знал, что никогда не откроюсь доктору Мелишу, но в ее испытующем взгляде, поднятом на меня с подушки, было что-то, побуждающее довериться ей. Потом моим сознанием овладела Рея, и момент для признаний миновал. Я прикоснулся к пальцам Дженни, выдавил улыбку, произнес несколько банальных слов насчет того, чтобы не терять связи в будущем, и вышел из больницы, уже полностью поглощенный мыслями о том, что мне предстояло совершить сегодня вечером.

У себя в номере я распаковал покупки. Я надел пиджак, потом парик и зеркальные очки. С “берет-той” в руке я прошел в ванную, где висело зеркало в рост человека. Я посмотрел на свое отражение.

Вид у меня получался весьма несимпатичный, и я был уверен, что никто не смог бы меня узнать. Я злобно оскалил зубы, и вышло довольно устрашающе. Вскинув пистолет, я прицелился в свое отражение и прорычал:

- Ни с места! Ограбление!

Если бы грозная фигура, подобная той, что отражалась в зеркале, вошла в мой офис в Парадиз-Сити, я без колебаний выложил бы все бриллианты из сейфа. Удовлетворенный, я снял парик, пиджак и очки и аккуратно уложил их вместе с пистолетом в сумку. Я был уверен, что, не поленившись съездить за ними в Джейсонов Полустанок, лишил полицию возможности добраться до меня, проследив их происхождение. Я был доволен собой. Теперь надо дождаться полуночи, и тогда я стану настоящим преступником. Я лежал на кровати и пункт за пунктом перебирал в уме предстоящую операцию, повторяя слова, которые произнесу. Убедившись, что все заучено наизусть, я уснул, радуясь наступившей дремоте. Это доказывало, что

мои нервы в порядке. Около девяти я проснулся и спустился в закусочную напротив, где поужинал тефтелями со спагетти. Я ел не спеша. Выйдя из закусочной, я вернулся в отель, захватил сумку и пошел за машиной, которую оставил в конце улицы.

Я выехал из города и покатил по шоссе. В шести милях от Луисвилла находилась бензозаправочная станция компании “Калтекс”. Я ни разу не останавливался там, но часто проезжал мимо. Дела у них всегда шли бойко, и я знал, что они не закрываются на ночь. Проезжая мимо, я замедлил скорость. Толстый, мощного телосложения мужчина закрывал машину. Больше никого поблизости видно не было. Я решил, что этот человек заступил в ночную смену и работает один. При первой же возможности я развернулся и поехал обратно в Луисвилл. Следующие два часа я провел в ночном кинотеатре, где смотрел старый вестерн. Он оказался достаточно увлекательным, чтобы приковать мое внимание. Когда зажегся свет, я вышел с толпой зрителей на жаркую пыльную улицу и направился к машине. Прежде чем завести мотор, я неподвижно посидел несколько минут. “Пора”, - подумал я и был несколько обескуражен тем, что у меня сильно забило сердце, а ладони покрылись потом.

Ярдов за триста от станции обслуживания находилась придорожная площадка для стоянки автомобилей. Я завернул туда и выключил мотор и огни. Впереди ритмично вспыхивали буквы “Калтекс”. Выйдя из машины и отступив в тень, я надел пиджак, парик и очки. У меня так дрожали руки, что я уронил игрушечный пистолет, доставая его из сумки. Несколько минут я лихорадочно шарил в траве, прежде чем нашел его. Сердце стучало как молот. Секунду я колебался, не в силах решить: вернуться в отель или продолжать задуманное. Потом перед моим мысленным взором возникла Рея, ее рыжие волосы и циничные зеленые чувственные глаза, и это придало мне решимости. Я быстро зашагал вдоль травянистой кромки шоссе к огням станции обслуживания. Лишь изредка мимо проносились машины. Приблизившись к станции, я замедлил шаг. Держась в тени, я медленно продвигался вперед. Теперь я отчетливо видел маленький, хорошо освещенный офис.

Толстяк служитель с сигаретой, свисавшей с нижней губы, смотрел ночную телепередачу. От нервного перенапряжения мое сердце билось так неистово, что я с трудом дышал. Несколько минут я стоял неподвижно, наблюдая за ним. Шоссе было пустынно. Если действовать, то сейчас Я услышал собственное бормотание:

- Рехнулся? Ведь ты можешь угодить в тюрьму!

Но я двинулся вперед, до боли стискивая рукоятку игрушечного пистолета. Служитель поднял голову, когда я толчком распахнул стеклянную дверь. При виде меня он насторожился, а потом, заметив пистолет, окаменел.

- Это ограбление! - прорычал я. Слова прозвучали довольно неубедительно. Я был испуган не меньше его. Мы уставились друг на друга. Он был лет пятидесяти, толстый, седеющий, с виду - типичный семьянин, со спокойными карими глазами и решительным ртом человека, привычного к ответственности за близких. Он оправился от испуга. Его пристальный взгляд остановился на пистолете у меня в руке и вдруг утратил напряжение.

- Тут нет никаких денег, сынок, - спокойно сказал служитель. - Не повезло тебе.

- Давай деньги - или эта штука выстрелит! Мне сделалось тошно от дрожи в моем голосе. Я знал, что выгляжу не грознее мыши.

- У нас тут система, сынок, - произнес он тоном, которым обычно разговаривают с ребенком. - Ночной сейф. Все, что я получаю, до последнего бакса, идет вон в тот стальной ящик, и только босс может его открыть.

Я уставился на него. По моему лицу струился пот.

- Я подарил сыну на Рождество такой же пистолет, - продолжал служитель. - Он прямо-таки помешался на Джеймсе Бонде. - Толстяк перевел взгляд на освещенный экран телевизора. - Шел бы ты к себе, а? Может, я отсталый, но вот нравится мне Боб Хоуп.

Он благодушно рассмеялся, потому что Хоуп как раз произнес: "У меня даже пузо с брюшком". Совершенно уничтоженный, я вышел на темное шоссе, вернулся к своей машине и поехал в город.

Глава 5

Оказавшись у себя в номере, я повалился на кровать, охваченный отчаяньем. Дешевка! Насмешка Страшилы звучала у меня в ушах. Да Дешевка! У меня болела голова, и я дрожал от разочарования и стыда. Я трус! Что-то не так в моем механизме! Видимо, лишь выведенный из себя, я способен на решительные действия, но в спокойном состоянии я не грознее мыши. Я отчетливо понимал, что моя жалкая попытка сравняться с Реей оказалась мертворожденной. Я знал, что не решусь на вторую попытку в убеждении, что она неминуемо приведет к моему аресту. Я безнадежный, никчемный, малодушный дилетант! Мне повезло с толстяком заправщиком. Едва взглянув на пистолет, он узнал в нем игрушку и отмахнулся от меня с пренебрежением, которого я

заслуживал. Мои мысли переключились на Рею. Мое тело мучительно желало ее, и я больше не убеждал себя, что я сошел с ума, что ее порочность и злоба могут погубить меня. Песня сирены неумолчно звучала в моих ушах, и я не в силах был ей противиться. Я помнил ее слова: “Когда ты получишь меня, это обойдется тебе подороже обеда”. Я помнил, как она выглядела, говоря это: зеленые глаза, полные обещания, тело, слегка выгнутое в мою сторону, чувственная улыбка. Теперь мне было наплевать, какая будет цена! Куда девалась высокомерная уверенность, что я получу ее задаром! Я должен обладать ею, пусть даже на ее собственных условиях. Чего она потребует? Дженни записала в досье Реи, что та была проституткой. А если предложить ей двести долларов? Это чертовски высокая цена для шлюхи. Она не сможет отказаться от двухсот долларов! Может быть, овладев ею, я избавлюсь от наваждения?

Я начал успокаиваться, хотя у меня по-прежнему болела голова. В нетерпении я слез с кровати, проглотил восемь таблеток аспирина, запил водой, снова лег и стал ждать, когда таблетки подействуют. На деньги купишь все, говорил я себе, хватило бы денег. Я куплю ее! Дженни сказала, что она одержима мыслью разбогатеть. Рея, убеждал я себя, с радостью ухватится за двести долларов. Для меня уже не имело значения, что я покупаю ее за деньги. Непреодолимая похоть мучила меня, требуя увидеть ее в постели обнаженной. Стоит мне овладеть ею, удовлетворить свою похоть, и я вернусь в Парадиз-Сити и забуду о ней.

На следующее утро, чувствуя себя гораздо увереннее, я зашел в банк и обменял на деньги пять стодолларовых дорожных чеков. Просто на всякий случай, как говорил я себе. Я предложу ей две сотни и, если понадобится, подниму до пяти, но я не сомневался, что она обрадуется и двум. Я вернулся к своему “бьюику”, завел мотор и тут вспомнил о ее брате. Не застану ли я его там? Что, если он торчит в их убогой лачуге? Мои пальцы с силой стиснули руль. Если он дома, я не смогу сделать свое предложение. При мысли об этом затруднении по мне прокатилась волна мучительной досады и разочарования. Я выключил зажигание, вышел из машины и, пошел по улице. Было еще слишком рано. Часы на здании муниципалитета били десять. Я с трудом сдерживал нетерпение. Придется подождать по крайней мере до полудня, но и тогда у меня не могло быть уверенности, что брат уйдет на работу. Я шел бесцельно, никого не видя. Мысль о Рее жгла мое воображение.

Так я бродил, пока часы муниципалитета не пробили одиннадцать. К тому времени я готов был лезть на стенку.

Зайдя в бар, я заказал двойной скотч со льдом. Виски немного успокоило меня. Я закурил и собрался заказать еще виски, когда увидел

на другой стороне улицы Фела Моргана, вылезавшего из потрепанного “бьюика” выпуска 1960 года. Я поспешно расплатился и пошел к выходу из бара. Фел уже удалялся по улице, сунув руки в карманы джинсов. Грязная белая майка в обтяжку обрисовывала его мощную мускулатуру. Я проследил за ним до склада металлолома.

Остановившись, я наблюдал, как он вошел и помахал рукой толстяку в комбинезоне, возившемуся с громадной кучей проржавевшего металла.

С сильно бьющимся сердцем, прерывисто дыша, я повернулся и устремился к тому месту, где оставил машину. Сев за руль, я рванул к шоссе номер три. Через двадцать минут я трясся по грунтовой дороге, ведущей к дому Морганов. Я непрерывно бормотал про себя:

“Пожалуйста, Господи, пусть она будет дома”. Тормозя перед домом, я увидел, что входная дверь распахнута. Я выключил мотор и остался сидеть за рулем, стискивая его обеими руками, слыша глухой стук своего сердца и неотрывно глядя на открытую дверь. Я сидел так минуту или около того, а потом вышел из машины и, снедаемый сексуальной горячкой, медленно пошел к дому по заросшему сорной травой и усыпанному мусором двору. Когда я приблизился к открытой двери, на пороге гостиной появилась Рея. Мы остановились, глядя друг на друга. Она принарядилась со времени нашей последней встречи. На ней было обтягивающее хлопчатобумажное платье, едва доходившее до колен. Она была без чулок и босиком. Ее шею обвивали дешевые синие бусы. Лицо хранило обычное холодное, бесстрастное выражение, а зеленые глаза смотрели так же цинично.

- Привет, - произнесла она своим хрипловатым голосом, от которого по моему телу пробежал трепет. - Чего надо?

Стараясь придать твердость своему голосу, я сказал:

- Ты знаешь, чего мне надо. Она бросила на меня изучающий взгляд, а потом отступила назад.

- Зайди-ка лучше, поговорим.

Я прошел вслед за ней в маленькую убогую комнату. На столе стоял обколотый кофейник и две грязные чашки. Жестяная пепельница, переполненная окурками, заменяла настольное украшение. Под моим неотступным взглядом она подошла к поломанному креслу и опустилась в него. Ее платье задралось до самых бедер, и когда она закинула ногу на ногу, мелькнули голубые трусики.

- Ты вроде собирался ждать, пока я приду к тебе.

Она потянулась за пачкой сигарет, лежавшей на столе.

- Сколько? - хрипло вскрикнул я. - Брось сигарету! Говори сколько и давай начинать.

Она прикурила сигарету от спички и издевательски улыбнулась.

- Ишь ты, как тебя скрутило! - усмехнулась она.

Дрожащей рукой я достал из заднего кармана две стодолларовые бумажки и бросил ей на колени.

- Давай за дело!

Она взяла деньги и посмотрела на них ничего не выражающим взглядом, потом подняла глаза на меня. Я надеялся увидеть в них огонек алчности, даже удовольствия, но вид этого холодного лица-маски мгновенно привел меня в уныние.

- Интересно, за что же это? Две сотни баксов? У тебя не все дома!

Это были самые правдивые слова, какие мне доводилось от нее слышать, но я не обратил на них внимания. Я желал ее с неотступной и нетерпеливой страстью, близкой к безумию, и был намерен добиться своего. Я вытащил остальные три стодолларовые бумажки и швырнул ей. Хотя вожделение толкало меня к ней, я никогда и никого так не ненавидел в этот момент, как ненавидел ее.

- Это больше, чем ты стоишь, но все равно бери, - произнес я грубо. - А теперь давай-ка!

Нарочито медленно она сложила пять купюр и положила их на стол. Откинувшись на спинку кресла и глядя на меня, она медленно выпустила дым из своих узких ноздрей.

- Было время, когда я ложились за доллар, - сказала она. - Было время, когда я ложились за двадцать долларов. Было даже время, когда я ложились за сто долларов. Когда несколько лет подряд сидишь в камере, есть время подумать. Я знаю, чего хотят мужчины. Я знаю, чего тебе надо, и знаю, что у меня это есть. Я хочу денег, не сто долларов и не пять тысяч. Я хочу настоящих денег. В этой стране водятся старые жирные дураки, которые сидят на миллионах. Я считаю на миллионы. Я найду такого жирного старого дурака и продам ему свое тело за настоящие деньги. Пусть не сразу, но найду. - Она презрительно указала пальцем на деньги, лежавшие на столе. - Забери их, Дешевка. Я не раздвину ног, пока не найду типа с такими деньгами, какие мне надо.

Я стоял и смотрел на нее, не зная, что делать.

- Тебе не нужны пятьсот долларов?

- Твои пятьсот долларов - нет. Похоть так одолевала меня, что я утратил остатки гордости.

- Но почему же нет? Пятьсот долларов за полчаса. Давай бери деньги - и за дело.

- Ты слышал, что я сказала, мистер бриллиантовый Ларри Карр?

Я замер, в изумлении уставившись на нее:

- Как ты сказала?

- Я знаю, кто ты. Фел докопался. Он записал номер твоей машины и навел справки в Парадиз-Сити. Ты там хорошо известная фигура, верно? Бриллиантовый Ларри Карр.

Красный сигнал тревоги загорелся в тумане безумия, окутывавшем мой мозг, предупреждая, что надо бежать от этой женщины и больше не встречаться с ней, но я уже не способен был рассуждать разумно, и через секунду красный огонек потускнел и погас.

- Какая разница, кто я? - возразил я. - Я такой же, как все остальные мужчины! Бери деньги и раздевайся!

- Если ты их не берешь, детка, возьму я, - сказал Фел у меня за спиной.

Я резко обернулся и увидел, что он стоит, прислонившись к косяку, и наблюдает за мной с гнусной улыбочкой. Его вид раздул искру уже знакомой мне ярости, и он, должно быть, понял это по моим глазам.

- Легче, парень, - сказал он. - Я на твоей стороне. Эта сука только разыгрывает недотрогу. Хочешь, сейчас станет у меня шелковая?

Рея проворно вскочила и схватила деньги со стола, скомкав их в кулаке.

- Только подойди, ты, зараза, - зарычала она на брата, - и я вырву твои проклятые гляделки! Он рассмеялся.

- И ведь вырвала бы, - обратился он ко мне. - Что, если нам поостыть немного и потолковать по-свойски? Мы уже тут о тебе говорили. Можно бы поладить! Как насчет обмена кое-каких камушков, с которыми ты имеешь дело, на...

Я изумленно воззрился на него.

- Что скажешь, кореш? - продолжал он спокойно. - Она согласится. Она сама все и придумала, когда я ей сказал, кто ты. Без камушков ты ее не получишь. Давай договоримся.

- Верни деньги, - сказал я ей.

Она язвительно улыбнулась, качая головой.

- Я передумала. Мне пригодятся пятьсот баксов, даже если они твои. И не пробуй их отнять. Мы с Фелом запросто тебя успокоим. Обдумай хорошенько предложение Фела. Если очень захочешь получить свое, то только за бриллианты. Не за один бриллиант, а за целую кучу! Подумай, а пока убирайся отсюда!

Я взглянул на Фела и увидел, что он держит в руке короткий железный ломик.

- Не пытайся, кореш, - сказал он. - Я просто разобью тебе башку. В прошлый раз ты застал меня врасплох, но теперь я приготовился. Так что смотри. А теперь катись.

Он посторонился, освобождая мне дорогу. Я ненавидел его. Ее я тоже ненавидел, но в то же время желал ее каждой клеткой своего тела. Я вышел из дома и, вдыхая горячий, насыщенный смогом воздух, зашагал по сорной траве к своему “бьюику”.

Не помню, как я доехал до отеля. Я полностью пришел в себя лежа на кровати, когда утренний свет серебрил цементную пыль на стекле противоположного окна. Меня переполняло безнадежное уныние. Даже Рея зовет меня Дешевкой! Боже, как я ненавидел ее! Мне вдруг захотелось покончить с собой. Я лежал на кровати и спрашивал себя, а почему бы и нет? Самоубийство стало казаться мне лучшим выходом. Зачем мне жить? Зачем позволять этой женщине мучить меня и дальше? Но как это сделать? Бритва? Я бреюсь электрической. Снотворное? У меня оставалось только шесть таблеток. Выброситься из окна? Я могу упасть на голову какому-нибудь прохожему на людной улице. Я возбужденно огляделся. Здесь не было ничего, способного выдержать мою тяжесть, если я повешусь. Машина? Да. Я сяду в машину, разгонюсь и врежусь в дерево. Да! Так я и сделаю!

Соскочив с кровати, я зашарил по карманам, ища ключи от машины. Я нигде не мог их найти. Куда я их дел? Обведя комнату диким взглядом, я увидел их на пыльном комод. Когда я шагнул к комоду, зазвонил телефон. Какое-то время я колебался, потом сорвал трубку с рычага.

- Ларри, мой дорогой мальчик!

Черное облако уныния рассеялось при звуке голоса Сиднея Фремлина. Чувствуя, что я весь дрожу, обливаясь потом, я упал на кровать.

- Привет, Сидней.

Мой голос напоминал карканье.

- Ларри, ты должен вернуться!

По его голосу я сразу догадался, что он в каком-то серьезном затруднении. Его интонация наводила на мысль о пчеле, которая попала в бутылку и жужжит как сумасшедшая.

- В чем дело? - спросил я и вытер пот с лица тыльной стороной ладони.

- Ларри, золотко, я просто боюсь говорить по телефону. Какой-нибудь отвратительный субъект может нас подслушать! Ты просто обязан вернуться! Миссис П, хочет продать... Ты сам знаешь что! Сам я не справлюсь. Только ты, умница, сумел бы это сделать! Ты ведь

понимаешь, что я хочу сказать, правда, Ларри? Это абсолютный, страшный, полнейший секрет! Ну, скажи, что ты понял!

Миссис П.! Я медленно перевел дыхание, мысленно перенесясь на пять лет назад, когда успешно провел свою крупнейшую сделку с бриллиантами для фирмы “Льюис и Фремлин”.

Миссис Джексон Плессингтон, жена одного из богатейших торговцев земельными участками во Флориде, а богаче и не бывает, пожелала бриллиантовое кольцо. Она была давним клиентом “Льюиса и Фремлина”. До моего поступления к ним Сидней продал ей несколько мелочей, среди которых не было ничего по-настоящему ценного. Но когда на сцене появился я, познакомившись с ней и узнав, как богат ее муж, я увидел возможность сбыть ей что-нибудь грандиозное. Когда я сообщил о своем замысле Сиднею, он разволновался и заявил, что я слишком честолюбив, но я пустил в ход обаяние, и в разговоре с этой немолодой женщиной подчеркнул, что она достойна только самого лучшего. Она реагировала на такой подход, как растение реагирует на порцию удобрений. Вслед за тем я подвел разговор к бриллиантам. Я сказал, что мечтаю создать бриллиантовое кольцо, которое превзойдет и затмит все другие. Я объяснил, какие старания потребовались бы мне для подбора гармонирующих между собой камней. Мне доставило бы удовольствие, добавил я, сознавать, что мое произведение будет принадлежать ей. Она упивалась моими словами с удовольствием кошки, лижущей сливки.

- Но откуда мне знать, что оно мне понравится? - спросила она. - У нас с вами могут оказаться различные вкусы.

Именно такого вопроса я и ждал и заранее приготовил на него ответ. Я сказал, что не только покажу ей эскиз, но и закажу у знакомого огранщика-китайца из Гонконга модель из стекла. Тогда она сможет оценить сама. Макет обойдется примерно в пять тысяч. Естественно, если она пожелает, чтобы по нему изготовили настоящее кольцо, эти пять тысяч мы сбросим со счета. Она дала согласие. Я попросил Сиднея сделать эскиз кольца на бумаге. Он обладал особым даром к проектированию такого рода вещей и создал настоящий шедевр.

- Но, Ларри, в бриллиантах это будет стоить целое состояние! - воскликнул он, когда мы рассматривали рисунок. - Она никогда не пойдет на это! Оно обойдется в миллион.

- Оно обойдется дороже, - сказал я. - Предоставь это мне. Я уговорю ее, она уломает мужа. Он богат до неприличия.

Миссис Плессингтон одобрила эскиз, это был первый шаг. Я надеялся, что она сразу закажет кольцо из бриллиантов, но предстояла обработка мужа, и, кроме того, ей пришлось по душе идея сначала

увидеть стеклянный макет. Моему знакомцу из Гонконга понадобилось два месяца на изготовление стеклянного колье. Как он его сделал! Только лучший эксперт мог бы отличить эти камни от настоящих бриллиантов.

Работа была настолько хороша, что у меня появилось опасение, как бы миссис Плессингтон не удовлетворилась макетом, чтобы потом хвастать подругам, будто колье настоящее. Я явился к Плессингтонам в их огромную виллу, выходящую на море, с “роллс-ройсом” и “бентли”, стоявшими на гидронированной площадке. Зорко следя за выражением ее лица, я выложил колье на черную бархатную подушечку. Она чуть не упала в обморок. Затем я застегнул колье на ее голой шее и подвел ее к высокому зеркалу, после чего пустил в ход все свое профессиональное красноречие.

- Конечно, как вы сами видите, миссис Плессингтон, - сказал я, - оно сделано из стекла. Вы также видите, что в камнях нет жизни (это была не правда), но я хочу, чтобы вы представили, как каждое стеклышко загорается живым огнем бриллиантов.

Зачарованная, она стояла, глядя на свое отражение: тучная, пожилая женщина, с отвисшей грудью и шеей, начинавшей собираться в складки.

- Даже Элизабет Тейлор позавидовала бы такому колье, которое мы сделаем. - И пока ей не пришла в голову вредная мысль удовлетвориться стеклом вместо бриллиантов, я расстегнул и снял колье.

- Но сколько оно будет стоить?

Это, конечно, был самый главный вопрос. Я объяснил, что для создания такого колье из бриллиантов придется искать камни по всему свету. Когда они будут собраны, их огранят лучшие мастера, потом оправят в платину, что тоже должно быть сделано специалистами. Все это стоит денег. Я развел руками, но одарил ее чарующей улыбкой. Мы оба знали, что за колье будет заплачено не ее деньгами. Ей придется вытянуть их из мужа. Я упирал на тот факт, что бриллианты вечны. Они никогда не падают в цене. Деньги ее мужа получают надежное помещение. Подождав, пока она усвоит информацию, я небрежно уронил, что колье будет стоить примерно полтора миллиона долларов. Она и глазом не моргнула. Да с чего бы ей волноваться? Платить-то придется мужу. Она сидела с мечтательным выражением в глазах, груда жира в платье модели Нормана Хартвела. Я догадывался, о чем она думает. Она думала о том, каким великолепным символом положения было бы такое колье, как завидовали бы ей подруги и, может быть, даже Элизабет Тейлор. Так что в конце концов миссис Плессингтон

получила свое кольцо, самую дорогую вещь, когда-либо проданную фирмой “Льюис и Фремлин”, и притом только благодаря мне. Окончательная стоимость кольца составила миллион восемьсот тысяч долларов. Миссис Плессингтон и ее кольцо вызвали немалый шум в прессе. В газетах появились ее фотографии с кольцом на шее и с мужем, маячившим на заднем плане с таким видом, будто он надкусил зеленую айву. Она щеголяла в кольце в казино, в опере, в Загородном клубе и была на седьмом небе от счастья. Но через месяц одну из ее подруг, владелицу кольца, которое я постеснялся бы предложить любому из своих клиентов, огрели по голове, а кольцо украли. Женщина так от этого и не оправилась и нуждалась в постоянном присмотре сиделки. Это нападение до смерти испугало миссис Плессингтон, которая только теперь сообразила, что ее бриллианты ценой в миллион восемьсот тысяч долларов могут навлечь на нее смертельную опасность. Она немедленно сдала кольцо в сейф своего банка и отказалась надевать его. Все это происходило пять лет назад, теперь же, по словам Сиднея, она хотела продать кольцо. Мы с Сиднеем знали, что за последние пять лет миссис Плессингтон пристрастилась к азартным играм, каждый вечер ее можно было видеть в казино. Муж не вмешивался, потому что, помимо продажи здоровенных ломтей Флориды и возведения небоскребов повсюду, где только находилось для них местечко, он имел еще одно увлечение. Плессингтон был страшным бабником. В то время, как его жена большую часть ночи проводила за игрой, сам он предавался постельным развлечениям с любой приглянувшейся ему девчонкой. Но Плессингтон знал счет своим деньгам и время от времени осведомлялся о проигрышах своей жены и устраивал ей головомойку. Миссис Плессингтон никогда не выигрывала. Зная все это, нетрудно было догадаться, что теперь она по уши залезла в секретные долги и решила продать кольцо, пока муж не догадался об их размерах.

- Ларри? - донесся голос Сиднея сквозь потрескивание электрических разрядов. - Ты слушаешь?

Мне было наплевать на миссис Плессингтон, на ее кольцо и на самого Сиднея, если на то пошло. В моей голове засела жгучая мысль о Рее.

- Я слушаю, - сказал я.

- Ради Бога, сосредоточься, Ларри, - настойчиво произнес Сидней. - Пожалуйста, ради меня. Ты должен вернуться! Не могу представить, чем ты занимаешься в этом ужасном городе! Ну скажи же, что ты вернешься и поможешь мне!

Снова судьба направляла меня. Несколько минутами раньше я думал о самоубийстве. Если бы Сидней попросил меня заняться не

продажей колье Плессинггонов, а чем-нибудь другим, я бросил бы трубку, но это колье было вершиной моих достижений. Создав его, я приобрел репутацию одного из лучших специалистов по бриллиантам. Мрачное настроение вдруг покинуло меня. Быть может, новая перемена обстановки излечит меня от маниакального влечения к Рее, но я хотел на всякий случай оставить себе лазейку.

- Я еще не поправился, Сидней, - сказал я, - у меня иногда болит голова, бывает трудно сосредоточиться. Если я вернусь и продам, ты сам знаешь что, сможешь ты дать мне дополнительный отпуск, если понадобится?

- Конечно, милый мальчик! Мало того, я дам тебе один процент от выручки, а если захочешь, можешь отдохнуть еще шесть месяцев. Справедливой некуда, не так ли?

- Сколько она за него хочет? Он зажуужжал, как пчела в бутылке, прежде чем ответить.

- Я еще не обсуждал с ней этот вопрос. Ей не терпится получить деньги. Я сказал, что проконсультируюсь с тобой, а ты уж поговоришь с ней.

Я вновь заколебался, подумав о Рее, потом решился:

- Хорошо. Я сейчас же выезжаю и послезавтра буду у тебя.

- Не бери машину. Найми лучше воздушное такси. Я оплачу расходы, - попросил Сидней. - Ты не представляешь, какое это для меня облегчение! Давай пообедаем вдвоем где-нибудь в тихом местечке. Встретимся около девяти в "Ла Пальма". Согласен?

"Ла Пальма" - один из самых дорогих и изысканных ресторанов в Парадиз-Сити. Сидней явно хотел задобрить меня.

- Договорились, - согласился я и положил трубку.

Во время двухчасового полета до Парадиз-Сити в кабине маленького самолета мысль, подобная черной змее, вползающей в комнату, незаметно прокралась в мой мозг. "В этой стране полно старых жирных дураков, которые сидят на миллионах", - так сказала Рея. Зачем ждать, пока я стану старым, жирным и глупым? Почему бы сразу не завладеть огромным богатством? Я думал о колье миссис Плессингтон. Миллион восемьсот тысяч долларов! Я был уверен, что, будучи экспертом по бриллиантам, зная крупнейших торговцев бриллиантами во всем мире, я не встречу никаких затруднений, если буду продавать камни при условии соблюдения осторожности. Эти торговцы с руками оторвут все, что я им предложу. Я часто продавал бриллианты от имени Сиднея, который всегда требовал оплаты наличными. Партнеры по сделкам никогда не возражали, и Сидней тоже платил наличными, покупая у них. А самое главное - они признавали мою подпись.

После разборки кольцо продажа камней различным коммерсантам не составит труда. При моем положении в фирме “Льюис и Фремлин” я мог действовать без всяких опасений, поскольку сам Сидней больше не поддерживал контактов с этими людьми. Я продам камни, а деньги положу в швейцарский банк.

Легче всего будет продать кольцо, но украсть его так, чтобы меня никто не заподозрил, дело посложнее. Я воспринимал это как вызов. Может быть, я ничего не стою, когда речь идет о грабеже, и трушу при попытке угнать машину, но операция по похищению кольца, хотя и не представляла собой проблемы, по крайней мере позволяла действовать мне в своей стихии. В течение следующего часа под монотонный гул мотора маленького самолета, уносившего меня в Парадиз-Сити, я перебирал в уме методы и средства.

Я нашел Сиднея сидящим в уединенном алькове за бокалом двойного мартини. Метрдотель ресторана “Ла Пальма” проводил меня к нему с почтением, достойным члена королевской семьи.

Как обычно, ресторан был полон, и мне пришлось задержаться у нескольких столиков, отвечая на вопросы моих клиентов о здоровье, но в конце концов я добрался до алькова, и Сидней стиснул мою руку.

- Ларри, дорогой мальчик, ты просто не представляешь, как я ценю твой приезд! - выпалил он. В его глазах блеснули слезы. - Как ты плохо выглядишь, у тебя чахлый вид. Как ты себя чувствуешь? Ты утомился в полете? Я ненавижу себя за то, что вытащил тебя раньше времени, но ты ведь понимаешь меня, правда?

- Я в полном порядке, - возразил я. - Не суетись по пустякам, Сидней. Долетел я прекрасно.

Но он не успокоился. Первым делом он заказал двойной мартини для меня, а когда метрдотель ушел, принялся расспрашивать, как мое здоровье, чем я занимался и скучал ли по нему. Привычный к его жужжанию, я прервал его:

- Послушай, Сидней, говори о деле. Я немного устал и после обеда хочу лечь, так что давай не тратить время на разговоры о моем здоровье.

Принесли мартини, и Сидней заказал икру, суфле из омара и шампанское.

- Ничего, как ты думаешь? - спросил он. - Это все легкое и питательное, и ты потом будешь хорошо спать.

Я сказал, что заказ отличный.

- Значит, она хочет продать кольцо? - начал я, когда метрдотель ушел, щелкнув пальцами двум официантам, чтобы они обеспечили нам отличное обслуживание.

- Она пришла вчера, колыхаясь, как студень, - сказал Сидней. - Я знаком с бедняжкой не первый год, и она считает меня одним из ближайших друзей. Она призналась, что ей просто необходима крупная сумма денег, только Генри ничего не должен знать. Сначала я подумал, что она хочет просить займы, и у меня прямо-таки голова пошла кругом от попыток придумать какую-нибудь отговорку, но она тут же все выложила. Она вынуждена продать кольцо, и, повторяю, Генри ничего не должен знать. Она спросила, сколько бы я дал ей.

- Она опять проигралась?

- Она не сказала, но, конечно, полагаю, что она должна много тысяч. Я, как только понял, куда она клонит, сразу устроил дымовую завесу. Я сказал, что дело должен вести ты, что ты мой главный специалист по бриллиантам и что на твое молчание можно положиться. Я сказал, что ты в отъезде, но как только вернешься, я направлю тебя к ней. Бедняжка чуть не обмочилась. Она не может ждать. Она спросила, когда ты вернешься, и сказала, что дело страшно срочное. Я ответил, что постараюсь вызвать тебя к сегодняшнему вечеру. На этом мы и разошлись. Ну вот, ты вернулся. Ты встретишься с ней утром, Ларри? Ты не представляешь, в каком она положении. Она маленькая глупышка, и мне не хочется видеть, как она страдает. Ты ведь поводишься с ней. Да?

- Для этого я и приехал.

Принесли икру, и я продолжал, намазывая хлеб маслом:

- Ты имеешь какое-нибудь представление, сколько она хочет?

- Насчет этого я и не заикнулся. Я не хотел портить тебе игру. Я не задавал никаких вопросов. Все в твоих руках, Ларри.

Я намазал на хлеб икру.

- Дело может оказаться не таким простым, Сидней. Ты, конечно, понимаешь, что кольцо придется разобрать. Нечего и думать продавать его в теперешнем виде. Опять поднимется шумиха, и, если Плессингтон увидит на фото какую-нибудь другую женщину в нашем кольце, миссис Плессингтон придется плохо. Я кое о чем подумал, пока летел. Мы сами могли бы чертовски неплохо заработать на сделке. Можно даже продать камни за два миллиона, но сработать нужно очень аккуратно.

Сидней вытаращил глаза.

- Два миллиона?

- Вот как я это себе представляю: я встречу с миссис Плессингтон и объясню ей, что, если она хочет, чтобы мы продали кольцо в его

теперешнем виде, мы дадим ей миллион восемьсот тысяч, столько же, сколько заплатила она сама. Из твоих слов ясно, а я укажу ей, что повторная продажа колье вызовет такой же интерес прессы, как и первая, но она боится огласки. Стоит ей понять это, как она перепугается и не позволит нам продавать его как ювелирное изделие. Тогда я объясню ей, что, если колье разобрать, стоимость его значительно понизится. Камни придется продавать по отдельности, и мы не сможем предложить ей больше девятисот тысяч. Колье станет нашим. - Я поднял руку, видя, что он хочет меня прервать. - Дай мне закончить. Ты должен спроектировать ожерелье, в которое войдут все камни миссис Плессингтон. Я закажу ожерелье Чану, подыщу покупателя в Южной Америке, в Индии или на Ближнем Востоке и сбуду это ожерелье за два миллиона. И тогда ты заработаешь миллион сто тысяч долларов. Это, по-моему, очень выгодная сделка.

Он откинулся на спинку кресла и некоторое время смотрел на меня.

- Но мы не можем так поступать! - воскликнул он с возмущенным видом. - Нельзя же наживаться такими методами на бедняжке.

- Это бизнес, Сидней, - сказал я. Я положил себе еще немного икры. - Спроси Тома, можем ли мы так поступать.

- У Тома не душа, а счетная машина и кассовый аппарат вместо сердца.

- Потому-то ты и ешь икру.

Несколько минут он задумчиво жевал.

- Ты действительно думаешь, что сможешь продать ожерелье за два миллиона?

- А почему бы и нет?

Я был уверен, что не смогу, но мне нужна была приманка для Сиднея.

- Даже Бартоны могут купить его за эту сумму, но тебе придется спроектировать ожерелье, перед которым любое другое покажется дешевкой.

У него загорелись глаза. Такие задачи Сидней обожал.

- Я сумею, уверен. Какая замечательная идея, Ларри, умненькая ты киска!

Я понял, что купил его, и начал успокаиваться. Мы молча выпили шампанского, потом я осторожно ступил на очень тонкий лед.

- Понадобится время, Сидней. Мне придется слетать в Гонконг. Чан проработает над ожерельем не меньше месяца. На продажу его уйдет три, а то и пять месяцев. Что станет тем временем с миссис Плессингтон?

Он изумленно уставился на меня. Эта мысль не приходила ему в голову.

- Я знал, что это слишком хорошо, чтобы поверить в такое! Она не может ждать. По-моему, она не сможет ждать и недели!

Подошел официант и убрал тарелки. Мы сидели молча, пока не подали суфле из омара. Официант удалился. И тогда я забросил свою бомбочку, не зная, взорвется она или нет.

- На мой взгляд, Сидней, если мы хотим, чтобы сделка состоялась, тебе придется одолжить ей деньги до продажи ожерелья.

Он широко раскрыл глаза.

- Девятьсот тысяч? - Его голос поднялся до писка.

- Ты ссудишь ей их под шесть процентов, а ожерелье, в конце концов, продашь за два миллиона, - сказал я. - Спроси Тома, бывают ли сделки выгоднее?

- Но мне не по средствам одолжить ей такие деньги!

- Я не говорю, чтобы это делал ты лично. Одолжит фирма.

- Том никогда ни под каким видом никому не одолжит, даже самому Никсону!

- Ладно, тогда деньги дашь ты. Твой банк позволит тебе превысить кредит. Что ты теряешь? Ожерелье будет твоим. Даже если я не смогу получить за него два миллиона, а я думаю, что смогу, его цену мы всегда получим. Даже в этом случае ты удвоишь свои деньги. Да ну же, Сидней. Такой шанс бывает один раз в жизни!

В раздумье он отправил в рот вилку с суфле, и я заметил вдруг появившееся в его глазах выражение алчности.

- Тому не обязательно знать об этом, правда? - сказал он. - Ведь если я вношу свои собственные деньги, тогда и те деньги, которые ты выручишь от продажи ожерелья, тоже будут моими личными деньгами, не так ли?

- Правильно. Минус один процент моих комиссионных.

Он взглянул на меня, слегка прищурясь, и я понял, что он не подумал об уплате мне комиссионных.

- Да, один процент тебе.

Было заметно, что он пытается произвести в уме подсчеты.

- Ты дашь мне восемнадцать тысяч долларов. Вычти еще девятьсот тысяч миссис Плессингтон и прибавь ее шесть процентов за твою ссуду, и у тебя останется приблизительно восемьсот восемьдесят тысяч чистой прибыли. По-моему, совсем недурно.

Он подумал еще немного и добавил:

- У меня есть идея даже лучше, Ларри, дорогой мальчик. Что, если ты убедишь миссис Плессингтон продать кольцо сразу за восемьсот

пятьдесят тысяч? В конце концов, деньги-то не ее. Я мог бы продать акции для покрытия этой суммы, и тогда кольцо стало бы моим и я мог бы не беспокоиться из-за Тома. Правильно? Если я так сделаю, а ты продашь ожерелье за два миллиона, я мог бы получить миллион с четвертью. Довольно заманчиво, не правда ли?

- Мне казалось, что ты не хочешь наживаться на бедняжке. - Я прикинулся, что шокирован. Он беспокойно заерзал.

- В конце концов, ты сам сказал, что это бизнес. - Он сделал паузу, вглядываясь в мое лицо. - Как тебе кажется, ты сможешь убедить ее продать кольцо за такую сумму?

- Попытка не пытка.

Я покончил с остатками суфле.

- Ларри, посмотри завтра, что можно сделать. Я уверен, у тебя получится.

Сидней щелкнул пальцами, подзывая официанта, и заказал кофе.

- Слушай, а если мы сделаем следующее... Добудь кольцо за семьсот пятьдесят тысяч, и я дам тебе два процента. Справедливее некуда, правда?

- И оплатишь билет на самолет до Гонконга и все расходы, - предложил я, зная, что никакого Гонконга не будет.

- Естественно, дорогой.

- Терри знает о миссис Плессингтон?

- Не упоминай об этом скверном мальчишке! Право же, мне следует избавиться от него! - Сидней покраснел от раздражения. - Честное слово, он становится совершенно невозможным!

- Это к делу не относится! Знает он или нет?

- Конечно нет!

- Ты уверен? Миссис Плессингтон приходила к тебе. Разве он не поинтересовался, что ей нужно?

- Мы даже не разговариваем!

- Он не мог подслушать?

Мысль о Терри заставляла меня нервничать. Он слишком хорошо разбирался в бриллиантах, чтобы я мог чувствовать себя в безопасности.

- Нет. Когда пришла миссис Плессингтон, он был занят с клиентом.

- Слушай, Сидней, он не должен ничего знать. Собственно, никто не должен знать, а то пронюхает Том. Строго говоря, сделка должна проходить через фирму. У Тома будут все основания для недовольства, если он узнает про нашу затею.

Сидней опять тревожно заерзал. Он знал это не хуже меня.

- Если я куплю кольцо на свои деньги, - воскликнул он несколько вызывающе, - Том будет здесь ни при чем!

- Но миссис Плессингтон - клиент фирмы, - сказал я. Я хотел внушить ему чувство вины. - Слушай-ка, Сидней, чтобы фирма осталась в стороне, тебе лучше работать над эскизом дома, а не в офисе. Если я достану кольцо, его тоже лучше держать у тебя.

Ему неоткуда было знать, что это условие существенно для моего плана. Он не колебался.

- Да, все останется строго между нами. - Он с доверием посмотрел на меня. - Ты поможешь с ожерельем, Ларри?

"Ну и нахал, черт его дери, - подумал я, - ведь он знает, что без меня не сможет ни сделать ожерелье, ни уговорить миссис Плессингтон расстаться с кольцом за такую возмутительную сумму. И тем не менее, собираясь получить гигантский барыш и выкинуть Тома Льюиса из сделки, он предлагает мне жалкие два процента".

- Ты знаешь, на меня можно положиться, - ответил я.

Во время полета в воздушном такси, обдумывая, как украсть кольцо без риска, я испытывал угрызение совести из-за Сиднея, потому что в случае успешного выполнения моего плана ему предстояло понести ущерб, но теперь, когда он показал свою алчность, упреки совести утихли. Скажи он мне: "Слушай, Ларри, давай поделимся поровну. Ты берешь на себя всю работу, а я предоставляю капитал", - и я отказался бы от своей затеи. Но раз он проявил себя таким проклятым жадюгой и эгоистом, предложив мне только два процента, я, не сходя с места, решил осуществить свой план. Ему наплевать на миссис Плессингтон, так чего же мне беспокоиться о Сиднее.

Сцену, которую мне устроила миссис Плессингтон, лучше забыть. Она не назвала Сиднея вором прямо, но это подразумевалось. Она плакала и заламывала свои голые руки. Она неистово металась по просторной комнате, выставя себя в самом нелепом виде. Она обвинила меня во лжи, напомнив мне, как я уверял ее, будто бриллианты никогда не теряют ценности. На это я возразил, что кольцо придется разломать, и, если она подождет с год или около того, я обеспечу ей не менее полутора миллионов за камни и платину, но, поскольку она требует денег сразу, Сидней не может предложить ей больше. Наконец она утихомирилась. Что ни говори, на три четверти миллиона долларов не начихаешь, особенно если теряешь не свои деньги. До сих пор ей не приходило в голову, что попытка продать кольцо в теперешнем виде неизбежно приведет к огласке, и это соображение в конце концов укротило ее. Она сказала, что примет чек, подписанный Сиднеем, который я держал наготове, но добавила, что

никогда больше не будет иметь дел с фирмой “Льюис и Фремлин”. Я сделал несколько приличествующих случаю замечаний, хотя мне было наплевать на это. И тут она выкинула нечто столь неожиданное, что я на какой-то момент онемел.

- Вы должны по крайней мере отдать мне стеклянное кольцо, - сказала она. - Хотя бы это вы обязаны сделать! Если муж когда-нибудь захочет взглянуть на кольцо, я смогу показать ему имитацию. Он не заметит разницы.

Она, естественно, не знала, что стеклянное кольцо было осью, вокруг которой вращался мой план получения двух миллионов. Пять лет назад, после того как Сидней доставил настоящее кольцо миссис Плессингтон, он спросил у меня про стеклянный макет. В Сиднее была жилка скупости, и он терпеть не мог лишних трат. Я сказал, что оно сейчас в офисе. Сидней поинтересовался, нельзя ли вернуть его Чану в обмен на кредит в три тысячи долларов. Я гордился кольцом, как своим творением, в тот момент мне повезло на бирже, и я чувствовал себя богачом. Я сказал, что верну копию Чану и спрошу, сколько он за нее предложит, но сделал иначе. Я сохранил кольцо в качестве сувенира. Когда Сидней опять спросил про него, я сказал, что Чан заплатил мне две тысячи пятьсот долларов, и дал ему свой личный чек. И вот теперь миссис Плессингтон требовала копию. Справившись с секундной растерянностью, я заявил, что ее сломали и использовали камни для других макетов. Услышав такое, она едва не лопнула от злости и принялась настаивать, чтобы мы немедленно изготовили для нее другую копию. Я обещал это устроить, но просил учесть, что на это потребуется не меньше трех месяцев. Ей пришлось удовлетвориться этим.

Мы вместе отправились в банк в ее “роллс-ройсе”, и она забрала кольцо из хранилища. Оно лежало в шикарном кожаном футляре, обитом внутри черным бархатом. Я не видел кольцо уже четыре года. От его красоты у меня захватило дух. Я дал ей чек, и она отдала мне кольцо. Она чуть ли не бегом поднялась из хранилища, торопясь перевести чек на свой счет, а я оставил ее за разговором с управляющим и взял такси до дома.

Открыв стенной сейф, я достал стеклянное кольцо, положил копию и подлинник рядом на стол и стал их рассматривать. Сидней был дизайнер. Он не разбирался в бриллиантах, и я был уверен, что он не отличит копию от подлинника. Изумительная работа Чана могла бы обмануть даже Терри. Присмотревшись, он, конечно, отличил бы подделку, но Терри не представится случай рассмотреть их. Об этом я

позаботился. Я положил стеклянное кольцо в кожаный футляр, а настоящее - в пластиковый, который убрал к себе в сейф.

Потом я позвонил Сиднею в магазин и сказал, что все прошло гладко. Он, как обычно, зажужжал, словно пчела, попавшая в бутылку, и назначил встречу у себя в пентхаусе через полчаса.

Пентхаус Сиднея был великолепен. Его окна выходили на море. В нем имелась просторная, со вкусом обставленная гостиная, четыре спальни, плавательный бассейн на террасе, фонтан в холле и все прочие штучки, которым богатый педераст умел найти применение. Когда я позвонил, он уже ждал меня.

- Как она реагировала? - спросил он меня, вводя в просторную комнату и поглядывая на сверток в коричневой бумаге, который я нес в руке.

- Как и следовало ожидать. Она не назвала тебя вором прямо, но это подразумевалось. Она сказала, что больше ее ноги у нас не будет.

Сидней вздохнул:

- Я догадывался, что бедняжка именно так и отреагирует. Что ж, отнесемся к этому мужественно. В конце концов, она ничего не потратила у нас в последние годы. - Он не сводил взгляд со свертка. - Оно здесь?

Наступил критический момент. Я встал так, чтобы на меня падал солнечный свет, сдернул оберточную бумагу и открыл футляр. Солнце заиграло на стекле, и Сидней с восторгом уставился на кольцо.

- Оно изумительно, Ларри! Какая красота! Ах ты умница! Теперь надо браться за работу.

Он отобрал у меня футляр, еще раз полюбовался кольцом, потом закрыл крышку. Первая, самая важная проверка, кажется, прошла успешно.

- Я набросаю несколько эскизов, а потом мы их обсудим. Буду работать весь уик-энд.

- Послушай, Сидней, я оставил в Луисвилле свою машину. Завтра я улетаю туда и пригоню ее обратно. Я возьму отгул в понедельник, ладно?

- Конечно! А я тем временем приготовлю кое-что, над чем мы вместе поработаем.

Я смотрел, как он подходил к Пикассо и открывал стенной шкаф, спрятанный за картиной. Я знал эту модель сейфа. Это была очень сложная система. В такой сейф не заберешься без того, чтобы тебе на голову не свалилась целая орава полицейских. Он положил футляр в сейф, захлопнул дверцу и, повесив картину на место, повернулся ко мне с сияющей улыбкой.

- Во вторник оставь вечер свободным, Ларри, и приходи сюда. Мы устроим маленький ужин вдвоем, а после сможем посмотреть мои эскизы. Скажем, в восемь.

- Отлично. Ну, ладно, Сидней, я поехал в магазин.

В такси я думал о том, что меньше чем через сутки я увижу Рею.

Глава 6

В двенадцатом часу я затормозил возле дома Морганов.

Входная дверь была открыта, но никаких других признаков жизни я не видел. Выйдя из машины, я пересек двор, заросший сорной травой, и заглянул в гостиную. Рея сидела за столом, разложив перед собой газету. Она подняла голову с насмешливым выражением в зеленых глазах. Ее вид пробудил во мне мучительное вожделение. “Господи! - подумал я. - Вот это женщина! Самая волнующая, самая дьявольская, самая желанная женщина в мире!” Одетая в то же дешевое бумажное платье и с теми же дешевыми голубыми бусами на шее, она казалась олицетворением губительной похоти.

- Ты? - Рея откинулась в кресле. - Что надо, Дешевка?

Безумная ярость, с которой я не мог совладать, поднялась во мне. Я сделал три стремительных шага вперед и дал ей оплеуху, отбросившую ее назад.

- Не смей называть меня так! - заорал я. Я приготовился, что она вскочит и кинется на меня, но Рея не пошевелилась. Она сидела неподвижно, прижав ладонь к лицу, с широко раскрытыми от удивления глазами.

- Четко сработал, кореш. - Фел вошел в комнату ленивой походкой. - Так с ней, сукой, и надо. Я догадывался, что скоро мы тебя увидим. Будь как дома.

Я не обратил на него ни малейшего внимания, не сводя глаз с Реи.

- Тронь меня еще раз - и пожалеешь, - сказала она.

В ее голосе не чувствовалось уверенности. Мое бешенство начало утихать, и я подумал, что до сих пор обращался с ней не правильно, упрашивая и пресмыкаясь. Я вспомнил, как третировал ее брат. Может быть, она уважает мужчин, которые не церемонятся с нею?

- Назови меня еще раз Дешевкой - и снова получишь, - пригрозил я.

Отодвинув плечом Фела, я подошел к исковерканному креслу и сел.

- Я пришел для разговора. Если не струсите, мы втроем могли бы прикарманить кое-какие бриллианты.

Рея уставилась на меня, как на сумасшедшего, а Фел разразился громким смехом.

- Видишь? Я говорил тебе, что в нем есть перец, глупая ты корова, - сказал он Рее, - а ты никак не верила. Я же говорил, что он малый не промах. Я-то знаю, я таких за милую примечаю.

- Заткнись! - огрызнулась Рея, по-прежнему глядя на меня. - И как же тебя понимать?

- Хоть у меня и есть кое-какие деньги, - начал я, - но мне не хватает. А кому хватает? Вы хотите денег, так почему бы вам не примкнуть ко мне и не раздобыть их?

С заблестевшими глазами и напряженным лицом Рея подалась вперед:

- Как?

- Вы не поленились выяснить, кто я, ну а я не поленился узнать о вас. Я в курсе, что ты участвовала в двух паршивеньких налетах и оба раза отхватила по четыре года. Это детские забавы. Если вы с братом умеете думать широко и не струсите, вас ждет полмиллиона.

Фел втянул воздух с резким свистящим звуком, а Рея застыла, сжимая кулаки.

- Ты серьезно? Полмиллиона? - спросил Фел прерывающимся голосом.

- Я пришел не для того, чтобы валять дурака. Именно так. Полмиллиона вам на двоих, полмиллиона - мне.

- Меня не проведешь, - резко бросила Рея. - Что скрывается за твоей трепотней? Или ты вообразил, что меня можно одурачить такой чепухой, а? Я не вчера родилась! Полмиллиона! Ха!

- Заткни ты свою проклятую глотку! - заорал на нее Фел. - Сама городишь чепуху! Говорю тебе, этот малый в порядке. Он сдает не из-под низу! - Фел повернулся ко мне. - Говори дальше, мистер, чего ты ее слушаешь! У нее всегда было ума с горошину. Что это там про полмиллиона? Иисусе! Вот бы мне такие деньжата!

- Они лежат и ждут нас, - объяснил я. - Вам всего-то и дела, что войти, взять их и уйти.

- Войти в ваш магазин и обчистить его, так, что ли? - недоуменно спросил Фел.

- Не говори глупостей! Поди попробуй! Глазом не успеешь моргнуть, как окажешься за решеткой. Нет. Это работенка легкая, безопасная и простая.

- А ты что будешь делать? - вмешалась Рея, глядя на меня холодно и подозрительно. - Стоять в сторонке, пока мы работаем, а если дело сорвется, только тебя и видели?

- Промаха быть не может. Все очень просто, - сказал я. - Я организую дело и продаю бриллианты. Без меня не будет денег. Но если вы струсили, скажите сразу, я найду кого-нибудь другого.

- Смотри ты! До чего переменялся парень с тех пор, как заходил прошлый раз! - В голосе Фела звучала благоговейная нотка. - С чего бы это, мистер?

- С вас, вот с чего, - разозлился я. - Из-за вас я начал думать. - Я посмотрел на Рею. - И решил не ждать, пока стану глупым, жирным и старым, а собрался разбогатеть прямо сейчас.

Ее глаза не утратили недоверчивого выражения.

- Ладно, что за дело? - спросила Рея, нахмурившись, но я понял, что заинтересовал ее. - Нечего ходить вокруг да около. О чем ты толкуешь?

Я был готов к вопросу и, достав из бумажника фотографию колье миссис Плессингтон, положил ее на стол перед Реей.

- Вот о чем. Здесь бриллиантов на миллион восемьсот тысяч долларов.

Фел подошел и наклонился над столом, заглядывая через плечо сестры. Я пристально наблюдал за ними и по выражению алчности, сразу появившемуся на их лицах, понял, что они попались на мою удочку точно так же, как раньше попался Сидни. Потом Рея подняла на меня глаза:

- Мы можем загреметь на двадцать лет, если погорим.

- Черт! - взорвался Фел. - Ты кончишь нить? Тебе обязательно нужно совать палки в колеса! Заткнулась бы лучше!

- Я побывала в тюрьме, а ты нет, - ответила она. - Дурак ты и говоришь глупости.

- Никакой тюрьмы не будет, - вмешался я. - Дайте объяснить.

Я рассказал им о колье миссис Плессингтон и показал газетные вырезки и фотографии, на которых она была снята с колье на шее. Я рассказал им о ее тысячных карточных долгах, из-за которых она вынуждена тайно продать колье, и о том, как мой босс купил его по бросовой цене и как мы с ним решили составить из бриллиантов ожерелье и продать его с большим барышом.

- Жадный сукин сын предлагает мне только два процента с выручки, - закончил я, - вот я и решил забрать колье. В моем положении я могу без риска продать камни за миллион и разделить его с вами пополам. - Пользуясь любимым выражением Сиднея, я добавил:

- Справедливей некуда, правда?

Рея смотрела на меня испытующе.

- Что-то ты больно расщедрился, а? - Ее холодные недоверчивые глаза шарили по моему лицу. - Что у тебя на уме? Ты знаешь, что мы пошли бы на дело за десятую долю цены. Что ты задумал?

Я понял, что переборщил. Она, конечно, права. Предложи я им пятьдесят тысяч, они все равно ухватились бы за них с радостью. Но теперь пятаиться поздно. Я совершил промах, и теперь следовало усыпить ее подозрения. Я бесстрастно встретил ее твердый, пристальный взгляд.

- Мне кажется, - начал я, - поскольку вы проделаете самую опасную часть работы и получите половину, то будете держать язык за зубами. Я вовсе не хочу, чтобы вы начали тянуть из меня деньги уже после всего. Чтобы избежать таких последствий и обезопасить себя от шантажа, я делю куш пополам.

- Этот малый думает на два хода вперед. У нее о котелок варит, - возбужденно сказал Фел. - Твоя правда, мистер. Полмиллиона, и ты о нас больше не услышишь!

- Опасная часть работы? - Рея моментально заметила еще один мой промах. - Ты говорил, дело будет простое и легкое. В чем опасность?

- Мне следовало сказать: активная часть работы, а не опасная, но риска все равно не избежать.

Я говорил себе, что с ней надо держаться настороже. В отличие от своего легковверного дурака брата, она требует такого же деликатного обращения, как мешок гремучих змей.

Она долго не сводила с меня изучающего взгляда и наконец спросила:

- Так что мы должны делать?

- Прежде всего вам следует придать себе более респектабельный вид: брат и сестра в отпуске. На деньги, которые украли у меня. Купите одежду попримачнее. Потом вы поедете в Парадиз-Сити и останетесь в мотеле "Пирамида", зарегистрировавшись как Джон и Мэри Холл. - Я достал золотой карандаш и записал номер своего телефона на полях газеты, лежавшей на столе. - Позвоните мне во вторник около полуночи и сообщите, в какой вы кабине. Я не хочу спрашивать о вас у портье. В среду вечером я приеду к вам в десять часов и разьясню необходимые детали. Дело сможете проверить в следующую пятницу, но об этом я скажу определенно, когда мы встретимся в среду.

- Ты еще не сказал, как мы будем действовать. - Рея все еще наблюдала за мной. - Я хочу знать.

- Мы с боссом будем работать над эскизом ожерелья в его пентхаусе, а колье будет лежать на столе. Оно понадобится нам для образца. Вам

нужно войти, связать нас, чтобы мы не смогли поднять тревогу, забрать колье и уйти. Вот так все легко и просто.

- Нет, ей-богу! - воскликнул Фел. - Неужели и вправду так просто? И никаких легавых? Мы просто заходим и берем эту штуковину?

- Именно. - Я встал. - Есть еще вопросы?

- Нам брать пистолеты? - спросил Фел.

- Конечно, но не заряженные. Никто не будет сопротивляться. Они нужны вам только для острастки. Вы поняли? Не заряженные!

- Ясно. Я запросто раздобуду пару пушек.

- Подробности обсудим в среду. Организацию дела предоставьте мне. Ваша проблема - приодеться, держаться респектабельно и не привлекать внимания. - Я взглянул на Рею:

- Хочешь о чем-нибудь спросить?

Она хмуро вглядывалась в меня.

- В чем здесь подвох? - спросила она. - Вот мой вопрос. Я носом чую, что здесь что-то не так. Полмиллиона баксов без труда, без риска, без легавых! Какую игру ты затеял?

Я повернулся к Фелу:

- Ты как, сможешь найти кого-нибудь в напарники? Она мне осточертела. В конце концов, лучше двое мужчин, чем один мужчина и недоверчивая сука.

Он осклабился:

- Не обращай на нее внимания. Ее вечно проносит через рот. Во вторник вечером мы будем в отеле, мистер.

- Если вы не дадите о себе знать около полуночи вторника, я пойму, что вы струхнули, и поищу других.

Это была моя прощальная реплика.

За пять лет работы у Сиднея я много раз бывал у него в пентхаусе. Берт Лоусон, ночной вахтер, знал меня и всегда весело приветствовал, открывая мне дверь. В десять вечера стеклянная дверь подъезда запиралась, Лоусон уходил к себе в дежурку и проводил остаток ночи перед телевизором. Он выходил только для того, чтобы впустить случайного гостя или ответить на телефонный звонок, что редко нарушало его покой.

Четверо богатых обитателей дома, включая Сиднея, имели свои ключи от парадного и после десяти открывали дверь сами. За исключением Сиднея, все они были пожилыми людьми и если и выходили по вечерам, то очень редко. Это облегчало мою задачу. Входная дверь запиралась на автоматический замок.

Когда приходило время, Лоусон опускал защелку предохранителя, и после этого дверь можно было открыть только воспользовавшись

ключом. Я не предвидел никаких затруднений с посещением Сиднея после десяти часов. Лоусон впустит меня.

Я поднимусь на лифте на верхний этаж, потом спущусь в вестибюль. Лоусон вернется к себе в дежурку смотреть телевизор. Мне нужно только прошмыгнуть в вестибюль, поставить замок на предохранитель, а потом подняться по лестнице в пентхаус к Сиднею. Входная дверь Сиднея тоже была снабжена автоматическим замком. Вечно забывая ключи, он редко запирает ее, зная, что дверь дома всегда охраняется днем и запирается на ночь. Если в день нападения он запрет дверь, когда я буду у него, надо найти предлог, чтобы отпереть ее. Я мог бы оставить чемоданчик в прихожей, выйти за ним, пока Сидней работает за столом, и поставить замок на предохранитель. Главное, чтобы Рея и Фел ворвались в пентхаус неожиданно и захватили Сиднея врасплох.

Я был уверен, что страх парализует его. Увидев пистолеты, он не посмеет и пальцем пошевелить. Я не ожидал никаких неожиданных действий от него, но мне, во избежание подозрений, придется разыграть из себя храбреца. Фел оглушит меня ударом пистолета. Мне не улыбалась эта перспектива, но было необходимо застраховаться от всяких подозрений. Я перенес сотрясение мозга при катастрофе, поэтому Фел не должен бить меня по голове, а только по лицу.

Занятый этими мыслями, я вел машину к Парадиз-Сити. Я почти не сомневался, что и Рея и Фел заглотнули крючок, несмотря на ее подозрительность. Но если они вообразили, что я позволю им уйти с бриллиантами на миллион восемьсот тысяч долларов, то их ждало разочарование. Трюк заключался в том, чтобы подсунуть им стеклянное кольцо. Во время полета в Парадиз-Сити я почувствовал, что Рея начинает вызывать у меня опасения. Теперь, возвращаясь домой в “бьюике”, я спрашивал себя, так ли уж мне хочется близости с ней. Я испытывал к ней вожделение, но оказалось, что миллион долларов влечет меня сильнее. Подвернись мне возможность переспать с ней как с потаскушкой, которой она и была, я бы воспользовался ею, но последний наш разговор показал мне, какая она холодная, черствая и жестокая тварь, лишенная всякого проблеска чувства. Миля за милей оставались позади, и у меня постепенно складывался план, как использовать ее и брата в качестве пешек. В отличие от своего братца-идиота она отнеслась ко мне с подозрением. В среду вечером придется вести с ней себя очень осторожно. Все пойдет прахом, если, подобно дикой кошке, почуявшей западню, поняв инстинктом, что это ловушка, она откажется отдела. Без нее и Фела мой план сорвется. Я не имел никаких других связей с преступным миром. Не мог же я спрашивать у встречных, не желают ли они принять участие в краже драгоценностей.

Итак, все зависело от того, как пройдет наша встреча в среду. Я был уверен, что Рея явится в отель, но до той поры у нее будет время все обдумать и постараться понять, в чем заключается подвох и почему я, как дурак, предложил им полмиллиона. Выражение ее холодных зеленых глаз говорило мне, что я не убедил ее своим объяснением. Но в одном я был уверен: что ей нипочем не догадаться, что кольцо поддельное. Я считал, что, оставив кольцо в их руках, я усыплю ее подозрения. Колье послужит приманкой, и я был убежден, что мысль о такой приманке никогда не придет ей в голову. Завладев колье, она почувствует себя хозяйкой положения. Она будет уверена, что теперь я не в состоянии надуть ее.

Когда во вторник утром я появился в магазине, моя секретарша, Джейн Барлоу, сказала, что Сидней не придет, ему нездоровится. Я догадался, что он бьется над проектом ожерелья и задача оказалась трудной. Я подумывал, не позвонить ли ему, но Терри наблюдал за мной, и я решил позвонить во время перерыва. В то время торговля шла бойко.

До перерыва я продал бриллиантовую брошь, браслет и обручальное кольцо. Воспользовавшись телефоном-автоматом, я позвонил Сиднею. Его голос звучал подавленно.

- Ларри, золотко, это будет непросто. Я весь уик-энд делал наброски и начинаю потихоньку отчаиваться.

Это было не похоже на Сиднея, но я понимал, как трудна его задача.

- Сделать два миллиона долларов никогда не бывает просто, Сидней, - заверил его я. - У тебя уже есть что показать мне сегодня вечером?

- Показать? - Он взвизгнул. - Сотни набросков. Мне уже тошно на них смотреть.

- Не волнуйся. Я зайду в девять, и мы разберемся. Идет?

- Сколько в тебе уверенности! Да, я закажу Клоду очаровательный обед. Приходи пораньше, приходи в восемь.

- Извини, я буду занят. Увидимся в девять. Я повесил трубку. Мне хотелось, чтобы, работая над ожерельем, мы встречались попозже. Это играло важную роль в моем плане. Клод, толстый, добродушный педераст, одно время работавший у "Максима" в Париже помощником шеф-повара, был для Сиднея кем-то наподобие Пятницы. Его рабочий день продолжался с восьми часов утра до десяти вечера. Он приходил и уходил точно вовремя. Он превосходно готовил и содержал роскошное жилье Сиднея в безупречном порядке с помощью двух цветных женщин, выполнявших грязную работу.

В тот вечер в начале десятого он открыл дверь на мой звонок и просиял, увидев меня. Я был одним из его немногих любимцев.

- Добрый вечер, мистер Ларри. Разрешите выразить мою радость по поводу вашего выздоровления. - Его радушное приветствие звучало искренне. - Входите, пожалуйста. Мистер Сидней ждет вас. - Понизив голос, он продолжал:

- Обед почти готов, так что прошу вас, не засиживайтесь слишком долго за коктейлями.

Я пообещал и прошел в просторную комнату, где застал Сиднея за письменным столом с тройным мартини в руках.

- Ларри! Как я рад тебя видеть. Это совершенный ад! Иди посмотри!

Я подошел к большому шейкеру и щедро налил себе мартини, после чего опустился в одно из больших удобных кресел.

- Потом, Сидней. Сначала давай поедим, вся ночь впереди.

- У меня гудит в голове.

Прихватив стакан, Сидней подошел к креслу, стоявшему рядом с моим, и сел.

- Я начинаю сомневаться в успехе. Боже! Прошлой ночью я не мог уснуть! Я постоянно думал о том, что отдал этой ужасной женщине три четверти миллиона! Наверное, я потерял остатки ума! Я уже начинаю задумываться, верну ли вообще свои деньги!

- Успокойся. Вернешь, и с лихвой. Будет, Сидней, не тревожься зря. После обеда мы во всем разберемся.

И, несмотря на явное отсутствие интереса с его стороны, я принялся рассказывать, как прошел день в магазине, что я продал и кому, добавив, что о нем многие спрашивали. За этой болтовней я покончил со своим мартини к тому моменту, когда Клод объявил, что обед подан. Это был отменный обед: фаршированные яйца чайки, за которыми последовали котлеты из баранины а-ля Эдуард Седьмой, нуазет д'анье Эдуард Седьмой, одно из коронных блюд "Максима".

После обеда мы вернулись в гостиную. Я слышал, как ушел Клод, захлопнув за собой входную дверь. Я гадал, опустил ли он за собой предохранитель замка.

- Я только зайду в маленькую комнатку, - сказал я, - и после давай займемся делом.

Когда Сидней сел за письменный стол, я вышел в прихожую, увидел, что предохранитель поднят и дверь не заперта, потом прошел в туалет, спустил воду и вернулся в гостиную.

В течение следующего получаса мы рассматривали эскизы Сиднея. Для меня это было пустой тратой времени, поскольку я знал, что никакого ожерелья не будет, но приходилось играть роль до конца. Среди множества набросков я отобрал три, которые, как я сказал, были близки к идеалу.

- Ты действительно так считаешь, Ларри, или говоришь это по доброте?

Сидней смотрел на меня с тревожным ожиданием.

- Ты смотришь на кольцо, когда работаешь?

- Нет. Зачем? - Он удивленно раскрыл глаза. - Я держу его в сейфе.

- То-то и оно! - Я прищелкнул пальцами. - Вот почему у тебя не получается. Достань кольцо и положи на стол. Оно тебя вдохновит.

Он изумленно посмотрел на меня, потом его лицо озарилось счастливой улыбкой.

- Знаешь, а ведь это мне в голову не приходило! Умница! Ты совершенно прав!

Он встал и повторил церемонию со снятием Пикассо и открыванием сейфа. Я знал, что он полностью мне доверяет, и все же, открывая сейф, он повернулся так, чтобы я ничего не мог увидеть за его спиной. Он потратил уйму денег на сейф и теперь только ему, и никому другому, надлежало знать, как он открывается. Он положил кольцо на стол. Я передвинул настольную лампу так, чтобы свет падал прямо на стеклянную имитацию. Она и в самом деле выглядела прекрасно. Он сел и несколько минут вглядывался в кольцо, потом выбрал лучшие эскизы и стал изучать их.

- Ты прав, Ларри, золотко. У меня здесь неверная градация. Ах я глупышка! Да, кажется, я смогу сделать кое-что получше!

Он принялся делать лихорадочные наброски, а я наблюдал за ним, куря сигарету. Через полчаса после трех неудачных попыток он закончил рисунок настолько впечатляющий, что я почувствовал необходимость пригасить его энтузиазм, иначе следующая встреча окажется излишней, а мне она была необходима.

- Вот оно! Я это чувствую! - возбужденно воскликнул он. - Посмотри!

У него получилось как раз то, что было нужно.

- Очень хорошо, - сказал я нарочито вялым тоном.

- Это именно то, что нужно. Ты видишь, как я расположил большой камень? Почему я раньше не догадался?

- Превосходно.

Я нахмурился, потом покачал головой.

- Разве тебе не кажется, что здесь все на своем месте? - спросил он с тревогой.

- Почти. Я могу продать это за полтора миллиона, но ведь мы хотели два!

- Больше я никаких камней докупать не буду, если ты это имеешь в виду.

Голос Сиднея стал капризным.

- Нет, конечно, нет. Композиция идеальная. Меня смущает оправка. Слишком классическая, пожалуй. Не надо спешить, Сидней. Дай мне подумать над ним. Я приду к тебе в пятницу вечером. Я уверен, что к тому времени мы найдем решение.

- В пятницу вечером? - Он открыл свою книжку-календарь и полистал ее. - В пятницу не получится. Я обещал пообедать со скучнейшим субъектом и никак не могу отменить встречу. Вот в четверг я свободен.

- Отлично.

Я встал, прикидывая, что для окончательной подготовки операции у меня остается вся среда и четверг до десяти вечера. Должно было хватить.

- Я приду в десять. И тогда следующий ход - Гонконг.

- Приходи пораньше, Ларри. Клод приготовит для тебя что-нибудь особенное.

- Извини, раньше не смогу. Я обедаю с Джонсонами (ложь). Боже, помоги мне! Ее интересует бриллиантовая брошь. Когда я получу более или менее ясное представление, чего она хочет, я попрошу тебя сделать для нее несколько эскизов.

- Эта противная старая карга! - Сидней вздохнул. - Всегда только старые и толстые.

- У них есть деньги. - Я убрал эскиз в бумажник.

- Как ты себя чувствуешь, Ларри? У тебя все-таки чахлый вид, - сказал Сидней. Он проводил меня до двери.

- Нормально, просто я очень устал. Когда я продам ожерелье, было бы, пожалуй, неплохо отправиться в морское путешествие, если ты не будешь возражать.

- Продай ожерелье, золотко, и отправляйся хоть на Луну, если пожелаешь, а я оплачу все расходы.

Когда он закрыл дверь, я задержался на площадке, прислушиваясь. Он не спустил предохранитель замка. Похоже, все выходило по-моему.

Я вернулся к себе в половине двенадцатого. Усевшись со стаканом виски с содовой, я занялся оценкой ситуации. При условии, что Рея и Фел заглотнули крючок и пойдут на дело, дальнейшее не представляет трудностей. Они легко проникнут в дом и в пентхаус Сиднея. Я помнил, что Рея известна полиции. Ей придется надеть перчатки. Если она оставит хоть один отпечаток, мне несдобровать. Я был уверен, что, попавшись, они меня выдадут. Но неизбежно ли вмешательство полиции?

Сидней находится в щекотливом положении. Если он вызовет полицию, Плессингтон узнает, что его жена продала кольцо.

Положим, Сиднею на это наплевать, но ему далеко не безразлично, узнает ли обо всем его партнер Том Льюис. Между ними может возникнуть непоправимый разлад, потому что - мы оба это понимали - Сидней поступает неэтично. Льюис жестокий человек и запомнит предательство, а этого, по моему убеждению, Сидней захочет избежать любой ценой. Том для него даже важнее, чем я, при всех моих профессиональных познаниях. Но готов ли Сидней безропотно распрощаться с тремя четвертями миллиона долларов? Как ни богат он, потеря такой огромной суммы была бы для него разорительной. После некоторого размышления я решил, что Сидней вполне способен примириться с убытком, лишь бы не навлечь на себя гнев Тома Льюиса, а также опасаясь ущерба, который могла причинить фирме миссис Плессингтон, жалуясь всем богатым клиентам. Если он сам об этом не подумает, я ему подскажу. Главное, чтобы он не обратился в полицию. Тогда мне нечего бояться. Я продам камень за камнем и припрячу деньги в Швейцарии, поработаю у Сиднея еще три-четыре месяца, а потом уволюсь под предлогом плохого здоровья. Затем я отправлюсь в Европу и осяду где-нибудь, скорее всего в Швейцарских Альпах, со своим миллионом. Тут я вспомнил о Рее с Фелом. Как они поведут себя, узнав, что украли стекляшки, а не бриллианты? Эта парочка может оказаться такой же опасной и беспощадной, как Страшила. Будучи замешаны в ограблении, они не посмеют донести, но зато могут приняться за меня сами. Размышляя над этим, я нашел выход. Мы условились, что во избежание подозрений Фел ударит меня пистолетом. Воспользовавшись этим, я разыграю первый кризис и заявлю, что больше не в состоянии работать и должен уехать немедленно. Я все так устрою, что пройдет десять дней, прежде чем Рея и Фел и обнаружат подделку. Тем временем я уже буду в Европе, недосыгаемый для их мести. Оттуда я напишу Сиднею, сообщая о своем решении не возвращаться. Занятый мыслями, я сидел, забыв о виски, когда в три минуты пополудни зазвонил телефон. Дрогнувшей рукой я поднял трубку:

- Карр слушает. Фел сказал:

- Кабина тридцать пять.

Я медленно перевел дыхание.

- Она с тобой? Фел издал смешок:

- А ты думал!

- Завтра вечером в десять, - сказал я и положил трубку.

Следующий день тянулся бесконечно. К счастью, дела в магазине шли вяло, и у меня было время поразмышлять. Терри следил за мной. Наконец, подстрекаемый любопытством, он фланирующей походкой приблизился к моему столу.

- Ты чем-то озабочен, Ларри? - спросил он, сверля меня своими маленькими глазками. - У тебя ужасно задумчивый вид.

- Голова болит, - отрывисто сказал я. Я был доволен представившимся случаем показать, что мое здоровье остается все еще неважным и оставляет желать лучшего.

- Я очень огорчен.

Он выглядел огорченным не больше, чем человек, нашедший на улице десять долларов.

- Ты слишком рано вернулся. Не могу понять, зачем ты так срочно понадобился Сиднею. Иногда он так невнимателен к людям. Я вполне мог бы справиться и с твоей работой. Почему ты не пойдешь домой и не полечишь свою больную голову? Мы с мисс Барлоу отлично управимся без тебя.

Я уже готов был послать его ко всем чертям, когда сообразил, что для моей игры полезнее прикинуться больным.

- Пожалуй, я так и сделаю. - Я встал. - Конечно, если ты в самом деле считаешь, что обойдетесь без меня.

По его удивленному выражению на лице я понял, что он не ожидал от меня такого ответа. Без Сиднея, а теперь и без меня ему придется побегать.

Но он принял вызов с радостью.

Направляясь к стоянке, я гадал, как продвигается у Сиднея работа над проектом оправы. Решив предупредить его о моем намерении побыть дома, я позвонил ему из телефонной будки.

- Сидней у меня адски болит голова. Терри сказал, что управится сам, так что я ухожу домой.

- Бедненький! Конечно, иди. - Он разволновался. - Я сейчас же еду туда. Нельзя оставлять магазин на Терри. Я сделал четыре прелестных эскиза. Они тебе понравятся! Ты не хотел бы зайти ко мне вечером?

- Да нет, пожалуй. Я уж отдохну сегодня дома, если ты не возражаешь.

- Отдохни обязательно.

Я не сразу поехал домой. Зайдя в свой банк, я взял три тысячи долларов наличными, потом отправился в туристическое бюро и навел у агента справки о самолетах, отбывающих в Сан-Франциско. Один

самолет вылетал в пятницу в пять утра. Я сделал у себя отметку и спросил, нужно ли заказывать место. Агент ответил, что на столь раннем рейсе половина мест всегда пустует и можно без труда купить билет перед самым отлетом. Я вернулся домой и засел за тщательную разработку плана ограбления. Когда подошло время ленча, я послал за сэндвичами и к трем часам пришел к выводу, что предусмотрел все до мельчайших подробностей. В четыре часа позвонил Сидней и осведомился о моем самочувствии. Я сказал, что головная боль прошла, но все еще чувствую себя не очень хорошо. Он с беспокойством спросил, уверен ли я, что поправлюсь до пятницы. Я сказал, что уверен и завтра же буду на работе в обычное время. В восемь часов я зашел в ресторанчик за углом и легко пообедал, потом вернулся в квартиру и нехотя посмотрел телевизор до девяти сорока пяти.

Захватив сумку с битловским париком, зеркальными очками и ужасным пиджаком с черными накладными карманами, но оставив дома игрушечный пистолет, я спустился в гараж и поехал в мотель “Пирамида”.

Я выбрал для Морганов этот мотель потому, что его жилые помещения располагались в отдельных домиках-кабинах и в нем обычно останавливалась молодежь, направлявшаяся в Майами.

Если Рея и Фел оделись соответственно, они будут неразличимы в толпе. Я поставил машину перед мотелем и дальше пошел пешком. Найти кабину тридцать пять не представляло никакого труда, на каждом домике светился большой знак с номером.

Ночной воздух содрогался от шума транзисторов и пронзительных голосов из телевизоров. Никто не видел, как я постучал в дверь кабины номер тридцать пять, которая немедленно открылась, словно меня с нетерпением ожидали. Я вошел, и Фел захлопнул дверь у меня за спиной.

Я не сразу узнал Рею, которая стояла у стола, глядя на меня своими холодными зелеными глазами. На ней был кроваво-красный брючный костюм с белым воротничком и манжетами. Ее рыжие волосы не висели по плечам, а были собраны в высокую прическу. К тому же она их вымыла. При виде ее меня снова пронзило вожделение, и по ее насмешливой улыбке я понял, что она заметила это. Я повернулся к Фелу.

Даже ему удалось придать себе респектабельный вид. Он подстриг волосы и надел коричневый спортивный пиджак с бутылочно-зелеными брюками. Белый свитер с отложным воротничком завершал его наряд.

- Вы отлично выглядите. - Я положил сумку на стол. - У вас есть другая одежда?

- Ага. Мы смекнули, что эти шмотки будет легко описать копам, - ответил Фел. Он ухмыльнулся:

- После дела мы превращаемся в хиппи.

"Ну что ж, по крайней мере они работают головой", - подумал я, обошел стол и сел в углу.

- Раз вы оба здесь, надо понимать, операция - дело решенное. Так?

- Мы пришли послушать тебя, - сказала Рея жестко. - Растолкуй нам все полностью, тогда и решим окончательно.

Я ждал этого требования и только пожал плечами:

- Операция состоится завтра вечером.

- Завтра вечером? - Фел непроизвольно повысил голос. - Куда ты вдруг заторопился?

- Какая разница - завтра вечером или на той неделе? У меня все готово. Чем раньше сделаем дело, тем скорее получим деньги.

Фел оглянулся на Рею.

- Пусть говорит, - воскликнула она.

Она села поодаль от меня и закурила сигарету.

- Завтра вечером ровно в десять тридцать вы явитесь на Веллингтон-Корт на бульваре Рузвельта. - Я вынул из бумажника лист бумаги и положил на стол. - Здесь все записано и указано, как туда добраться. Завтра утром побывайте там, взгляните на дом, чтобы потом наверняка найти его. Заметьте время на дорогу отсюда до Веллингтон-Корт, чтобы вечером знать, когда выезжать. В такой час поблизости от дома найдутся свободные места для парковки машины. С непринужденным видом подойдите к входной двери. Она будет не заперта. Быстро поднимитесь по лестнице. Лифтом не пользуйтесь. Ночной вахтер будет смотреть телевизор у себя в дежурке, и лифт может вызвать помехи на экране, так что идите пешком. Когда доберетесь до верхнего этажа, поверните направо, и увидите дверь Фремлина, номер четыре. Дверь будет не заперта. Тихо открывайте и входите. Вы окажетесь в маленьком вестибюле. Прямо перед вами будет дверь в гостиную. Послушайте за дверью. Вы услышите, как мы с Фремлином разговариваем. Тогда поэнергичней врывайтесь с пистолетами в руках и орите, чтобы мы не двигались с места. Насчет Фремлина вам нечего беспокоиться. Он обалдеет от страха и будет просто сидеть и таращить на вас глаза. Ну а теперь наступает самая хитрая часть операции.

Я повернулся к Фелу, который сидел, поставив локти на стол и подперев подбородок руками, слушая с непривычным для него вниманием.

- Мне придется разыграть из себя героя. Это отведет от меня подозрения в соучастии, а иначе будет невозможно продать

бриллианты. Я вскочу и кинусь на тебя. Ты наотмашь треснешь меня пистолетом по лицу.

Фел удивленно воззрился на меня.

- Получить пистолетом по лицу - не шутка. Будет больно, - возразил он.

- Я знаю, но так надо, и пусть это выглядит поубедительней. Если выбьешь зуб, плакать не стану. Миллион - большие деньги.

- Ты и вправду хочешь, чтобы я огрел тебя пистолетом?

- По лицу, но не по голове. Запомни это хорошенько. Ты понял?

- Почему не побережь красоту, мистер? Может, лучше стукнуть легонько по черепушке?

- У меня было сотрясение мозга. Бить по голове опасно.

- Угу.

Он опять посмотрел на Рею, но та сидела молча, с непроницаемым лицом и настороженным взглядом.

- Я упаду, - продолжал я. - Вы возьметесь за Сиднея. Захватите с собой ролик двухдюймового пластыря. Вы свяжете его и заткнете рот, то же самое сделаете со мной. Колье найдете на столе. Забирайте его и уходите. - Помолчав, я добавил:

- Вот и вся операция. Проще простого. Не будет ни сопротивления, ни полиции, и если вы свяжете нас хорошенько, то нам придется ждать до восьми часов утра, когда придет слуга Фремлина и освободит нас. - Я закурил сигарету и спросил:

- До сих пор все было ясно?

- Ты хочешь его о чем-нибудь спросить? - обратился Фел к Рее. - Помоему, здорово.

- Пока нет. - Она стряхнула пепел на ковер. - Давай дальше, - бросила она мне.

- Вам нужно алиби, - продолжал я. - История у вас будет такая. Вы выехали из Луисвилла в понедельник утром, направляясь во Фриско. Рея надеялась получить там работу, и ты повез ее. Это объяснит, почему вас не было дома два дня и в вечер ограбления. Утром в пятницу Рея успеет на пятичасовой самолет во Фриско. Ты, Фел, сразу после налета поедешь на машине обратно в Луисвилл. В пятницу вечером ты должен быть дома. Всем, кто будет интересоваться, скажешь, что Рея уехала во Фриско искать работу. Алиби вам, скорее всего, не потребуется, но на всякий случай нужно все предусмотреть.

- Ага. - Фел кивнул. - Толково. Я достал из бумажника дорожные чеки и бросил их на колени Рее.

- Вот вам на расходы. Получить билет до Фриско очень легко. Фамилию и адрес назовешь вымышленные... Остановись в скромном

отеле и ищи работу. Это нужно на случай, если полиция станет проверять. Когда пройдет десять дней, возвращайся в Луисвилл. Не раньше. Ты поняла? Десять дней.

Теперь она задала свой первый вопрос:

- Ну а как быть с колье? Сунуть его тебе в карман перед тем, как уносить ноги, чтобы ты смог продать его?

- Если тебе кажется, что ты здорово придумала - сделать такое на глазах у Сиднея, значит, у тебя не все дома, - ответил я. И сразу насторожился:

- Колье вы берете с собой и прячете у себя дома. Кто его возьмет - Фел или ты, - дело ваше.

Сузив глаза, она посмотрела на меня:

- С чего это ты стал такой доверчивый? А если мы смоемся с колье? Тогда ты останешься в дураках. Верно?

- Пожалуйста. - Я улыбнулся. - Неужели ты воображаешь, что вы можете его продать? Его нужно разобрать. Ладно, предположим, вы его разломаете. Мы брались за дело ради миллиона. Вы быстро убедитесь, что невозможно найти скупщика краденого, который бы согласился иметь с вами дело. А если кто и возьмется, то обдерет вас как липку. Вот почему я могу доверять вам. Я знаю дельцов, которые уплатят мне за камни самую высокую цену и не станут задавать вопросов. Вы их не знаете. Только и всего.

Она подумала над моими словами и впервые несколько смягчилась.

- Ладно, положим, - согласилась она. - Но что будет, когда ты продашь камни? Ты заберешь колье и сбежишь с ним, оставив нас в дураках?

Она высказала вслух то, о чем я думал не раз, предвидя такой вопрос.

- Фел останется дома, чтобы все выглядело как обычно, - начал я разъяснять, - а ты поедешь со мной под видом секретарши. Ты будешь в курсе всех сделок, будешь знать, сколько мне уплачено за каждый камень. Платят всегда наличными, поэтому сразу буду тебе отдавать половину от продажи каждого камня. Убедилась, что вас не обманут?

Рея откинулась на спинку кресла, внимательно глядя на меня. Я выбил почву у нее из-под ног. Она больше не могла найти никаких возражений.

- Ладно, вот только бы ты потихоньку не смылся.

Я вновь улыбнулся:

- Даже если я захочу, такой возможности не будет. Идея в том, чтобы нам все время быть вместе. - Я сделал паузу, а затем добавил, глядя на нее в упор:

- Даже ночью. Это входит в условия договора.

Фел загоготал:

- Вот это, парень, по мне! Братишка! Вы - два сапога пара!

Рея неожиданно улыбнулась жесткой, холодной улыбкой, но тем не менее улыбнулась.

- Договорились, - согласилась она. - Ладно, мы готовы.

Я медленно, с облегчением глубоко вздохнул.

- Хорошо. Теперь давайте условимся насчет всего остального, а потом поеду домой. Во-первых, вы оба наденете перчатки. Это очень важно. Если вы оставите хоть один отпечаток пальца в пентхаусе Фремлина, не будет никакого миллиона. - Взмахом руки я указал на сумку:

- Я прихватил наряд для Фела. Взгляните.

Фел открыл сумку и достал парик, очки и пиджак. Ухмыляясь, он надел очки и стал рассматривать себя в зеркале:

- Ух ты! Классно! Я даже сам себя не узнаю. Я посмотрел на Рею:

- Убери волосы под косынку, купи такие же очки, надо спрятать твои зеленые глаза. После дела сразу переодевайтесь. Купите дешевый чемодан, уложите в него свои вещи и выбросьте где-нибудь в безопасном месте. Пусть этим займется Фел. Вы поняли?

Рея кивнула. Теперь она казалась далеко не такой враждебной, как раньше, и я понимал, что она проглотила приманку. Я постучал пальцем по лежавшей на столе бумаге.

- Здесь все написано, - продолжал я. - Все, что я вам говорил. Перечитайте несколько раз, пока не заучите на память, потом уничтожьте. - Я встал. - Как будто все. Завтра вечером в десять тридцать. - Я опять взглянул на Фела. - Помни же, по лицу, а не по голове. Бей сильнее, чтобы выглядело убедительнее.

Он сделал гримасу:

- Лучше тебя, чем меня.

Я остановился в дверях и оглянулся на них.

- Лучше остаться без пары зубов, чем без полмиллиона долларов, - сказал я и вышел.

Глава 7

Четверг прошел так, как следовало ожидать. Я нервничал, несмотря на старания держать себя в руках, и Сидней, жужжавший и мельтешивший вокруг, чуть не свел меня с ума. Он без конца выскакивал из своего кабинета, крутился по залу, бросая на меня заговорщицкие взгляды, а потом снова исчезал. Терри, конечно,

почувствовал, что происходят какие-то важные события, и следил за мной недобрым, настороженным взглядом.

Наконец я решил прекратить это и, войдя в кабинет, закрыл за собой дверь.

- Ради Бога, Сидней, надо же сдерживаться. А тебя прямо-таки трясет! Он широко раскрыл глаза:

- Я? Я спокоен, как епископ. Как тебя понимать?

- Спокоен, как епископ, который нашел у себя в постели девчонку.

Он захихикал:

- Ну, может быть, я возбужден самую чуточку. Я просто не могу дождаться вечера. Ты будешь в абсолютном восторге!

- Потерпи до вечера и перестань мельтешить вокруг меня. Терри грызет ногти от любопытства.

Он понял намек и весь остаток дня не показывался из кабинета, но, уходя в шесть часов, не удержался и подмигнул мне. Я ответил ему хмурым взглядом, и он удалился, немного смущенный. Терри немедленно встал и приблизился ко мне.

- Из-за чего такое волнение? - спросил он. - Он весь день прыгает, как шарик на резинке. У вас что-нибудь затевается?

Я начал прибирать бумаги на столе.

- Почему ты не спросишь у него? Если он захочет, чтобы ты знал, то, конечно, скажет.

Терри оперся ладонями о стол и наклонился вперед. В его злых глазках светилась ярость.

- Ты ведь ненавидишь меня, правда? Я встал.

- Не больше, чем ты меня, Терри, - сказал я и через зал направился в туалет.

Десятью минутами позже я ехал домой. Через неделю, а может быть, и раньше, говорил я себе, я буду в Антверпене заниматься переговорами с одним из крупнейших в мире торговцев бриллиантами. Я предложу ему десять камней покрупнее, но не самый большой. Его я собирался отвезти в Хэттон-Гарден в Лондоне. Уоллес Берстейн давно просил меня подыскать камень высшего класса, подходящий для тияры. Он намекнул, что она предназначена для одного из членов королевской семьи. Я не сомневался, что он с руками оторвет большой камень, не споря о цене. Потом из Лондона я отправлюсь в Антверпен, затем в Гамбург и, наконец, в Швейцарию. К тому времени я буду обладателем миллиона долларов. Эта сумма, вложенная в восьмипроцентные облигации, обеспечит мне пожизненный доход в восемьдесят тысяч долларов. Я обращусь за швейцарским видом на жительство для иностранцев, уплачу налог и буду устроен на всю жизнь. Я был доволен

тем, как повел себя с Реей. Теперь я не сомневался, что она перестала относиться ко мне с подозрением, а это было очень важно. Услав ее во Фриско, а Фела в Луисвилл, я обеспечил себе свободу маневрирования. Многое теперь зависело от того, вызовет ли Сидней полицию после ограбления. С ним необходимо проявить крайнюю осторожность. Он будет в ужасном состоянии и разъярен до предела. Когда он такой, то с трудом поддается контролю. Нужно будет предостеречь его, и не один раз, что, если делом займется полиция, Том Льюис наверняка узнает о случившемся. Все зависело от того, что перевесит: ярость Сиднея или его страх перед Льюисом, и я делал ставку на второе.

В четверть седьмого я поднялся к себе. Предполагается, что я обедаю с Джонсонами. Я принял душ, побрился и переоделся в темный костюм. Хотя я проделывал все это медленно, у меня все-таки оставалось еще три с половиной часа до начала операции. Я налил себе почти неразбавленного виски, включил телевизор, но не мог сосредоточить внимание на программе, и выключил его. Я бродил взад и вперед по комнате, волнуясь и нервничая, то и дело поглядывая на часы.

В желудке поднималась смутная тошнота, но виски прогнало это ощущение. Ни с того ни с сего я вдруг вспомнил Дженни. Повинуясь внезапному побуждению, я решил поговорить с ней. Полистав записную книжку, я нашел телефон городской больницы Луисвилла и позвонил. После недолгого ожидания послышался голос Дженни:

- Алло?

- Приветствую. - Я сел, неожиданно для себя чувствуя, как меня покидает напряжение. - Говорит ваш старый коллега. Как здоровье, Дженни?

- Ларри!

Ее радостный голос сразу поднял мое настроение.

- Как мило, что вы позвонили. У меня все отлично. Я даже могу ковлять на двух палочках.

- Вы уже ходите? Замечательно! Когда вас выписывают?

- В конце будущей недели. Жду не дождусь поскорее выбраться отсюда и снова начать ходить. Скажите, Ларри, а у вас-то все хорошо?

Интересно, как бы она реагировала, расскажи я ей, что готовлюсь совершить ограбление?

- Полный порядок. Я опять в упряжке. Дела. Вот договорился обедать с клиентом. Как раз закончил одеваться и вдруг вспомнил о вас.

- Я тоже о вас думала. Как, я рада, что вы уехали из этого города, Ларри. Луисвилл не для вас.

- Наверное. И все же я по нему скучаю. И по вас тоже.

Мне вдруг захотелось ее снова увидеть, но я понимал, что это невозможно. Через четыре-пять дней я отправлюсь в Европу и, вероятно, никогда уже не вернусь. Мне вспомнились ее небрежно причесанные волосы, ее глаза, ее энергия и доброта.

- Через несколько дней я должен выехать в Европу. Бизнес. Иначе бы я пришел повидаться с вами.

- О! - Последовала пауза, затем Дженни продолжала:

- Вы долго пробудете в отъезде?

- Точно не знаю. В зависимости от обстоятельств. Может быть, придется и в Гонконг завернуть. Да, это займет порядочное время.

- Понятно. Что ж, доброго пути. В ее голосе вдруг появилась безжизненная нотка, сказавшая мне, что она расстроена. Я смотрел в стену, ничего не видя.

Я думал об одиночестве, которое ждало меня впереди. Изгнанник в чужой стране. Я даже не знал ни одного языка. Все выглядело бы совсем иначе, будь со мной Дженни. С такими деньгами мы могли бы устроить чудесную жизнь. Такие мысли крутились у меня в голове, в то время как она говорила:

- У вас, наверное, светит солнце, а здесь оно ужасное. Бывают дни, когда так хочется настоящего солнца.

Я думал о том, как весело и интересно было бы показать ей Гонконг, но тут же с чувством тягостного уныния я осознал, что теперь поздно. Я не мог сказать: "Поедем со мной!" Я не мог вот так, без всякой подготовки ошарашить ее своим предложением. И потом, она еще не может ходить. Нет, поздно. Уезжать нужно через несколько дней после ограбления. Пожалуй, в следующий понедельник. Оставаться чересчур опасно.

- Солнце здесь чудесное, - сказал я, пожалев, что позвонил. - Я буду писать, Дженни. Ну ладно, время позднее. Берегите себя.

- И вы тоже.

Мы обменялись еще несколькими словами, я положил трубку и, уставясь в стену, сидел без движения несколько минут. Неужели я люблю ее? Я задумался. Мне начинало казаться, что это так, но вот любит ли она меня? Быть может, оказавшись в безопасности в Швейцарии, я напишу ей и поведаю о своих чувствах. Я попрошу ее приехать в Швейцарию для разговора и пришлю авиабилет. Мне казалось, что она согласится приехать. Я посмотрел на часы: ждать еще больше двух с половиной часов.

Не в состоянии больше торчать в четырех стенах, я вышел из дома и поехал в магазин "Интерфлора". Я сделал заказ на посылку роз для Дженни и написал карточку, в которой обещал скоро связаться с нею.

Понимая, что нужно что-нибудь поесть, я поехал оттуда в отель “Спэниш Бэй” и прошел в закусочную, где взял сэндвич с копченой семгой и стакан водки. Ко мне подошел и сел рядом один из моих клиентов Джек Калшот, богатый биржевой маклер с лицом выпивохи. Мы поговорили о каких-то пустяках. Он сказал, что подыскивает браслет с изумрудами и рубинами, при этом выразительно подмигнув.

- Не для жены, сам понимаешь. Я нашел такой кадр - огонь-баба, только требуется подход. Найдется что-нибудь в таком роде, а, Ларри?

Я ответил, что это не проблема и он завтра может заглянуть в магазин. Следующий час я провел, выслушивая его болтовню. С ним было полезно поддерживать знакомство: я не раз получал от него хорошие биржевые советы. Где-то в глубине души у меня вертелась мысль, что скоро все изменится - еще одна перемена обстановки. Интересно, найду ли друзей в Швейцарии? Судя по тому, что я слышал о швейцарцах, они не особенно уважают иностранцев, но по крайней мере там есть американская колония, среди которой можно завести знакомства. Наконец стрелки моих часов доползли до без четверти десять. Я попрощался с Калшотом, который пообещал зайти завтра около десяти. Садясь в “бьюик”, я подумал о Феле и внутренне поежился. “Получить пистолетом по лицу - не шутка, будет больно”. Я успокаивал себя тем, что миллион долларов никогда не дается легко.

Когда я позвонил у подъезда Сиднея и Лоусон шел через коридор открывать, я увидел Клода, выходявшего из лифта.

Лоусон открыл дверь, и оба поздоровались со мной. Когда Лоусон вернулся к себе рысцой, говорившей о том, что по телевизору идет хорошая передача, Клод произнес:

- Мистер Сидней сегодня очень возбужден, мистер Ларри. Я с трудом уговорил его пообедать. Надеюсь, вы поможете ему успокоиться.

Подумав о предстоящем налете, я решил, что это маловероятно.

- Я приложу все старания, Клод, - пообещал я. - Доброй ночи.

Я пошел к лифту. Выйдя наверху из кабины, я проворно спустился по лестнице. Достигнув вестибюля, я остановился, огляделся, затем быстро пересек вестибюль, повернул шишечку дверного замка, поставил его на предохранитель и поспешил к лестнице.

Как я и предвидел, открыть входную дверь оказалось совсем просто. Сидней примчался на звонок и распахнул дверь настежь.

- Входи, милый мальчик! - воскликнул он. Его глаза искрились. - Обед, наверное, был ужасным?

- Скверный.

Я закрыл дверь и, взяв его под руку, провел в гостиную, зная, что дверь не заперта.

- Она колеблется. Не думаю, чтобы ее муж захотел тратиться, но я встретил Калшота, и ему нужен браслет с изумрудами и рубинами. Он придет завтра. Очередная цыпочка.

- Бог с ним. Давай посмотри мои эскизы. Идя вслед за ним к столу, я взглянул на часы. Было десять минут одиннадцатого. Через двадцать минут здесь будет твориться Бог знает что. Я почувствовал, что слегка вспотел, и, достав платок, вытер ладони.

- Смотри! - Он разложил на столе четыре эскиза. - Как тебе это нравится?

Я склонился над ними, почти ничего не видя от волнения.

- Тебе не кажется, что вот этот превосходен? Он положил свой длинный изящный палец на второй с краю рисунок. Я овладел собой и усилием воли прогнал пелену, застилавшую мне глаза. В течение нескольких секунд я разглядывал эскиз. Тот, на который он показывал, был лучшим образцом ювелирного дизайна, когда-либо виденным мною. Я выпрямился.

- Ты гений, Сидней! Ошибки быть не может! Вот то, что нужно, и я буду не я, если не продам это за два миллиона!

Он жеманно улыбнулся, извиваясь от удовольствия.

- Мне тоже казалось, что здесь все как надо, ну а теперь, раз ты так говоришь...

- Давай сравним его с колье. Он удивился:

- Но зачем?

- Я хочу сравнить огранку камней с твоим рисунком.

Я заговорил хриплым голосом и был вынужден остановиться, чтобы откашляться.

- Понимаю. Да.

Он повернулся, пересек комнату, снял Пикассо и повторил свой секретный ритуал с дверцей сейфа. Я посмотрел на часы. Оставалось еще пятнадцать минут. Он принес колье и положил на стол.

- Садись, Сидней, и давай сравним их. Он обошел стол, а я встал у него за спиной, и мы оба посмотрели сначала на колье, а потом на рисунок.

- Изумительно, - сказал я. - Ты прекрасно уловил душу камней. Представляешь, как это будет выглядеть, когда Чан его закончит? Мне не терпится отвезти это ему.

Он обернулся в кресле:

- Когда ты сможешь выехать?

- В понедельник. Завтра я зайду в бюро путешествий. В Гонконге я буду где-нибудь в среду. Придется провести неделю с Чаном, убедиться, что он начал работу правильно, потом я вылечу обратно.

Он кивнул:

- Хорошо. Как по-твоему, сколько тебе понадобится времени для его продажи?

- Дело нелегкое. Не знаю. Я уже составляю список имен. На работу у Чана уйдет два месяца. Как только он закончит, я сразу приступаю.

- Ты не можешь меня сориентировать во времени хотя бы приблизительно?

Я смотрел на него, не понимая, куда он клонит.

- Вряд ли это возможно, Сидней. Может, месяц, а может, и восемь. Два миллиона не мелочь.

Он заерзал в кресле.

- Видишь ли, Ларри, я застраховал кольцо на девять месяцев. На этот период я добился особого тарифа, но взносы все-таки чертовски высоки. Если мы не продадим его в течение девяти месяцев, придется платить больше, а мне не хотелось бы.

Я замер, прикованный к месту.

- Ты его застраховал?

- Ну конечно, дорогуша. Не вообразил же ты, что я отпущу тебя в Гонконг, в такую даль, не застраховав его? С тобой может случиться все что угодно. Его даже могут украсть. Может произойти несчастный случай. Боже упаси. Три четверти миллиона - чертовски большая сумма, чтобы рисковать.

- Да. - Мое сердце гулко колотилось. - Где ты его застраховал?

- Как всегда, в "Нэшнл фиделити". У меня вышла странная стычка с этим ужасным Мэддоксом! Я его ненавижу! Он такой материалист! В конце концов пришлось пойти к одному из директоров, чтобы получить скидку. Мэддокс хотел взять с меня чуть ли не по двойному тарифу.

Мэддокс! Мне тоже случалось иметь с ним дело, и я считал его самым тертым, упорным и проницательным из всех экспертов по страховым делам человеком, который нюхом чувствует преступление даже прежде, чем оно задумано. Он и его помощник Стив Хармас раскрыли больше страховых афер и посадили в тюрьму больше людей, пытавшихся обманом получить деньги, чем все остальные страховые инспектора вместе взятые. Зная, что я побледнел, я отвернулся и медленно подошел к большому окну с раздвинутыми шторами. Паника парализовала мой рассудок. Ограбление отменяется! Нужно его остановить! Но как? Мозг отказывался работать, однако я понимал, какие роковые последствия имела бы попытка осуществить мой

замысел теперь, когда на заднем плане появился Мэддокс. Как ни проворна полиция Парадиз-Сити, ей далеко до Мэддокса. Я вспомнил случай, когда шеф полиции Террелл был рад получить помощь от следователя Мэддокса, Стива Хармаса, и именно Хармас раскрыл кражу ожерелья Эсмальди, а также убийство.

- В чем дело, Ларри?

- Голова разламывается, чтоб ее!

Я обхватил голову руками, пытаюсь сообразить, что делать. В следующую секунду я понял, как до смешного просто предотвратить ограбление. Нужно только пересечь комнату, выйти в прихожую, спустить предохранитель, и Рея и Фел не смогут войти. Что они станут делать? А что они смогут сделать, кроме как уйти и при следующей встрече изругать меня.

- Я принесу тебе аспро, золотко, - сказал Сидней и встал с места. - Нет ничего лучше аспро.

- Ничего, я сам найду. Я двинулся к двери:

- Они в ванной в шкафчике, правильно?

- Позволь мне...

Тут дверь с треском распахнулась, и я понял, что опоздал.

Позже, вспоминая тот вечер, я имел возможность понять, почему операция закончилась катастрофой. Вина за ошибку целиком лежала на мне.

Несмотря на длительное обдумывание и тщательную разработку плана, я совершенно не правильно представлял, как будет реагировать Сидней в критической обстановке. Я был так уверен, что этот изящный, изнеженный педераст с его суетливыми повадками трусливой мыши съежится от ужаса при малейшей угрозе насилия! Если бы не ошибка в оценке его характера, я не оказался бы в своем теперешнем положении. Но я был убежден, что он не доставит хлопот, и не задумывался над этой важнейшей частью операции.

Я шел к двери, а Сидней выходил из-за стола, когда дверь распахнулась и ворвался Фел, а за ним Рея. Фел надел битловский парик и зеркальные очки. В руке он держал безобразный автоматический кольт. Рея, спрятавшая рыжие волосы под черной косынкой, закрывшая лицо огромными зеркальными очками, с пистолетом тридцать восьмого калибра в обтянутой перчаткой руке тоже выглядела грозно.

- Стоять на месте! - завопил Фел леденящим кровь голосом.

- Руки вверх!

Я двигался к нему. Я хотел остановиться, но ноги несли меня сами. Мы были почти рядом, когда он взмахнул рукой. Я уловил его движение и пытался увернуться, но ствол пистолета с сокрушительной силой обрушился мне по лицу, и внутри моего черепа вспыхнула белая вспышка. Я упал навзничь, ошеломленный ударом, чувствуя, как по лицу стекает в рот теплая кровь. Мой правый глаз стремительно заплывал, но левый отмечал происходившее. Я видел, как Сидней схватил кинжал Борджа, служивший для распечатывания писем: антикварный предмет, обошедшийся ему не в одну тысячу долларов, которым он очень гордился. Он бросился на Фела словно разъяренный бык, бледный как пергамент, с выпученными глазами. У него был вид человека не только взбешенного до неистовства, но и одержимого жаждой убийства.

Я видел, как Рея попятилась и вскинула пистолет, оскалив зубы в свирепой гримасе. В тот момент, когда Сидней сделал выпад в сторону Фела, который стоял неподвижно, словно остоленев, блеснула вспышка и раздался грохот. Острие кинжала впилося в руку Фела, брызнула кровь. Затылок Сиднея лопнул красным грибом, и он повалился с глухим стуком, потрясшим комнату. Завитки порохового дыма поднимались к потолку. Фел сделал несколько неверных шагов назад, сжимая руку. Кое-как, с лицом, раздираемым болью, я поднялся на четвереньки. Я уставился на тело Сиднея. Что-то ужасное, белое с красным начало сочиться из его затылка. Он был мертв.

Это я понимал. Сидней мертв! У меня во рту что-то отделилось. Я выплюнул зуб на двухсотлетний персидский ковер Сиднея. На четвереньках я пополз, желая прикоснуться к нему, вернуть его к жизни, но в тот момент, когда я почти добрался до него, на меня упала тень Реи. Я замер, стоя на четвереньках и роняя капли крови изо рта, и поднял голову.

Напротив стояло большое зеркало. Я увидел ее отражение. Огромные зеркальные очки, белые зубы, губы, растянутые в злом оскале, делали ее похожей на демона, явившегося из ада. Она держала пистолет за ствол. Уставясь на ее отражение, я видел, как она размахнулась и обрушила на мою голову сокрушительный удар рукояткой.

Когда ко мне вернулось сознание, я еще не знал, что пять дней пробыл в коматозном состоянии, перенес операцию мозга и что врачи дважды отступались от меня, считая меня мертвым.

Первой весточкой из мира живых, в который я возвращался, словно всплывая сквозь темную воду, был звук человеческой речи. Я всплывал все выше, не захлебываясь, чувствуя только ленивое, происходившее помимо моей воли движение к поверхности и вслушиваясь в голос, звучавший где-то совсем рядом, и слова говорившего постепенно приобретали смысл.

- Слушайте, док, сколько еще, по-вашему, мне придется торчать здесь, дожидаясь, пока малый очнется? Я первый человек в управлении. Пока я сижу здесь, дело стоит. Господи, да ведь я просидел тут пять распроклятых дней!

Управление? Полиция? Пять дней? Я лежал неподвижно, уже чувствуя в голове пульсирующую боль. Второй голос произнес:

- Он может выйти из комы в любую минуту, а может лежать так несколько месяцев.

- Месяцев? - первый возвысил голос. - Неужели вы ничего не можете сделать? Скажем, укол какой или еще что. Если я просижу здесь несколько месяцев, то сам впаду в кому, и тогда у вас на руках будет два пациента.

- Сожалею, придется ждать.

- Здорово. Ну и что же мне делать? Заняться йогой?

- Неплохая мысль, мистер Лепски. Йога часто приносит очень большую пользу.

Наступила пауза, затем человек, которого звали Лепски, спросил:

- Значит, вы не можете вытащить его из этой проклятой комы?

- Нет.

- И так может тянуться месяцами?

- Да!

- Черт! И везет же мне! Ладно, док, придется сидеть.

- Похоже на то.

Последовал звук шагов, пересекавших комнату, открылась и закрылась дверь, и человек по фамилии Лепски фыркнул, встал и заходил по комнате. Его беспокойные движения служили звуковым фоном для моих раздумий над услышанным. Если бы только не так сильно болела голова и мысли были пояснее.

Усилием воли я заставил себя вспомнить происшедшее. Я снова увидел тот страшный момент, когда Рея убила Сиднея, видел, как она поднимает пистолет, видел вспышку, слышал грохот и видел, как голова бедного смельчака Сиднея взрывается, превращаясь в месиво

крови и мозгов. Какой же я дурак! Почему я недооценил его храбрость? Я вспомнил, как он бросился на Фела с кинжалом Борджа в руке, на что сам никогда бы не отважился, видя направленный на меня пистолет.

Это был сумасшедший, безрассудный, но великолепный поступок, на который способен только настоящий храбрец. Когда они ворвались в комнату, Сидней, наверное, сразу понял, что им нужно кольцо, но он не знал, что кольцо, которое он пытался защитить, было стеклянным, и он отдал жизнь понапрасну.

Итак, он мертв. Теперь я попал в невыразимо скверное положение, и у моей постели сидит полицейский, ожидая, когда я заговорю. Подозревают ли они, что я как-то замешан в ограблении и убийстве? Нет, это, конечно, маловероятно. Как реагировал Мэддокс, узнав, что его компании придется уплатить три четверти миллиона долларов? Зная его, следует ожидать, что, не желая выплачивать такую огромную сумму, он будет копать, пока не отыщет какое-нибудь доказательство моей причастности к убийству. Что ж, у меня есть время. Если я буду лежать тихо, не подавая виду, что уже пришел в себя, мне, может быть, удастся придумать какой-нибудь выход, найти способ спастись.

Я услышал, как открылась дверь. Женский голос сказал:

- Ваш ленч готов, мистер Лепски. Я посмотрю за ним.

- Ладно, детка. Если он хотя бы моргнет, зовите меня. Что за ленч?

- Тушеная говядина.

- Это точно говядина, а не собачатина? Она засмеялась:

- У сестры-хозяйки пропала кошка.

- Вот-вот! Фу ты! До чего же я везучий! Затем дверь закрылась. Я слышал, как сестра села, потом зашелестели книжные страницы.

Я вернулся к своим размышлениям. Рея и Фел унесли стеклянное кольцо. Фел ранен. Привлек ли выстрел чье-нибудь внимание? Не увидел ли кто-нибудь, когда они выходили? Может быть, они уже арестованы и все рассказали? Может быть, именно поэтому меня стережет полицейский. Я не сомневался, что, если Рея попала, она укажет на меня. Но как об этом узнать? По выражению ее лица, которое я видел в зеркале, я понял, что она хотела убить меня так же, как убила Сидни. Но если я выживу, а я, видимо, выживу, и если их схватили, она не будет молчать. Мне хотелось поднять руки и сжать ими мою больную голову, но я преодолел это побуждение. Нужно выиграть время. Нужно притвориться, что я все еще без сознания. А если Рея и Фел скрылись? Что они будут делать? Они похитили кольцо, стоившее, как им казалось, не менее миллиона долларов. Они знали, что любой неверный шаг обернется для них катастрофой. Предпримут ли они попытку продать кольцо? Я предупредил их, что ни один мелкий скупщик краденого не

притронется к такому товару. Не будут же они настолько безрассудны, чтобы теперь, когда над ними висело обвинение в убийстве, обращаться к барыге. И все же я подозревал, что Рея с ее врожденной алчностью может оказаться неспособной противиться искушению и попытается обратить колье в деньги.

Но зачем думать о них? Раз мне суждено выжить, надо подумать о себе. Предположим, что полиция или Мэддокс - особенно Мэддокс, заподозрят меня. Предположим, они получают ордер на обыск и откроют мой сейф. Как они будут реагировать, обнаружив настоящее колье? И тут я увидел проблеск надежды, выход из положения. О, Боже милосердный, как я в нем нуждался!

Я лежал неподвижно, но моя голова работала на полных оборотах, и, наконец, мне стало казаться, что я могу спастись, если только полиция не настигла Рею и Фела. При этом условии я буду в безопасности. Я смогу надеть намордник на Мэддокса. Я смогу вернуться в магазин. Теперь, когда Сидней мертва, Том Льюис предложит мне стать его партнером. Без моего опыта магазин может перестать приносить доход. У меня вдруг упал камень с души, сменившись спокойствием и надеждой. Все еще может устроиться, но лишь при условии, что Рея и Фел не попались. Хотя с чего им попадаться? Даже если их видели выходящими из дома, никто не в состоянии их опознать. Пока они не сделают какую-нибудь глупость вроде попытки продать колье, ни им, ни мне, конечно же, ничего не грозит. Но Рея? Я вспомнил слова Дженни: “Она одержима мыслью разбогатеть. Она никак не может примириться с фактом, что, если хочешь денег, их надо заработать. Она говорит, что не хочет ждать так долго”. Но Рея далеко не глупа. Она наверняка сознает, что, несмотря на соблазн поскорее завладеть деньгами, стоит ей попытаться продать колье, и она сразу пропала.

В этот момент я услышал стук в дверь, сестра встала и пересекла комнату.

- Хэлло, мисс Бакстер, - сказала она.

- Как он? - спросила Дженни.

- Все так же.

Дженни здесь! Лишь большим усилием воли я заставил себя не открывать глаза. Слишком рано. Нужно сделать вид, что я возвращаюсь к жизни медленно, так, чтобы иметь возможность отступить в притворный обморок, если полицейский станет прижимать меня. Сознание того, что Дженни приехала в Парадиз-Сити и интересуется моим состоянием, подействовало на меня как бодрящая инъекция.

- Можно на него посмотреть?

- Конечно.

Я лежал закрыв глаза, с сильно бьющимся сердцем и прислушивался к движению у моей постели.

- Как он плохо выглядит. Огорчение в голосе Дженни очень много для меня значило.

- Ничего удивительного. Он перенес операцию мозга и был на волосок от смерти, но доктор Соммерс говорит, что теперь опасность позади. Надо только подождать, пока он придет в себя.

Прохладные пальцы Дженни прикоснулись к моему запястью. Меня подмывало открыть глаза, взглянуть на нее, увидеть ее небрежно причесанные волосы и выражение доброты в заботливых глазах, но для этого еще не пришло время. Ради собственной безопасности я должен ждать. Потом послышался звук открываемой двери и голос Лепски:

- Если это была кошка сестры-хозяйки, то мне по душе ленч из кошки. Приветствую вас, мисс Бакстер, - продолжал он. - Видите, он без изменений.

- Да.

Я услышал вздох Дженни:

- Сестра, вы известите меня, когда он придет в себя?

- Конечно.

Шорох, шаги. Я не осмеливался даже приподнять веки, слыша, как Лепски устраивался возле меня на стуле. Потом дверь закрылась. Дженни ушла.

- Она мне нравится, - сказал Лепски. - Есть в ней что-то этакое. Она влюблена в парня без памяти, верно?

- И не говорите, - согласилась сестра.

- Угу.

Наступила длинная пауза, затем Лепски продолжал:

- Пару месяцев назад меня произвели в детективы первого разряда. Трудно в это поверить, так мной помыкают! Сижу в этой проклятой палате день за днем! Они хотят меня убедить-, будто это очень важно.

- Я просто не могу уразуметь, в чем тут дело, - отозвалась сестра. - Вот вы бы мне объяснили. Я читала все газеты, но там ничего толком не сказано, написано только, что мистера Фремлина убили. Как все это понимать?

- Строго между нами, мы и сами не знаем. Мы ждем, пока Карр очнется и расскажет, что же там стряслось. Мы считаем, что украдена какая-то большая ценность, только не знаем какая.

- Значит, вы не понимаете, в чем тут дело. Ну так мы с вами в одинаковом положении. Я слушал с напряженным вниманием.

- Но ведь у вас есть какие-то улики? - спросила сестра.

- Детка, вы читаете слишком много детективов. - В голосе Лепски звучала горечь. - Нам известно только, что мужчина и женщина вломились к Фремлину, подстрелили его, вывели из строя Карра и смылись. У нас есть описание их внешности. Ночной вахтер слышал выстрелы и видел, как они убегали. От его описания никакого толку. Значит, все зависит от того, что видел и знает Карр. Вот я и сижу здесь. Ясна картина?

- Я рада, что я не полицейский.

- Ну, мы с вами пара.

После продолжительной паузы Лепски спросил:

- Что на ужин?

- Вы только что поели, мистер Лепски.

- Неважно, я человек предусмотрительный. Так что на ужин?

- Не знаю. Зависит от настроения поварихи.

- Вот как? А если ей сказать, что я приду и подниму ей настроение, если она состряпает что-нибудь вкусненькое?

Сестра засмеялась:

- Так говорить неприлично, мистер Лепски.

- Ваша правда. Обалдеешь тут, сидя и глядя на этого малого. Вы уходите?

- Конечно, уйду, а то вам вздумается еще поднимать и мне настроение.

- Хорошая мысль. Если бы я не был солидным женатым человеком...

Я услышал, как закрылась дверь. Да, выходит, они не знают о краже кольца. Пусть Лоусон видел Рею и Фела. Лепски правильно сказал, что это не имеет никакого значения. Переодетые, тем более бегущие, они имели все шансы остаться неузнанными. Обдумав ситуацию, я решил не подавать признаков жизни в течение еще хотя бы нескольких часов. Нельзя дать Лепски заподозрить, что я слышал его разговор с сестрой. Я лежал тихо и думал, а время шло. У меня болела голова, раздражала возня Лепски. Время от времени заглядывала сестра. Наконец появился врач, и я решил, что настал подходящий момент.

Услышав, как он здоровается с Лепски, я пошевелился, тихо застонал и, взглянув в склонившееся надо мной толстое лицо, зажмурился.

- Он приходит в себя.

- Да ну! Вот новость так новость! - воскликнул Лепски.

Я вновь открыл глаза, поднес руку к голове полной тупой боли и потрогал бинты.

- Как вы себя чувствуете, мистер Карр? - спросил врач.

- Где я?

Это была классическая реплика человека, очнувшегося от беспомощности.

- Вам незачем волноваться. Вы в городской больнице. Как вы себя чувствуете?

- Голова болит.

- Сейчас будет лучше. Только лежите спокойно, мистер Карр.

- Сидней... Они его убили.

- Ни о чем не тревожьтесь. Я сделаю вам укол, и вы отдохнете.

Торопиться некуда. Времени сколько угодно.

- Эй! Погодите! Я хочу с ним поговорить, - с лихорадочной торопливостью закричал Лепски. - Это важно.

- Пока никаких разговоров с моим пациентом, - отрезал врач. - Сестра...

Секундой позже я почувствовал прикосновение тампона к руке, а потом укол шприца. Медленно погружаясь в забытие, я подумал, что время работает на меня. Я не особенно рвался к разговору с Лепски, но знал, что в предстоящей партии в покер мои карты сильнее.

Меня разбудило солнце. Я пошевелился, приподнял голову, потом, моргая, огляделся. Головная боль прошла. Сознание было ясным. В противоположном конце комнаты стоял высокий, худой, сильно загорелый человек, в котором я угадал Лепски. Возле кровати сидела привлекательная сестра, которая встала и наклонилась надо мной, увидев, что я зашевелился.

- Хэлло, мистер Карр. Теперь вам лучше? Я поднес руку к голове:

- Что случилось?

- Не волнуйтесь. Я позову доктора Соммерса. Она отошла к телефону, а на меня спикировал Лепски. Я увидел над собой жесткие, бледно-голубые глаза копа.

- Привет, мистер Карр. - Он понизил голос. - И рад же я снова видеть вас в живых. Не имеете желания поговорить?

- Кто вы? Вы врач?

В следующую секунду сестра оттолкнула Лепски от кровати:

- Пока нельзя. Вы не будете с ним говорить без позволения доктора Соммерса.

- Вот цирк-то чертов! - сокрушался Лепски. Он отправился обратно к окну. Через минуту неторопливо вошел толстый, невысокий человек в белом халате. Он пощупал мой пульс, одарил меня сияющей улыбкой, сообщив, что дела у меня идут отлично и мне не надо ни о чем тревожиться.

- Мистер Карр, вас хочет кое о чем спросить человек из полиции. Вы расположены говорить?

Если вы не чувствуете себя в силах, так и скажите, не стесняйтесь.

- Насчет Сиднея Фремлина? - Я говорил нарочито хриплым, едва слышным голосом.

- Да.

Я закрыл глаза и несколько секунд молчал. Я хотел показать им, что чувствую себя еще очень плохо.

- Хорошо.

Врач обернулся и пальцем поманил Лепски.

- Только несколько минут. Лепски подошел и встал рядом.

- Мистер Карр, могу догадаться, как вы себя чувствуете, но дело серьезное. Вы можете рассказать, что произошло? Совсем кратко. Скажите только, что у вас там случилось, как вы попали в эту переделку?

Я отметил, что в его голосе не было враждебности, а это определенно означало, что меня пока ни в чем не подозревают.

Шепотом, словно находясь на пределе сил, я стал рассказывать:

- Мы с Фремлином работали. Распахнулась дверь, и вбежали двое: мужчина и женщина. Фремлин хотел остановить их. Женщина застрелила его, а потом ударила меня.

- Над чем вы работали?

- Над эскизом для бриллиантового ожерелья.

- У вас есть какие-нибудь догадки, что им было нужно?

- Бриллиантовое кольцо.

- Какое кольцо?

- Мы переделывали в ожерелье кольцо, которое лежало на столе. Они его забрали?

- Мы не нашли никакого кольца, когда приехали, - ответил Лепски. Он наклонился вперед и пристально глядел на меня. - Какое кольцо? Сколько оно стоило?

Пожалуй, для первого раза было довольно, сказал я себе и обессиленно закрыл глаза.

- Все, хватит, - воскликнул доктор Соммере. - Теперь ему нужно отдыхать. Лепски застонал:

- Док, это убийство! Мне нужно поговорить с ним. Эй! Мистер Карр!

Я открыл глаза, уставился на него, потом закрыл их окончательно. Я опять почувствовал укол и погрузился в забытие под громкие протесты Лепски.

Когда я снова пришел в себя, рядом сидел другой человек. Он был высокий, худой, некрасивый, но чем-то симпатичный, с непринужденной, спокойной манерой держаться.

- Как самочувствие, мистер Карр? Позади него маячила сестра.

- В голове сплошной туман, - сказал я и, закрыв глаза, пошевелил головой, а потом вновь посмотрел на него. - Кто вы?

- Я Стив Хармас, - ответил он. - Представляю страховую компанию "Нэшнл фиделити".

По моей спине побежали холодные мурашки. Так вот он, человек, о котором я столько слышал, человек, раскрывающий обманы, аферы и убийства, правая рука Мэддокса. Он, должно быть, гораздо опаснее Лепски. Я был уверен в этом, но дальше тянуть было нельзя. Пришла пора раскрыть карты. Нужно убедить его, иначе мне крышка.

- Вы в настроении поговорить? - спросил Хармас.

Его голос звучал негромко и спокойно, и он держался так, словно сидел у постели хорошего знакомого. Но это не обмануло меня.

- Да.

Я притворился, будто делаю усилие, и приподнялся так, чтобы смотреть на него, не задирая голову.

- Валяйте.

- Я буду краток, мистер Карр.

В его голосе не было враждебности, но глаза смотрели настороженно. Я ни секунды не заблуждался на его счет.

- Вы знали, что мистер Фремлин застраховал кольцо на три четверти миллиона долларов?

- Да, он мне говорил.

- Как мы понимаем, кольцо украдено. И, судя по тому, что вы сказали Лепски, они охотились именно за кольцом. Сейф мистера Фремлина был открыт, никаких следов кольца нет. Они взяли его?

- Нет.

Он с удивлением воззрился на меня:

- Нет? Вы уверены?

- Да.

Его взгляд выражал сомнение.

- Вы знаете, где оно?

"Пора, - подумал я, - надо выкладывать козырного туза".

- Да, знаю, оно в сейфе у меня дома. Наступила долгая пауза, в течение которой Хармас испытующе смотрел на меня.

- В вашем сейфе, мистер Карр? Я не понимаю.

Я закрыл глаза и притворился, что отдыхаю, потом сказал глядя на него:

- Могу вас заверить, что кольцо не украдено. Было два кольца - оригинал с бриллиантами и стеклянная копия. Мы работали с копией.

Хармас с присвистом выпустил воздух сквозь зубы.

- Вот это новость! Отлично! Мой босс думал, что нам придется раскошелиться на три четверти миллиона долларов! Нет, вы серьезно?

- Да. Фремлин боялся хранить настоящее кольцо у себя в квартире. Он попросил меня подержать его в моем сейфе. Если только воры не побывали у меня в квартире, кольцо до сих пор там.

- Нельзя ли мне проверить, мистер Карр? У босса инфаркт за инфарктом, и я хотел бы избавить его от страданий.

- Валяйте. Ключ от квартиры найдете в кармане пиджака. - Я назвал ему адрес. - Комбинация сейфа X-II-04. Проверяйте.

Я закрыл глаза.

- Отдыхайте, мистер Карр. Ни о чем не волнуйтесь.

Он вышел. Я перевел дыхание. Этот ход наверняка отвел от меня подозрения, но риск оставался. Если полиция поймает Рею и Фела, они все выложат, и тогда моя ловко придуманная версия расползется по всем швам.

Глава 8

Сержант Фред Хесс, шеф отдела по расследованию убийств, был низеньким толстяком с кустистыми бровями и холодными глазами. Он производил впечатление пытливого и настороженного человека. Через час после ухода Хармаса Хесс в сопровождении Лепски вошел в палату и направился прямо ко мне.

- Мистер Карр, я Хесс из городской полиции: отдел убийств, - сказал он голосом, похожим на звук пересыпаемого гравия. - Доктор Соммерс говорит, что вы еще не вполне оправились и не можете дать показания по всей форме, но я надеюсь, вы согласитесь ответить на несколько вопросов?

- Я в полном порядке, - ответил я. - У доктора Соммерса самые лучшие намерения, но он поднимает шум из-за пустяков.

Это понравилось Хессу, и он слегка улыбнулся, потом пододвинул стул и сел поближе к постели. Лепски отошел к окну, уселся и достал записную книжку. У меня было достаточно времени, чтобы в деталях продумать свою историю, и я чувствовал себя довольно уверенно.

- Ладно, мистер Карр, тогда, может быть, вы расскажете мне об этом колье. Хармас говорит, что убийцам досталась подделка. Это верно?

- Если кольцо нет в гостиной Сиднея, значит, грабители унесли поддельное.

- Они поймут, что украли подделку?

- Нет. Она одурачит кого угодно, кроме лучших экспертов. Но чтобы вам все стало ясно, лучше начать сначала.

Он посмотрел на меня прищурясь и кивнул:

- Очень хорошо.

Я рассказал ему, как миссис Плессингтон пожелала иметь кольцо, как я заказал стеклянную копию, чтобы она могла решить, нравится ли ей композиция. Я объяснил, что Сидней хотел продать копию после того, как покупательница забрала кольцо, но я решил сохранить его в качестве сувенира на память о своей крупнейшей сделке. Я сказал, что Сидней согласился (первая ложь), и я заплатил ему за кольцо три тысячи долларов. Затем я рассказал Хессу об азартной игре миссис Плессингтон и о том, как, ударившись в панику от своих проигрышей, она попросила Сиднея продать кольцо. Я объяснил, почему сделку пришлось держать в секрете и как мы с Сиднеем надумали продать кольцо, переделав его в ожерелье. Для предотвращения возможной опасности огласки Сидней решил работать над ожерельем дома.

- Но Сидней боялся держать кольцо у себя на квартире, и я предложил пользоваться для работы имитацией, - продолжал я. - Потом он попросил меня для уменьшения риска положить оригинал в мой сейф.

- Одну минутку, мистер Карр, - перебил Хесс. До сих пор он сидел молча, сохраняя на лице бесстрастное выражение. - Я хотел бы выяснить один вопрос. Мы осмотрели оба сейфа: ваш и мистера Фремлина. Сейф мистера Фремлина лучше. Он соединен сигнализацией с полицейским управлением, а ваш - нет. С чего же Фремлин решил, что будет безопаснее держать кольцо в вашем сейфе?

Я ожидал этого вопроса и заранее приготовил ответ.

- Сидней нервничал, - пояснил я. - Он считал, что вряд ли какому-нибудь вору вздумается искать в моем сейфе что-то стоящее, тогда как он сам, по его мнению, мог привлечь внимание грабителей.

- Ага. - Хесс почесал нос. - Нервничал, а? То есть боялся, что к нему могут забраться?

- Он заплатил за кольцо своими собственными деньгами. Хотя он и застраховал кольцо, ему хотелось уменьшить риск.

- Я спрашивал не об этом, мистер Карр. Он нервничал?

- Да.

- Тогда почему же он не запирает входную дверь?

- Сидней вечно забывал ключи. Его слуга скажет вам то же самое.

Он не боялся оставлять дверь незапертой, прекрасно зная, что парадную дверь внизу всегда держат на замке.

- А вот в вечер ограбления ее не заперли. Почему так случилось?

- Не знаю. Когда я пришел в одиннадцатом часу, дверь была заперта. Мне пришлось звонить Лоусону, привратнику, чтобы он меня впустил. Клод, слуга мистера Фремлина, как раз уходил домой, и мы с ним

остановились на пару слов, а Лоусон вернулся к себе в дежурку. Может, он забыл запереть дверь после ухода Клода?

- Лоусон говорит, что не поднимал предохранитель замка, так что, когда дверь захлопнулась за Клодом, замок сработал автоматически, - сказал Хесс.

- Но ведь не сработал? Иначе те двое не могли бы войти, верно?

- Угу. - Наморщив лоб, Хесс опустил взгляд на свои толстые загорелые руки. - Лоусон услышал выстрел и выглянул из дежурки, когда убийцы выходили из лифта. Они держали пистолеты. Лоусон не герой. Он спрятался, но успел их разглядеть. - Помолчав, он продолжал:

- Когда человек испуган, на его свидетельства скорее всего нельзя полагаться. Я хотел бы, чтобы вы описали мне тех двоих так, как вы их запомнили, мистер Карр.

- Не воображайте, будто я не испугался, - возразил я. - Все случилось так быстро! Дверь распахнулась, и ворвались те двое, вопя на нас во всю глотку. Я шел в ванную за аспирином и наткнулся прямо на них. Мужчина ударил меня по лицу, и я упал.

Продолжая рассказ, я описал, как Сидней бросился на мужчину и как женщина выстрелила в него, а потом, когда я пополз к Сиднею, оглушила меня.

- Так это сделала женщина? Она застрелила Фремлина и ударила вас?

- Да.

- Мужчина был ранен?

- Сидней порезал ему руку кинжалом.

- Угу. Мы знаем группу крови с кинжала, - сказал Хесс.

Он говорил небрежно, но от его слов у меня мороз пошел по коже. Группа крови? Это была еще одна зацепка, и она могла уличить Фела в случае его поимки.

- Давайте сперва займемся мужчиной, мистер Карр, - продолжал Хесс. - Вы сумеете описать его?

- Он плотного сложения, - начал я, - ростом примерно с вас (моя вторая ложь). На нем был битловский парик, большие зеркальные очки и красный пиджак с черными накладными карманами. - Я с усталым видом приложил руку к голове. - Вот и все, что я запомнил.

- Плотного сложения и примерно пять футов восемь дюймов?

- Да.

Он потер кончик носа.

- Лоусон говорит, что он был высокий, около шести футов, и худой. Больше всего я рассчитывал на путаницу.

- - У меня осталось другое впечатление.

- Так. - Хесс вздохнул. - Похоже, в таких случаях свидетели всегда расходятся в описаниях. - Он пожал плечами. - Но парик, пиджак и очки - все точно. А как насчет женщины?

- Она как-то не очень мне запомнилась. Я обратил внимание только на большие зеркальные очки, которые закрывали ее лицо. Кажется, она была крупная и довольно мощно сложена для женщины. У меня создалось впечатление, что ей около сорока пяти. Зрелая женщина. На ней были красные брюки, а голова повязана черной косынкой.

Открылась дверь, и вошел доктор Соммерс.

- Я думаю, сержант, на сегодня хватит, - твердо произнес он. - Я сказал - двадцать минут.

- Да, да. - Хесс встал. - Ну что ж, благодарю вас, мистер Карр. Отдыхайте. Спасибо за помощь. Мы еще увидимся.

Он вышел из палаты вместе с Лепски. Доктор Соммерс пощупал мой пульс, сказал, что теперь мне надо вздремнуть и что ленч принесут примерно через час. После его ухода я стал перебирать в памяти разговор с Хессом. Как будто все шло гладко. Мне только немного не понравилась новость о группе крови, но тут уж я ничего поделать не мог. Я знал, что моя судьба зависит от того, останутся ли Рея и Фел на свободе. Я не представлял, как их могут найти, если только Рея не попытается сбить колье. После ленча и короткого сна сестра сказала, что меня хочет навестить мисс Бакстер.

- Вы в настроении принять еще одного посетителя, мистер Карр? - спросила она с понимающей улыбкой.

Я был в настроении. Вошла Дженни с букетом красных роз и корзинкой карликового винограда. Она остановилась в ногах кровати и смотрела на меня. В глазах у нее было сияние, от которого у меня сильно забило сердце. Ее волосы были уложены в аккуратную прическу. Одета в темно-синюю юбку и в белую блузку с оборочками, она показалась мне восхитительной.

- Как ваше здоровье, Ларри? Я широко улыбнулся:

- Мы поменялись местами. Розы и виноград тоже. Как ваша лодыжка?

- Сносно.

Она неуклюже подошла к стулу возле кровати и села.

- Скажите, как вы себя чувствуете?

- Теперь, когда вы здесь, отлично. - Я протянул руку, и она взяла ее.

- Дженни, как чудесно. Спасибо, что пришли. Где вы остановились?

- В маленьком отеле. Когда я прочла о вас в газетах, то просто не могла не приехать.

- Страшное дело, - вздохнул я. - Сидней был моим другом. Никак не могу поверить, что его нет.

- Надо стараться не думать об этом. От ваших мыслей нет никакого толку. Ваше дело выздороветь.

- Правильно. Помните, как я позвонил вам в тот вечер, когда это случилось? Я думал, что прощаюсь с вами. Странно, как иногда все оборачивается. Правда?

Она кивнула.

- Врач велел не утомлять вас. Надо идти. - Она встала.

- Эй! Подождите! Вы же только что пришли!

- Я хотела повидать вас. Принести вам что-нибудь завтра?

- Сядьте, ради Бога! Я хочу с вами поговорить. Вы надолго приехали в Парадиз-Сити?

- На два или три дня.

- Только не говорите мне, что с такой ногой вы уже можете работать, Дженни.

- Нет, не могу, но... - Она улыбнулась. - Мне не по средствам здесь останавливаться. Это, наверное, самый дорогой город в мире.

- Точно. - Я помолчал, глядя на нее. - Я не знаю, сколько мне придется здесь лежать. Можно попросить вас об услуге?

- Конечно, Ларри.

- Выезжайте из своего отеля и перебирайтесь в мою квартиру.

Ее глаза расширились:

- Как можно!

- Это деловое предложение. Мне нужен человек, который присматривал бы за квартирой, отвечал на звонки, разбирал почту и наводил порядок. Два раза в неделю ко мне приходит цветная уборщица, и, если за ней не смотреть, она ничего не сделает. Вы можете занять вторую спальню. Я заплачу старательной экономке по сто долларов в неделю на всем готовом. Вы сделаете мне одолжение, Дженни. Пожалуйста.

Поколебавшись, она было замотала головой, но я добавил:

- В обязанности экономки также входит ежедневно посещать меня, чтобы я не чувствовал себя заброшенным и одиноким.

Она улыбнулась:

- Хорошо, Ларри, но я не приму платы, у меня есть свои деньги. Иначе я не согласна. Вошла сестра-блондинка.

- Мисс Бакстер, мистеру Карру пора бай-бай. - Она улыбнулась Дженни милой улыбкой.

- Сестра, будьте добры, дайте мисс Бакстер ключ от моей квартиры, - попросил я. - Его брал мистер Хармас. Он, наверное, уже вернул его.

- Да, вернул.

Сестра посмотрела на Дженни, перевела взгляд на меня и едва заметно плутовато улыбнулась мне.

- Идемте со мной, мисс Бакстер. Дженни потрепала меня по руке:

- Я приду завтра после обеда.

Она вышла из палаты вслед за сестрой.

На другое утро вскоре после визита доктора Соммерса ко мне явился неожиданный посетитель. Я был в подавленном настроении, потому что Соммерс сказал, что мне придется пробыть в больнице по крайней мере еще две недели. Даже после возвращения домой нужно будет избегать переутомления.

Моим неожиданным посетителем оказался Том Льюис. Он вошел в палату, еще больше, чем обычно, похожий на бульдога, одетый в безукоризненный темный костюм. На его лысеющей голове блестели капли пота. Мне редко приходилось иметь с ним дело, поскольку я всегда работал с Сиднеем, но я знал его как сурового, жестокого, надежного человека и финансового волшебника. Он уселся возле меня.

- Ну вот, Ларри, - начал он, - огорчен, что нахожу тебя в таком состоянии. Какой ужасный случай! Бедный Сидней! Вчера мы его хоронили. Публика была замечательная. Присутствовали все, кто что-нибудь значит. Я велел положить на самом видном месте венок от твоего имени. Ты никогда не видел столько цветов.

- Спасибо, Том. Страшное дело. Я все еще не могу поверить в его смерть.

- Да. - Льюис покачал головой. - Я говорил с доктором Соммерсом. Как я понял из его слов, Ларри, ты будешь выведен из строя три или четыре месяца. Ты можешь предложить кого-нибудь взамен до твоего возвращения?

Я уже думал над этим вопросом.

- Вам понадобится дизайнер или ассистент для работы с Терри. Мне известно, что Ганс Клох хочет перейти на новое место. Он хороший дизайнер, не совсем на уровне Сиднея, но вполне подходящий. Почему бы не написать ему? Он работает у Вернера в Антверпене. Потом есть такой Пьер Мартен. Он у Картье в Лос-Анджелесе. Думаю, он ухватится за такую возможность.

Льюис сделал пометки на обороте конверта.

- Я немедленно свяжусь с ними. Терри и мисс Барлоу очень перегружены. - Он сделал паузу, потом сказал:

- Ларри, тебе следует узнать сразу, что теперь ты старший партнер.

- Старший партнер? - Я удивленно уставился на него. - Ты хочешь сказать, Том, что предлагаешь мне партнерство?

- Партнерство я предложил бы тебе так или иначе, но Сидней завещал тебе все свои вклады, а это делает тебя старшим партнером и без моего участия. Я в высшей степени рад этому, Ларри. Я не пожелал бы себе лучшего компаньона.

Я почувствовал, как по моему позвоночнику прокатилась ледяная волна.

- Том, о чем ты говоришь? Я не понимаю.

- Я читал завещание. В нем упомянуты еще несколько лиц, но основная часть состояния Сиднея, а оно значительно, отходит к тебе.

- Ко мне? - У меня сорвался голос.

- Да. Я захватил с собой копию завещания и опись имущества. Как тебе, вероятно, известно, я ведал всеми его делами. Сидней был очень привязан к тебе, Ларри. Как он пишет в своем завещании, ты станешь достойным преемником, и тут я с ним согласен.

Я ничего не мог поделать. Я ослабел после болезни и плохо владел собой или не владел вовсе. Закрыв лицо руками, я заплакал, сотрясаемый судорожными рыданиями. Как я ненавидел себя! Я был прямым виновником смерти Сиднея! Если бы не моя затея украсть у него кольцо, он был бы жив до сих пор. И в ответ на мое предательство он оставил мне свое состояние.

Вошла сестра, взглянула на меня и сразу погнала Льюиса из палаты, а потом позвала доктора Соммерса. Следующее, что я почувствовал, был укол в руку, и я погрузился в благословенное забытие.

Остаток дня я провел под действием снотворного. Придя на следующее утро, доктор Соммерс сказал, что запретил все посещения на три дня. Нельзя допустить повторения моего вчерашнего эмоционального срыва. В некотором отношении я был даже рад этому, хотя и знал, что буду скучать по Дженни, но зато это давало мне возможность без помех обдумать свое будущее. Я прочитал завещание Сиднея. Он оставил свою прекрасную коллекцию веддушского фарфора Льюису.

Клод получил сто тысяч долларов. Его секретарша и мисс Барлоу - по десять тысяч каждая. Терри достались личные ювелирные украшения Сиднея. Остальное имущество отходило ко мне. Льюис составил опись имущества Сиднея. Его акции оценивались суммой в полтора миллиона долларов. Опись включала пентхаус и множество ценных картин, в том числе Пикассо, "роллс-ройс" и все содержимое пентхауса, и я знал, что сюда относится и кольцо миссис Плессингтон.

Прочтя список до конца, я был ослеплен. Потом я сказал себе, что никак не могу принять все это, иначе мне никогда не жить в мире с самим собой. Так я считал в течение нескольких часов, пока не сообразил, что отказаться не только трудно, но и опасно.

Поразмыслив еще, я начал убеждать себя, что не несу ответственности за смерть Сиднея. Разве я не предупредил Фела, чтобы он не заряжал оружие? Откуда мне было знать, что Рея до такой степени порочна, что не остановится перед убийством? Разве я сам не пострадал? Лишь по чистой случайности меня не убили. Я был уверен, что Рея сознательно пыталась меня уничтожить. Ведь она слышала, как я предупредил Фела не бить меня по голове. К концу второго дня непрерывных раздумий я начал сознавать, что означают для меня деньги и имущество Сиднея. Я стану богатым. Я буду старшим партнером лучшей и старейшей ювелирной фирмы в Парадиз-Сити. Если я пожелаю, то могу переселиться в пентхаус. Почему бы и нет? Я внесу кое-какие изменения, но этот пентхаус - один из лучших в городе, и я частенько мечтал о подобном. Я даже спрошу Клода, не согласится ли он и дальше заботиться о квартире. Я не имел представления, сколько платил ему Сидней, но если Клод был ему по средствам, то теперь он по средствам и мне. Потом мои мысли перескочили на Дженни. Хочу ли я жениться на ней? Согласится ли она? Мы знали друг друга совсем не много, но меня влекло к ней, а она, понятно, не приехала бы в Парадиз-Сити, если бы не испытывала ко мне таких же чувств.

Врач порекомендовал мне после выхода из больницы отправиться в длительное морское путешествие. Это казалось мне самым подходящим решением вопроса. Я попрошу Дженни поехать со мной, и мы сможем лучше узнать друг друга. Эта мысль возбуждала меня. Когда доктор Соммерс заглянул вечером, он сказал, что я поправляюсь на глазах.

- Смогу я завтра увидеть мисс Бакстер? - спросил я.

- Конечно. Я поручу сестре позвонить ей. Когда сестра принесла ужин, я попросил ее дать мне газеты. Я считал, что пора поинтересоваться, что пишут об убийстве, о Сиднее и обо мне. После небольшой задержки - я догадался, что она ходила к доктору Соммерсу за советом, - она принесла выпуски "Парадиз геральд" за последние пять дней.

- Мы не беспокоили вас почтой, мистер Карр, - сказала она, - но у нас набралось два мешка писем от ваших доброжелателей. Мисс Бакстер разбирает их у вас дома.

Я высказал свое одобрение и устроился с газетами. В репортаже о событиях в квартире Сиднея в тот роковой вечер сообщалось, что двое

вооруженных людей, мужчина и женщина, ворвались в квартиру, когда мы с Сиднеем работали над эскизом бриллиантового ожерелья.

Репортер писал, что я пытался оказать сопротивление, но получил ошеломительный удар по лицу и упал почти без сознания и что Сидней, бросившийся на мужчину с ножом для бумаг, был застрелен женщиной. Оба бандита скрылись прежде, чем поднялась тревога. В момент бегства их заметил привратник, и дальше репортер приводит подробное описание преступников. Он добавил, что полиция отказалась сообщить, похищено ли что-нибудь бандитами. Это озадачило меня так же, как и репортера. Почему никто не упомянул о колье? Заголовки во вчерашнем номере “Геральда” подействовали на меня как удар в лицо: “Эксперт по бриллиантам наследует миллионы Фремлина”. Моя фотография красовалась на газетной странице рядом со статьей, в которой сообщалось, что я проработал у Фремлина пять лет. Меня считают одним из ведущих экспертов по бриллиантам, и теперь, получив по завещанию Фремлина большую часть его огромного состояния, я стал старшим партнером фирмы “Льюис и Фремлин”.

Репортер напоминал о моем обручении (каким далеким казалось мне теперь все это), рассказывал о гибели Джуди, о том, как по совету знаменитого психоаналитика доктора Мелиша я поехал в Луисвилл, где работал среди бедняков, как вернулся в Парадиз-Сити и теперь, в результате смерти Фремлина, стал его преемником и миллионером.

Я читал и перечитывал репортаж, чувствуя, как холодею.

Прочтут ли его Морганы? Если прочтут, то что предпримут? В течение нескольких минут я испытывал мучительный тошнотворный страх, но потом овладел собой. Что они могут сделать? Выдав меня, они выдадут и себя. Рея не дура, она должна понимать, что для них это равносильно самоубийству.

Но что, если их найдет полиция? Опасность таилась именно здесь. Если их поймают, они не станут молчать. В каком положении я окажусь тогда? Я поразмыслил над этим. Располагая деньгами Сиднея, я смогу нанять лучшего адвоката, а поскольку я с самого начала не делал тайны из того, где находится настоящее колье, я буду отрицать все, что они скажут. Никакой суд присяжных, разумеется, не признает меня виновным. Ладно, их пока не поймали. Может, они уже покинули страну? У них оставалось более тысячи долларов моих денег. Этого достаточно, чтобы пробраться в Мексику и найти там убежище.

Я был рад приходу сестры со снотворным.

Часов в десять в палату вошла Дженни с новым букетом красных роз. Она сказала, что полюбила мою квартиру, отлично ладит с Сисси,

моей цветной уборщицей, справляется с моей огромной почтой, и добавила, что я выгляжу отлично.

- Я чувствую себя лучше, - сказал я. - Слушайте, Дженни, вы читали “Геральд”? Вы знаете, что Сидней оставил мне все свои деньги?

Она кивнула:

- Очень рада за вас, но понимаю, что вы испытываете.

Мы смотрели друг на друга.

- Сначала я думал отказаться, но потом понял, что, даже отказавшись от всех этих денег, я не верну Сиднея.

- Вы не должны отказываться. Он хотел, чтобы они достались вам.

- Да.

Я сообщил ей, что доктор Соммерс порекомендовал мне двухмесячное морское путешествие. По его мнению, мне следовало взять с собой компаньона, который заботился бы, чтобы я не переутомлялся. Я взглянул ей в глаза.

- Не согласились бы вы поехать, Дженни? С этим для вас связаны определенные хлопоты, но я предпочел бы ваше общество любому другому.

Она уставилась на меня, словно не веря своим ушам.

- Поездка дальняя, - продолжал я. - Южная Африка, Индия, Сайгон, Гонконг и Австралия. Что вы скажете?

- Вы серьезно?

- Конечно, серьезно.

- Ах, Ларри, с большой радостью!

В волнении Дженни захлопала в ладоши, и я вспомнил, как она была возбуждена, когда в Луисвилле я пригласил ее пообедать.

- Нужно подготовиться. Недели через четыре я смогу ехать. Купите себе всю одежду, какую захотите, и не забывайте, что я очень богат. Все счета отсылайте в мой банк. Повидайте Тома Льюиса. Он обеспечит вам кредит. Обратитесь в “Аутвард баунд” - это наше бюро путешествий. Пусть они разработают маршрут, а мы вместе его разберем. Первым классом, конечно: каюта и одноместная кабина для вас. Сделаете?

- Я повидаю мистера Льюиса и агента бюро путешествий сегодня же днем.

Мы поговорили еще немного, и, раскрасневшаяся, с искрящимися глазами, Дженни ушла. Я откинулся на подушку, впервые за все время пребывания в больнице чувствуя себя более или менее беззаботным и счастливым. Но это длилось недолго. После обеда меня посетили сержант Хесс и Лепски.

- Один-два вопроса, мистер Карр, если вы не возражаете. - Хесс уселся рядом.

Я взял себя в руки, надеясь услышать какую-нибудь неприятную новость.

- Я хочу кое о чем спросить вас, сержант, - сказал я. - Я читал газеты. В них ни слова не говорится о колье Плессингтонов. Для этого есть причины - Конечно. Если мы разгласим, что колье украли, мистер Карр, - ответил Хесс, - придется сказать, что оно поддельное. Пока воры воображают, что у них настоящее колье, они попытаются продать его. Мы предупредили всех крупных барыг в стране. Если они попробуют его сбывать, мы их сцапаем.

- Понятно.

Я подумал об алчности Реи. Хватит ли у нее безрассудства пойти на такой риск? Хесс поерзал на стуле.

- Я слышал, мистер Карр, что вы работали в бюро опеки в Луисвилле. Это верно? У меня сильно забилося сердце.

- Да. Об этом писали в газетах, сержант, тут нет секрета. После аварии доктор Мелиш посоветовал мне переменить обстановку и послал меня поработать с его племянницей, мисс Бакстер. Почему вы об этом спрашиваете?

- Вам что-нибудь говорит имя - Рея Морган?

Каким-то чудом мне удалось встретить его спокойный, пристальный взгляд, сохранив на лице безразличное выражение.

- Да. Мисс Бакстер скажет вам о ней больше, чем могу рассказать я.

- Вы имели дело с этой женщиной?

- Да. Когда мисс Бакстер лежала в больнице, она попросила встретить Рею Морган после освобождения из тюрьмы и отвезти ее домой, так сказать, в порядке опеки.

- Она знала, кто вы?

- Она знала мое имя.

- А она была в курсе, что вы работаете у Льюиса и Фремлина? Вы при ней упоминали об этом?

- Нет. Она мне не понравилась. Мы едва обменялись парой слов.

- Но она могла разузнать, кто вы?

- Вероятно, да! Но зачем?

- Я стараюсь заполнить некоторые пробелы, мистер Карр.

- Разве Рея Морган имеет какое-то отношение к вашему расследованию?

Я почувствовал, что у меня взмокли ладони.

- Мы начинаем так думать. Луисвилльская полиция получила информацию от работника бензозаправочной станции "Калтекс",

неподалеку от Луисвилла. Он прочитал в газетах описание убийц и позвонил сержанту О'Халлорану из городской полиции и рассказал, что на прошлой неделе на него напал человек в битловском парике, в зеркальных очках и в красном пиджаке с черными накладными карманами. Он угрожал ему игрушечным пистолетом и очень нервничал. Заправщик велел ему убираться, что тот и сделал. Заправщик больше не думал о том случае, пока не прочел в газетах, что человека, по описанию похожего на несостоявшегося налетчика, разыскивают за убийство. О'Халлоран позвонил мне, и я съездил в Луисвилл. Такое совпадение показалось мне странным, мистер Карр. В Луисвилле появляется человек, похожий по описанию на убийцу, и вы тоже побывали в Луисвилле. Вот мы с сержантом О'Халлораном и решили поискать кого-нибудь с уголовным прошлым, имевшего контакты с вами. Догадка, не больше, но полицейская работа чаще всего опирается на догадки. Мы узнали про Рею Морган. Стало совсем интересно, когда выяснилось, что она живет вместе с братом. Вы встречали ее брата?

Мне пришлось облизать пересохшие губы, прежде чем ответить:

- Да. Он был дома, когда я привез ее.

- И вы ни разу не упоминали при них о своей профессии?

- В этом я уверен. Минуту-другую Хесс размышлял.

- У вас была машина?

- Да.

- Если бы им захотелось узнать о вас побольше, они могли бы проверить ваш регистрационный номер. Верно?

- Но с какой стати? В конце концов, я для них был всего лишь служащим бюро, который привез ее домой.

- Угу. - Он помолчал. - Эти двое не могли быть теми, кто убил Фремлина?

Я выдержал паузу, словно вспоминая, и произнес:

- Не знаю. Все случилось быстро. Не могу сказать.

- Вам не показалось, что человек, ворвавшийся в квартиру, похож фигурой на Моргану?

- Не думаю. Я ведь говорил, что у меня создалось впечатление, что тот был невысокий и плотный, а Морган высокий и худой.

- Н-да. - Хесс, нахмурясь, почесал за ухом. - Мы с О'Халлораном заглянули к Морганам домой. Они живут в настоящей лачуге. Дом оказался запертым, внутри никого не было. Мы порасспросили соседей. В последний раз Морганов видели за два дня до убийства. Дорога сюда столько у них и заняла бы. Мы проверили все мотели и отели и кое-что нашли. - Он почесал нос. - Они останавливались в мотеле "Пирамида" и

выехали в вечер убийства. Тамошний клерк опознал Рею по фото. Скажите мне одну вещь, вы ведь с ней встречались, разговаривали. Как по-вашему, способна она на убийство?

Я вспомнил отражение Реи в зеркале в тот момент, когда она приготовилась для удара. Убийца? Да, она прирожденный убийца.

- На это я не могу ответить, сержант, - сказал я охрипшим голосом. - Откуда мне знать?

- Угу. У нее чертовски интересное прошлое. По-моему, это их работа. Если Морган ранен в руку и группа крови сойдется, им, считай, крышка. - Он встал. - На них уже объявлен розыск. Мы их возьмем, вопрос только во времени.

Он кивнул Лепски, и тот направился к двери.

- Ладно, ладно, мистер Карр. Думаю, больше незачем вас беспокоить. Поправляйтесь.

Он вышел из палаты вслед за Лепски.

Я сам себе выкопал могилу, думал я. Зачем я дал Фелу свою маскировку, которой уже пользовался при неудавшемся налете? Я предупредил их надеть перчатки и позаботился об алиби, но мне и в голову не пришло, что слугитель бензоколонки, запомнивший парик, очки и пиджак, сообщит в полицию о ночном визите и что у нашей полиции связь с Луисвиллом. Прошло лишь несколько дней, в течение которых я тешил себя уверенностью, что их невозможно найти, если они не попытаются сбить колье, а полиция уже шла по их следам! Охота началась. Сколько они продержатся? Когда их поймают, они заговорят.

Радио Парадиз-Сити передавало последние известия каждые три часа.

Я превратился в маниакального слушателя радио. Стоило диктору сказать: "А теперь сводка новостей", как я напряженно застывал и с гулко колотившимся сердцем слушал. Я ждал сообщения об их аресте. Пока длилось трехчасовое ожидание, я не отвечал сестре. Еда оставалась нетронутой. Все мое внимание было приковано к стрелкам часов, которые медленно ползли, отмеряя время до следующей передачи новостей. Я понимал, что двухмесячный круиз по морю придется отменить. Одна мысль о том, что придется находиться на корабле, отрезанным от новостей, все время гадая, не попались ли они, и в каждом порту ожидать появления агентов, пришедших арестовать меня, сводила с ума. Беспокойство не давало мне лежать в постели, и на следующее утро, как только сестра вышла, я встал и принялся расхаживать взад и вперед по комнате. Сначала у меня подгибались

ноги, но я упорно продолжал ходить, чувствуя, что движение возвращает мне силы. Доктор Соммерс застал меня стоящим у окна.

- Только не надо шума по пустякам, - попросил я. - Я хочу домой. Мне наплевать, как это отзовется на моем здоровье. Если я поваляюсь у себя на солнышке на балконе, мне будет только лучше. Уверен. А торчать здесь взаперти больше нет сил.

Неожиданно для меня он согласился.

- Хорошо, мистер Карр, я распоряжусь насчет санитарной машины, и после обеда можете отправляться домой. Вечером я заеду посмотреть, как ваши дела. Мне кажется, будет весьма разумно, если сестра Флеминг поедет с вами и останется у вас на несколько дней. На всякий случай.

- Она мне не нужна. Мисс Бакстер может обо мне позаботиться.

В четыре часа того же дня я был уже дома и сидел на освещенном солнцем балконе. Здесь-то, когда Дженни вошла, неся поднос с чайной посудой, я и объявил ей, что морская поездка отменяется. Потрясение и разочарование, отразившиеся в ее взгляде, вызвали у меня лишь раздражение. Я то и дело посматривал на часы. Передача новостей начнется через несколько минут.

- Но почему? - спросила Дженни. - Море было бы вам очень полезно. Что вас заставило передумать?

- Я имею право передумать, не так ли? - огрызнулся я. - Пора заняться делами. Нужно еще распорядиться имуществом Сиднея. Я теперь понял, что за два месяца на корабле я бы подох со скуки.

- Ах, так. - Она опустила взгляд на свои руки и покраснела. - Но я заказала вещи, Ларри. Вы говорили...

- Ничего, все в порядке. Может, еще съездим попозже, кто знает. Оставьте их себе. Вы это заслужили.

- Я не могу, Ларри. Предполагалось, что я буду у вас секретаршей...

- Не морочьте мне голову. Оставьте их себе! Я снова взглянул на часы.

- Спасибо. - В ее голосе зазвучала холодная нотка.

После долгой паузы она сказала:

- Пожалуй, надо возвращаться в Луисвилл. Я уже совсем хорошо хожу. Думаю, вы обойдетесь без меня, правда?

Неожиданно я понял, что должен остаться один. Я должен проводить все свое время в ожидании последних известий, и Дженни только мешала бы мне. Кроме того, если их поймают, они заговорят, и я не хотел, чтобы Дженни была здесь, когда меня арестуют. Этого я не хотел ни в коем случае. Не глядя на нее, я сказал:

- Хорошо, Дженни. Я понимаю, вам так же хочется вернуться к своей работе, как и мне к своей.

- Да.

- Хорошо, договорились. Я... - Видя, что подошло время сводки новостей, я умолк. - Одну минутку. Я хочу послушать последние известия.

Пока я слушал все тот же надоевший вздор про Никсона и про Китай, Вьетнам, Англию и Общий рынок, Дженни тихо встала и ушла в гостиную. Когда болтовня кончилась, а об их аресте так и не было сообщено, я тоже вышел в гостиную. Дженни там не было.

Поколебавшись, я вошел в комнату для гостей. Она укладывала вещи.

- Незачем так спешить, - сказал я неуверенно. - О чем вы думаете?

Она продолжала укладывать вещи.

- Через час уходит автобус. Если я его поймаю, то послезавтра уже буду у себя в бюро, а мне это и нужно.

- Да, понятно.

Испытывая отвращение к самому себе, я вышел на балкон. Через двадцать минут она присоединилась ко мне.

- Берегите себя, Ларри, - вздохнула она, - не переутомляйтесь.

- Спасибо, что вы меня так выручили. Будем поддерживать связь.

Я не смел взглянуть на нее.

- Ведь вас что-то беспокоит, правда? - спросила она и положила ладонь на мою руку. - Расскажите мне. Вдвоем бывает проще найти выход из положения.

Как мне хотелось рассказать ей все! Но что толку? Чем она может помочь? Никто мне не поможет.

- Все в порядке, Дженни, - ответил я коротко. - Не опоздайте на автобус.

Она долго смотрела на меня. Ее губы дрожали. Мне стало ясно, что она действительно меня любит, но время для этого было упущено. Как и для всего, к чему я прикасался теперь. Я отвернулся и через секунду услышал, как захлопнулась входная дверь. Только тогда я понял, что теперь окончательно остался один.

Глава 9

Следующие три дня я провел в одиночестве, посылая за едой в ресторан и слушая каждую передачу новостей. Телефон не давал мне покоя. Звонили малознакомые люди, справлявшиеся о моем здоровье, друзья, желавшие навестить меня, в чьих голосах проскальзывала обида, когда я отвечал, что самочувствие пока не позволяет мне никого

принимать. Наконец я совсем перестал отвечать на звонки. На третье утро доктор Соммерс снял бинты. Не считая плечи на затылке, я был, по его мнению, как новенький. Он сказал, что теперь самое время для морского путешествия. Я ответил, что подумаю, и поскорее сплавил его.

Я начинал жалеть, что так обошелся с Дженни. В моем тогдашнем паническом состоянии мне было просто необходимо остаться одному, но теперь, когда страх отступил, я старался уверить себя, что Рею и Фела никогда не поймают. По всей вероятности, они уже где-нибудь в Мексике или даже в Южной Америке и я могу провести остаток своих дней прикованный к радио и так и не услышать об их аресте. Не позвонить ли Дженни? Я объясню ей, что был не в себе и что теперь, как мне кажется, я способен выдержать морское путешествие. Но согласится ли она забыть о моем поведении и поехать со мной?

Я колебался. Пожалуй, думал я, лучше выждать неделю-другую, а потом, если не будет никаких известий о Морганах, я уеду. Я написал Дженни письмо, в котором постарался объяснить свое поведение плохим самочувствием и сообщал, что теперь мне лучше и мы могли бы отплыть в ближайшем будущем, если она согласна ехать со мной. Но когда я перечитал письмо, оно показалось мне таким неискренним, что я порвал его. На четвертый день я переборол себя и, взяв такси, поехал в магазин. В моем чемоданчике лежало кольцо Плессингтонов.

Мисс Барлоу, Пьер Мартен и Ганс Клох встретили меня шумными приветствиями. Даже Терри, хотя и без особого энтузиазма, соизволил выразить надежду, что мне лучше. Я прошел в кабинет Тома Льюиса и положил перед ним на стол футляр с колье.

- Том, я хочу рассказать историю об этом колье, - начал я.

Он взглянул на меня довольно холодно, кивнул и стал ждать продолжения. Я рассказал ему правду, как Сидней попросил сохранить перепродажу колье в секрете, как я предупреждал его, что это не этично, и как он настоял на своем.

- Я все знаю, - спокойно сказал Льюис. - Видишь ли, Ларри, от меня мало что утаивается. Я ведал акциями Сиднея, и когда он сказал, что хочет продать блок на сумму в три четверти миллиона, и когда я услышал, что миссис Плессингтон по уши влезла в долги, об остальном было нетрудно догадаться. Меня это не волновало, и я жалею, что так беспокоился Сидней.

- Колье теперь мое, - сказал я, - и я передаю его в распоряжение фирмы, Том. Когда мы его продадим, переделав по проекту Сиднея, все деньги получит фирма.

- Вот так и должен поступать партнер, - согласился он, - но фирма купит у тебя его по той цене, которую уплатил Сидней. Будет по справедливости, верно? Доход от продажи пойдет фирме.

- Отлично. Купи мне акций, Том. Ты смотрел за делами Сиднея, я буду благодарен тебе, если ты займешься и моими делами.

Это ему понравилось, и мы заговорили о делах. Как Мартен, так и Клох оправдали ожидания, и даже Терри вел себя прилично.

- По-моему, тебе пока не стоит браться за работу, Ларри, - продолжал Льюис. - У тебя нездоровый вид. Почему бы тебе не совершить морской круиз?

- Я так и думаю сделать, но только не теперь. Я хочу сейчас заглянуть в пентхаус Сиднея. Перед поездкой мне надо отделаться от своей квартиры и мебели и обосноваться в пентхаусе, так что я пробуду здесь еще с неделю. Если возникнут какие-нибудь затруднения, ты всегда сможешь посоветоваться со мной.

Попрощавшись, я поехал к дому Сиднея. Гарри Грегсон, дневной привратник, приветствовал меня, когда я приблизился к его столу.

- Рад видеть вас снова, мистер Карр, - воскликнул он. - До чего скверная история. Я скучаю по мистеру Сиднею. Он был джентльмен.

- Да. - После паузы я продолжал:

- Я переселюсь в пентхаус, Гарри. У вас есть ключи?

- Да, сэр. Я читал про это в газетах. Я сказал тогда и скажу теперь: всего вам наилучшего, мистер Карр. Здешний персонал очень доволен, что вы будете тут жить.

- Спасибо, Гарри.

- Наверху никто не был с тех пор, как ушла полиция. Там нужно прибраться перед вашим переездом.

- У вас есть адрес Клода, Гарри? Может, он согласится работать у меня?

- А чего же ему не согласиться? Да, у меня есть его телефон. Одну минуточку.

Он вошел в дежурку и, поискав в ящике стола, вернулся с листком бумаги.

- Я слышал, он здорово расстроен.

- Он не заходил сюда после...

- Нет, сэр. Он уехал к своей старушке матери на пару недель, но теперь, может, уже и вернулся.

- Я позвоню ему.

Взяв бумажку и ключи от пентхауса, я продолжал:

- Спасибо, Гарри. Я хочу быстренько оглядеться там. Долго не задержусь.

Поднимаясь в лифте, я вспомнил тот роковой вечер. Я вздрогнул при мысли о том, что войду в дом Сиднея в первый раз после его смерти. Остановившись перед дверью, я заколебался. У меня появилось чувство, близкое к тошноте, но ведь это глупо, сказал я себе. Сидней мертв. Этот чудесный пентхаус теперь принадлежит мне. Он станет моим домом! Нужно освободиться от комплекса вины. Я не виноват в его смерти! В долгие часы одиночества я вновь и вновь твердил себе это. Надо изгнать чувство вины из сознания. Я вставил ключ в замок и шагнул в прихожую. Слыша слабое гудение кондиционера, я остановился, прислушиваясь. Неужели полицейские оставили включенным кондиционер? Разве никто не заходил сюда, чтобы убедиться, что свет и кондиционер выключены? Озадаченный, я толкнул дверь. Передо мной с пистолетом в руке стоял Фел Морган.

С нижнего этажа слышалось собачье тьяканье, невнятное бормотание голосов, потом снова затыкала собака. Я стоял неподвижно, уставившись на пистолет, готовый выплюнуть смерть. Сквозь двойные рамы приглушенно донеслась сирена санитарной машины. Далеко внизу и вдали от меня Парадиз-Сити жил своей жизнью. Я перевел взгляд с пистолета на лицо Фела.

В тот же момент он опустил пистолет и сказал вздрагивающим, испуганным голосом:

- Господи Иисусе! Я думал, пришли легавые.

Тут я увидел, что он испуган еще сильнее, чем я, и приободрился, хотя у меня бешено колотилось сердце и пересохло во рту. Я во все глаза смотрел на него. Что за ужасный вид! Он выглядел настоящей развалиной. Грязный и истощенный, с лицом, заросшим рыжей щетиной. Я чувствовал исходившую от него вонь. На нем был красный пиджак с черными накладными карманами, но его с трудом можно было узнать под слоем грязи. Туфли были заляпаны так, словно он бродил по болоту. Глаза у него ввалились и смотрели испуганно, губы судорожно дергались. Учащенное дыхание со свистом вырывалось сквозь нечищенные зубы.

- Как я услышал, что ключ поворачивается, - произнес он дрожащим голосом, - чуть не уссался со страху. Я думал, что здесь для меня будет надежное место на пару дней.

Он отвернулся от меня и упал, как мертвый, в мягкое кресло. Пистолет выскользнул из его пальцев и со стуком упал на двухсотлетний персидский ковер Сиднея. Фел закрыл глаза грязной

рукой и заплакал. Я закрыл дверь и на подгибающихся ногах направился к шкафчику с бутылками. Трясушимися руками налил чистого виски в два стакана.

- Спокойно, - сказал я.

Я поставил один стакан на маленький столик рядом с ним.

- Возьми себя в руки. Вот, выпей. Он поднял на меня взгляд, вытирая лицо тыльной стороной ладони. В его глазах появилось выражение загнанного животного, сказавшее мне, что Фел опасен.

- Сволочь! - заорал он. - Ты втравил меня в это дело своими сладкими речами! Так ты меня и вызволяй!

Я выпил половину виски, потом подошел и сел рядом с ним.

- Где Рея? - спросил я.

Он сжал кулаки и ударил себя по вискам. Я видел, что от страха он впал в истерику, и это придавало мне уверенности.

- Фел, возьми себя в руки! Где Рея?

- Не говори мне про эту суку! - Он забарабанил кулаками по коленям. - Ты должен мне помочь! Ты втравил меня в это! Я видел газеты. Меня ищут за убийство!

Видя его панику, слыша, как он говорит, и понимая, что он ошалел от страха, я чувствовал, что сумею с ним справиться.

- Я помогу тебе, но сперва мне надо узнать, что случилось. Где Рея?

Он опять заплакал, сотрясаясь от рыданий. Я сделал небольшой глоток виски и откинулся в кресле, наблюдая за ним.

Его малодушный страх и жутко грязный вид вызвали во мне отвращение. Я дал ему наплакаться вволю. Наконец у него иссякли слезы, он вытер глаза запястьем и мутно посмотрел на меня.

- Если меня поймают, то упекут в тюрьму на двадцать лет, - сказал он, судорожно, прерывисто выталкивая из себя каждое слово. - Мне такого не выдержать! Я не гожусь для этого! Двадцать лет за решеткой! Живым я не дамся!

- Перестань думать только про себя, - разозлился я. - Где Рея?

- Сука! Проклятая сестрица!

Он вскочил, потряс головой и опять сел. Он вел себя как сумасшедший.

- Пистолеты были незаряжены! Клянусь! Не иначе, это она их зарядила! Ты говорил, не заряжать, я и не зарядил! Это она! Она убила педика! Она тебя хотела убить! Ты же знаешь! Ты должен сказать легавым, что я тут ни при чем!

- Где Рея? - повторил я.

- Не веришь, да? Думаешь, я такой же гад, как и она, да? Она всегда была моим проклятьем! Не надо было слушать твой сладкий треп! Двадцать лет за решеткой! Мне такого не выдержать.

- Что ты здесь делаешь? - спросил я негромко.

Я надеялся, что звук моего голоса успокоит его. Фел откинулся на спинку кресла, обхватив голову руками.

- Пошел ты со своими вопросами! Мне надо выбраться отсюда! Мне нужны деньги! Мне нужна машина! Я хочу убраться из этой чертовой берлоги!

- Денег я тебе дам, - сказал я. - Я помогу тебе скрыться и достану машину.

Фел уставился на меня. Он трясся всем телом, но теперь в его глазах появился огонек надежды.

- Еще бы ты отказался! - прохрипел он. - Ты и твои проклятые миллионы! Ты-то не внакладе, верно?

Эти слова были ошибкой. Я начал испытывать к нему жалость, но сказанное им сразу заглушило во мне всякое чувство сострадания.

- Я же обещал, что помогу, - сказал я.

- Как она могла убить этого педика? - спросил он, тупо уставившись на свои грязные руки. - Поганая тварь! Знаешь, как она обошлась со мной, со своим братом? - Фел поднял на меня глаза полные горя. - Мы рванули из этого проклятого места. Ожерелье было у нее. Мы сели в машину и погнали по шоссе как шальные. Она вела. Я крыл ее за стрельбу, но она на меня не взглянула. Я думал, что мы катим в Майами. Я ни во что не вмешивался, а только и мог, что ругаться. Когда мы свернули на дорогу через болото и мангровый лес - знаешь, сразу за городом, она вдруг нажала на тормоза. У меня штаны были мокрые, я все оглядывался, не гонятся ли за нами легавые. Я заорал на нее, чтобы она не останавливалась. Как сейчас ее вижу. - Он снова с силой ударил кулаками по коленям. - Ее чертовы гляделки были вроде ледышек. "Задняя левая камера спустила, - сказала она. - Вылезай и посмотри".

Ну, я вылез и посмотрел. Ладно, пускай я балда, клюну на что угодно. Я и машину обойти не успел, как она, сука, была такова со всеми бриллиантами. Ей было плевать, что будет со мной.

Его голос прервался, и он снова заплакал, раскачиваясь в отчаянии взад и вперед. Я закурил. Я больше не боялся его, хотя и понимал, что он по-прежнему опасен. Если полиция схватит его, он все расскажет. Глядя на него, я принял хладнокровное решение. Нужно заставить его замолчать. Если я хочу обеспечить себе безопасность, иного выхода нет. Я сидел, курил и смотрел на него, пока он скулил и плакал. Его

грязь, его вонь, его жалкое малодушие делали его в моих глазах столь же незначительным, как муха на стекле. Часы на здании муниципалитета пробили двенадцать.

- Ты, наверное, проголодался, Фел, - сказал я. - Я принесу тебе что-нибудь поесть.

- Проголодался! Я подыхаю с голоду! И натерпелся же я! Я питался сырой рыбой и крабами в том проклятом болоте. Ты был там когда-нибудь? Это вонючее болото полно змей и крокодилов!

Я позвонил в ресторан и попросил метрдотеля принести ленч.

- Выйди на террасу, Фел, и не показывайся. Он схватил стакан с виски, осушил его, а потом вышел на террасу. Я отнес его стакан на кухню, занятый только одной мыслью: как заставить его молчать? Я сознавал, что обдумываю убийство, но эта мысль не шокировала меня. Если я сумею избавиться от него, а потом и от Реи, то буду в безопасности. Мало того, я смогу наслаждаться всеми благами мира.

Я вернулся в гостиную и сел. За пятнадцать минут, в течение которых я дожидался официанта, у меня в голове начал складываться план. Я считал, что с Фелом будет нетрудно покончить. Другое дело - Рея. Ладно, не все сразу. Появился официант, кативший перед собой сервировочный столик. При виде меня он просиял улыбкой.

- С добрым утром, мистер Карр. Рад снова вас видеть. Мэтр посылает вам бутылку шампанского со своими наилучшими пожеланиями. Шеф сегодня постарался для вас.

Я дал ему на чай два доллара и, когда он ушел, выглянул на террасу, где Фел сидел, прислонясь спиной к балюстраде и подтянув колени к подбородку.

- Иди ешь, - позвал я.

Он протиснулся мимо меня, подошел к столу и устался на еду, потом сел и начал есть. Он ел как изголодавшаяся свинья, набивая рот едой, проглатывая огромные куски, громко давясь. Меня так замутило от него, что я вышел на террасу и ждал там, пока он закончит. За это время в моем сознании окончательно сформировался план. Я нашел способ отделаться от него раз и навсегда, и при этом без всякого риска. Услышав громкую отрыжку, я решил, что он кончил есть, и вернулся в гостиную. "Бог знает что подумает официант, когда придет за столиком", - подумал я, глядя на завершенную трапезу.

Фел измазал всю скатерть. От обширного выбора сыров ничего не осталось. Корзинка, в которой раньше лежало шесть булочек, опустела. Винные пятна усеивали не только скатерть, но и безукоризненную салфетку, которой был покрыт сервировочный столик. Даже в корзинке с фруктами не осталось ничего. "Не беда, - сказал я себе, -

десятидолларовые чаевые все уладят”. Я посмотрел на Фела, который раскуривал сигарету.

- Здорово! - сказал он. - И умеете вы жить, жлобы богатые! Лучшей жратвы я в жизни не ел!

- Ты просто проголодался, - сказал я.

- Да. Ты вот сидел здесь себе в этой шикарной хате, а я там в темноте со змеями. Он уставился на меня с ненавистью.

- Ладно, кореш, ты втравил меня в эту кашу, ты и вытащишь. Не то гляди! Если копы меня заметут, я расколуюсь! Оба сядем на двадцать распроклятых годочков!

Сам того не зная, он приговаривал себя к смерти.

- Как ты сюда пробрался, Фел? - спросил я. Я сел и закурил.

- Любой пацан сумел бы. Ни черта трудного. Ладно, неважно. Мне нужна машина и деньги.

- Можешь взять мою машину. Она стоит перед домом. Сколько тебе нужно денег? Он с прищуром посмотрел на меня:

- Пятьсот кусков. Я кивнул:

- Столько я наберу. Какие у тебя планы, Фел?

- Я поеду в Ки-Уэст. Там у меня есть кореш, который переправит меня на Кубу. Как буду на месте, пришлю тебе свой адресок. - Он с ухмылкой подмигнул мне, и я понял, что виски оказывает свое действие. - Тогда ты вышлешь мне пятьсот кусков, и это будет окончательный расчет. Когда я получу их, ты обо мне больше не услышишь.

- Но я могу услышать о Рее.

- Это твоя забота. Я говорю за себя. У нее остались камушки, так чего ей тебя доить? У меня ничего нет!

- Где она, Фел?

- Какое тебе дело? Оставь ее в покое. С ней только беды наживешь. Забудь о ней. Она продаст побрякушку и сгинет. Забудь о ней.

Я подлил виски в его стакан. Он ухмыльнулся и, схватив стакан, осушил его.

- Черт! И здорово же вы, ублюдки, живете! Он потянулся за бутылкой и подлил себе еще.

- Моя проклятая сестрица! Ты знаешь что, кореш? Ей наплевать на всех, кроме этого своего хмыря. Вот шпана-то! Вот засранец проклятый! Бьюсь об заклад, что она и сейчас с ним! С этой вонючкой она сразу загорается.

- С моей машиной, Фел, у тебя все пойдет гладко, - сказал я. - Как только стемнеет, после десяти, садись в машину и поезжай.

Он полузакрыв глаза. Я видел, что он сильно опьянел.

- А как с деньгами?

- Это не проблема. Они у меня есть здесь. Фел смотрел на меня. Я заметил, что он с трудом сфокусировал на мне взгляд.

- Прямо здесь?

- Да.

- Кому ты вкручиваешь? Ну-ка, давай поглядим.

- Увидишь. С каким хмырем путается Рея?

- На кой он тебе сдался, такой кусок дерьма, как Страшила? - Он хихикнул. - Друг! Ну и гнида! Сразу видать, какая она безмозглая сука! Бегать за такой вонючкой! Он на десять лет моложе.

- Страшила Джинкс?

- Ага. Знаешь его?

- Встречались в Луисвилле. Тот еще тип.

- Точно. - Он развалился в кресле. - Фу! Вот пожрал так пожрал!

- Как это Рея связалась со Страшилой?

- Спроси чего попроще! Она снюхалась с ним еще до того, как попала в тюрьму. Как выйдет, так сразу кидается к нему. Обалдеть! С таким-то хмырем!

Он насупился, покачал головой, потом потер глаза грязными руками.

- Похоже, перебрал я. Спать охота.

- Давай поспи.

Животный инстинкт заставил его выпрямиться.

- Покажи мне деньги, кореш. Говоришь, они у тебя здесь?

Показывай. Я только этого и ждал.

- Они в сейфе. - Я встал.

- В сейфе? В каком еще сейфе? Я подошел к картине Пикассо, снял ее со стены, показывая находившийся за ней сейф.

- Ну! Ах, черт побери! - Фел, пошатнувшись, поднялся на ноги. - Я и не догадался там посмотреть. Деньги в этой жестянке?

- Там.

- Валяй, кореш, открывай!

Я повернул наборный диск, зная, что тем самым привожу в действие сигнал тревоги в полицейском управлении.

- Я не уверен, что открываю правильно, - сказал я. - Комбинацию я знаю, но здесь сложная система.

- Сложная так сложная, - согласился Фел. Он дышал мне в затылок парами виски и всматривался в цифровой диск. - Ну, давай, открывай.

Я покрутил ручку, зная, что патрульная машину уже устремилась сюда.

- Два, назад, - бормотал я, крутя диск. Это была совсем не та комбинация, которую сообщил мне Льюис. Из-за никудышной памяти

Сидни сейф отпирался простым набором один-два-три. Я потянул ручку, потом покачал головой.

- Наверное, ошибся где-то. На, Фел, попробуй сам, я буду называть цифры.

- Я? Я пьяный в стельку. - Он покачнулся и повалился на меня, едва не сбив с ног. - Сам открывай! Давай, паразит! Открывай его к чертовой матери!

Я начал поворачивать наборный диск. Сколько еще придется ждать появления полиции? Меня прошиб пот.

- Два, назад, один, пять, назад, восемь, - приговаривал я, крутя диск. - Шесть, назад, девять. Есть. - Я потянул ручку. - А, чтоб тебя!

- Ты что, не можешь открыть? - Фел не говорил, а рычал. - Дурачишь меня, да?

- Комбинация правильная, - сказал я. - Какого черта он не открывается?

Зазвонил телефон. Мы оба обернулись и уставились на него.

Оставив Фела у сейфа, я в два шага достиг стола, поднял трубку и сказал:

- Алло. Да?

- Мистер Карр. Говорит Гарри. Тут у меня двое полицейских. У вас наверху все в порядке?

- Нет. Вы ошиблись номером. - Я положил трубку.

Я обернулся и увидел, как Фел, шатаясь, пересекает комнату и хватает с пола пистолет.

- Ошиблись номером? - проговорил он, сузив глаза.

- Да.

Наши взгляды встретились.

- Уж не вздумал ли ты меня продать, ублюдок?

- А, заткнись...

С бешено бившимся сердцем я вернулся к сейфу. В тот момент, когда я вновь принялся поворачивать диск, зазвенел дверной звонок. Я обернулся и посмотрел на Фела, который застыл на месте, напряженно глядя через открытую дверь гостиной в прихожую.

- Откройте! - рявкнул резкий голос. - Полиция!

Фел вскинул пистолет и направил его на меня:

- Сволочь!

- Давай живо на террасу. Я их задержу! Я проскользнул мимо него, внутренне ежась от страха: выстрелит или нет? Звонок зазвенел снова. Я был уже на террасе. Фел следовал за мной.

- Ты можешь спуститься? Быстро! Возьми мою машину. Я задержу их разговорами.

Трясаясь всем телом, беззвучно шевеля губами, Фел далеко перегнулся через балюстраду, чтобы посмотреть на балкон под нами. Я зашел ему за спину, потом подцепил пальцами края его штанин и рванул вверх. Он издал вопль ужаса, его пистолет выстрелил, и он рухнул вниз головой в тот самый момент, когда послышался треск выломанной двери.

Как просто все получилось, думал я, ведя машину по шоссе к Луисвиллу. Так до смешного просто. Я сделал важный шаг вперед: заткнул один рот. Теперь пора заняться Реей.

Сержант Хесс поднялся в пентхаус и допросил меня, но по его поведению и по тому, как он со мной обращался, я понял, что он считает меня невинной жертвой, лишь по счастливой случайности оставшейся в живых. Я рассказал ему, что, войдя в квартиру, сразу почувствовал чье-то присутствие, но, прежде чем я успел войти, появился Морган с пистолетом в руке. Он грозил застрелить меня, если я подниму шум. Я объяснил, что он начал пить и, став словоохотливым от виски, сказал мне, что жил на мангровом болоте и умирает с голоду. Он потребовал еды, и я заказал для него обед в ресторане.

Наевшись, он потребовал денег. Тогда-то мне и представился шанс. Я знал, что сейф Сиднея соединен с полицейским управлением. Когда появилась полиция, Морган ударился в панику. Он выбежал на террасу и попытался спуститься на нижний балкон. Я хотел остановить его. Он выстрелил в меня, сорвался и упал.

Все подтвердилось, когда Хесс осмотрел пентхаус. Судя по всему, Фел провел здесь ночь, и грязные отпечатки его рук были повсюду.

- Ну вот, теперь мы знаем, что он и сестра были той самой парочкой, - заметил Хесс. - Остается найти ее!

Но я найду ее раньше, подумал я про себя. Я рассказал ему, как Рея бросила брата и сбежала с колье. Здесь представилась возможность сбить полицию со следа, и я ею воспользовался.

- Морган сказал, что они собирались ехать в Ки-Уэст, где у них есть знакомый, который переправил бы их на Кубу. Он был уверен, что, бросив его, Рея направилась в Ки-Уэст.

Хесс сделал гримасу:

- Ну да! Если она там, нам до нее не добраться.

Газеты подняли большую шумиху вокруг смерти Фела. Я был уверен, что Рея прочтет об этом, но она не могла знать, что Фел рассказал мне про Страшилу Джинкса. Может, она и не спряталась в

его конуре, но попытаться стоило. Было необходимо заткнуть ей рот. Пока она жива, я не мог рассчитывать на будущее.

Дождавшись конца дознания по делу Фела, я сообщил Хессу, что намерен поехать во Фриско, чтобы переменить обстановку.

Если Рею поймают, я буду главным свидетелем. Однако по выражению его лица я догадался, что теперь он не особенно надеется на ее поимку. Перед отъездом из Парадиз-Сити я позвонил Клоду и спросил, не согласится ли он работать у меня, объяснив, что переселяюсь в пентхаус.

- Я высоко ценю ваше предложение, мистер Карр, - сказал он, - но я никогда бы не смог работать у другого джентльмена после смерти Сиднея. Но если вам угодно, я постараюсь найти для вас надежного человека.

- Не трудитесь, - сказал я и положил трубку.

Отказ толстого пожилого педераста вызвал у меня раздражение. Я платил бы ему не меньше, чем Сидней. Что он из себя воображает, черт возьми? Поразмыслив немного, я понял, что он прав. Зачем ему теперь работать на кого-то? Ведь Сидней щедро вознаградил его. Но я знал, что не в этом настоящая причина отказа. Клод презирает меня за то, что я вселяюсь в дом Сиднея, да и я сам себя начинал презирать.

Через три дня после дознания по делу о смерти Фела я сел в “бьюик” и отправился в Луисвилл. Накануне я съездил в Майами и приобрел экипировку хиппи: рубашку в крупных цветах, джинсы и черные теннисные туфли. Зайдя в одну из портовых закладных лавок, я купил автоматический пистолет тридцать восьмого калибра с коробкой патронов к нему. Оттуда я направился в магазин, где торговали всякой всячиной для маскарадов и розыгрышей, и выбрал черный, курчавый, напоминающий кокон, парик, широкий пояс с пряжкой-черепом и пружинный нож.

Вернувшись к себе, я набрал земли из цветочных горшков, смешал ее с растительным маслом и водой и старательно измазал рубашку и джинсы. Не доезжая двадцать миль до Луисвилла, я остановился в маленьком городке и поставил “бьюик” в гараж, потом, неся чемодан с нарядом хиппи, зашел к торговцу подержанными машинами и купил потрепанный “шевви”. На безлюдном пляже я переоделся в наряд хиппи и натянул парик. Я три дня не брился и теперь, глядя на себя в водительское зеркало, решил, что мог бы пройти неузнанным даже мимо Дженни. Теперь я был готов действовать.

Сидя за рулем и глядя сквозь пыльное ветровое стекло, я занялся оценкой ситуации. Совесть не мучила меня из-за Фела Моргана. Я был уверен, что он шантажировал бы меня до конца дней моих. То, что я

собирался сделать с Реей, тоже не вызывало у меня угрызений совести. Выбирать приходилось между моей жизнью и ее. Я знал, что задача будет нелегкой.

Возможно, она прячется вовсе не у Страшилы. Хотя какое-то чувство подсказывало мне, что она там. Даже в этом случае предстояло еще заманить ее в ловушку, а потом убить. Это будет столь же опасным делом, как выследить и убить пантеру. Но это сделать необходимо.

Глава 10

Я выехал в Луисвилл, когда часы на муниципалитете били шесть. Из-за смога и цементной пыли я, подобно другим водителям, ехал с включенными фарами. Я чувствовал шершавое прикосновение пыли к коже под воротником, и это пробудило во мне ностальгию. Чтобы добраться до жилья Страшилы в Ленсингтоне, следовало пересечь центр города, и я увяз в вечернем потоке машин. Когда я тащился мимо конторского здания, где помещался офис Дженни, мне пришло в голову, что она, наверное, сейчас сидит за своим столом в комнате на шестом этаже, склонив растрепанную голову над желтым бланком. Но сейчас было не время думать о Дженни. Такое время придет, говорил я себе, когда я уверюсь в своей безопасности. До тех пор она должна оставаться чем-то желанным, но недоступным. Я оставил “шевви” на стоянке, откуда было нетрудно добраться пешком до Ленсингтона, после чего, захватив сумку с запасной рубашкой, бритвенным прибором и пистолетом, зашагал через трущобы, пока не дошел до Ленсингтона.

Уже стемнело, зажглись уличные фонари. Если не считать нескольких старых пьянчуг, устроившихся на помойных баках, и цветной ребятни, гонявшей мяч, улица в этот час была безлюдна. Напротив дома номер двести сорок пять, где жил Страшила, стоял ветхий четырехэтажный многоквартирный дом. На его ступеньках сидели двое сопливых грязных мальчишек. Зажав между колен грязные кулачки, ссутуля узкие плечи, они, за неимением лучшего занятия, любовались коллекцией отбросов, валявшихся в сточной канаве. Пейзаж включал в себя и дохлую кошку. На стекле фрамуги над облупленной дверью виднелась надпись: “Сдаются комнаты”. В такую удачу с трудом верилось. Я задержался, чтобы посмотреть на номер двести сорок пять по другой стороне улицы, потом стал подниматься вверх по лестнице, обойдя ребят, покосившихся на меня с подозрительным выражением в маленьких трагических глазах. Я вошел в подъезд, где воняло мочой, затхлым потом и кошками. В открытых

дверях стояла старая карга, ковыряя щепкой в обломках зубов. Те волосы, которые у нее еще оставались, были заплетены в сальные косицы, напоминающие крысиные хвостики. Ее комбинезон был заскорузлым от пота и грязи. На вид ей было никак не меньше восьмидесяти, а то и больше. Я остановился. Она окинула меня оценивающим взглядом от кудлатого парика до сбитых теннисных туфель. По ее насмешливому выражению на лице я понял, что она не в восторге от увиденного.

- Найдется комната, мамаша? - спросил я, ставя сумку.

- Не называй меня мамашей, паршивый сопляк, - отозвалась она голосом, булькавшим от мокроты. - Я для тебя миссис Рейнолдс, заруби себе на носу.

- Ладно, миссис Рейнолдс. Есть комната?

- Двенадцать баксов в неделю, платить вперед.

- Ну-ка глянем.

Я понимал, что наш диалог взят прямоком из фильма класса "Б", и, судя по ухмылке, она меня хорошо понимала.

- Второй этаж. Ключ в замке, пятый номер.

Не прикасаясь к грязным перилам, я поднялся на второй этаж по ничем не покрытой скрипучей лестнице. Пятый номер находился в конце вонючего коридора. Комната была примерно десять на десять. В ней имелись кровать, два жестких стула, шкаф и вытертый до основы ковер. Обои возле окна отстали. На покрытой жирными пятнами скамейке стояла газовая плитка.

Оставив сумку, я спустился вниз, заплатил старой карге двенадцать долларов, а потом пошел в итальянский магазинчик, где купил провизии с расчетом на несколько дней. К горке консервов я добавил бутылку виски. Оттуда я заглянул в скобяной магазинчик и купил кастрюльку и сковородку.

Миссис Рейнолдс все еще подпирала притолоку, когда я вернулся.

- Где мне помыться? - спросил я. Она взглянула на меня, почесала под мышкой и ответила:

- Общественная баня в конце улицы. Сортир на каждом этаже. Чего тебе еще?

Я отнес покупки в комнату, запер дверь, положил все на стол и тщательно осмотрел кровать. Простыни оказались довольно чистыми, но на двух тонких одеялах виднелись подозрительные пятна. Интересно, когда появятся клопы? Перемена обстановки? Я вспомнил роскошный пентхаус Сиднея, доставшийся мне в наследство. Придется притерпеться к этой мерзкой комнате, если я хочу сохранить за собой пентхаус и миллионы Сиднея. Выключив свет, я подтащил к окну стул

и приступил к наблюдению. С другой стороны улицы на меня смотрели восемнадцать грязных окон, в пяти из которых горел свет. Одно из этих окон принадлежало Страшиле.

Я не имел представления, которое из восемнадцати, но рано или поздно я вычислю, если буду наблюдать достаточно терпеливо.

Я сидел, курил и внимательно смотрел. В освещенных прямоугольниках окон двигались люди, главным образом молодежь в несусветных нарядах. На пятом этаже в третьем окне слева молодая красивая негритянка раскачивалась под неслышную мне музыку, поддерживая ладонями обнаженные груди. Наблюдая за ней, я почувствовал, как во мне шевельнулась похоть, и заставил себя отвести от нее взгляд.

Около восьми вечера я захотел есть. Опустив штору, я отошел от окна и зажег свет. Разогревая банку бобов, я услышал рев приближающегося мотоцикла. Погасив газ и выключив лампочку, я поспешил к окну и отодвинул в сторону штору.

Страшила верхом на сверкающей новенькой “хонде” затормозил перед домом номер двести сорок пять. Я смотрел, как он слезает с мотоцикла и горделивой походкой поднимается по ступеням. Момент наступил. Я увидел, что он исчез в темноте подъезда, и ждал, когда в одном из неосвещенных окон загорится свет. Дожидаясь, я наблюдал за негритянкой, которая надела блузку в крупных цветах и что-то помешивала в кастрюльке. После пятнадцатиминутного ожидания мне стало ясно, что, в какой бы комнате ни жил Страшила, в ней уже раньше горел свет, потому что с момента его прихода не осветилось ни одно окно. Означало ли это, что Рея находится в квартире Страшилы? Почему бы и нет? С чего ей сидеть в темноте? Я начал пристально вглядываться в каждое освещенное окно. Три из них не имели занавесок, и я мог видеть тех, кто находился внутри. На двух оставшихся окнах висели тонкие занавески, через которые нельзя было ничего рассмотреть. Одно окно на третьем этаже, другое - на верхнем непосредственно над комнатой, занимаемой негритянкой. По-видимому, одна из этих комнат должна принадлежать Страшиле. Я опустил штору, включил свет и вновь разогрел бобы. Для начала первый день принес неплохие результаты. Я делал успехи. Теперь, по крайней мере, я знал, что Страшила живет или на третьем этаже, или на верхнем этаже дома. Я съел бобы, потом, погасив свет и подняв штору, снова уселся возле окна. Около девяти свет в окне третьего этажа погас. Теперь я сосредоточил внимание на освещенном окне третьего этажа. Я ждал уже почти час, когда за занавеской вдруг показалась тень. Я узнал силуэт Страшилы.

Его ни с кем нельзя было спутать. Если бы я не наблюдал непрерывно, то пропустил бы этот мимолетный момент. Но там ли Рея? Я сидел, не прекращая наблюдения. Окна гасли одно за другим. Негритянка взяла солидных размеров сумочку, подошла к двери и повернула выключатель. Наконец во всем доме остался свет только в окне Страшилы. Потом я увидел, как он сбежал по лестнице и оседлал свою “хонду”. Машина разразилась оглушительным грохотом. Напялив шлем на грязную голову, он умчался, но свет в его окне продолжал гореть. Это могло означать одно из двух: либо Страшиле наплевать на счета за электричество, либо там, наверху, прячется Рея. Но как это узнать? Я был чужаком в этом районе. Было слишком опасно соваться в дом Страшилы, пусть даже теперь он казался опустевшим. Я закурил сигарету и обвел внимательным взглядом улицу внизу. словно крысы, появляющиеся с наступлением темноты, улицу заполнили люди. Пожилые оборванные мужчины и женщины спускались по ступенькам домов шаркающей походкой и отправлялись на поиски бара. И тут я заметил негритянку. Она стояла, прислонясь к ржавым перилам, и раскачивала сумочку. Я понял, что она проститутка. Но ее комната расположена как раз под конурой Страшилы. Вот мой шанс. Может быть, мне удастся получить подтверждение того, что Рея там. Я вспомнил, как полуголая негритянка танцевала у себя в комнате. Она была миловидна и прекрасно сложена. Я не прикасался к женщине со времени смерти Джуди, как мне теперь казалось, очень давно.

Отодвинув стул, я встал, ощупью пробрался через неосвещенную комнату и вышел в вонючий коридор.

Спускаясь по лестнице, я никого не встретил. Через закрытую дверь миссис Рейнолдс доносился звук телевизора. Я не спеша спустился по ступенькам на ночную улицу, окутанную облаками цементной пыли. Уличная пена - юнцы, девчонки, пьяницы и старики - водоворотом кипела вокруг меня. Я посмотрел через улицу на негритянку, уже приметившую меня. Она внимательно смотрела в мою сторону. Подождав, пока две помятые машины с ревом пронесутся мимо меня, я пересек улицу. Когда я достиг противоположного тротуара, негритянка двинулась ко мне.

- Привет, лапочка, - сказала она тихо, сверкнув в свете фонаря белыми зубами. - Скучаешь один?

Я остановился, глядя на нее. Ее кожа имела оттенок кофе, сильно разбавленного молоком. Лицо обрамляли выпрямленные черные волосы. У меня сразу вылетела из головы даже необходимость найти Рею и заткнуть ей рот. Я должен был разрядить напряжение, накопившееся в моем теле.

- И еще как, - ответил я хрипло. - Давай исправим это дело.

Она окинула меня испытующим взглядом больших черных глаз.

- Это обойдется тебе в десять баксов, лапочка, - сказала она. - Есть у тебя десять баксов?

Я подумал о пяти сотнях, которые предлагал Рее.

- Есть, - сказал я.

- По виду у тебя нет и двух. - Она улыбнулась. - Ты здесь новенький, верно?

Я полез в задний карман и показал ей десятидолларовую бумажку. Ее тонкие коричневые пальцы выхватили деньги из моей руки с проворством ящерицы, глотающей муху.

- Пошли, лапочка, - сказала она. - Конец разговорам, пора за дело.

Она ввела меня в дом, который смердел еще хуже, чем мой. Когда я вслед за ней поднимался по лестнице, она виляла задом перед моими глазами. Подъем был долгим, и к тому времени, когда мы добрались до ее площадки, у меня едва не лопалась ширинка. Она знала свое дело и не разочаровала меня. В прошлом, когда мне не хотелось увиваться за какой-нибудь девушкой, я брал шлюху. Расход никогда не оправдывал себя. Обычно они лежали глядя в потолок, некоторые даже курили, большинство хихикали, но эта негритянка так сыграла свою роль, что я чувствовал, будто расшевелил ее, хотя и знал, что это не так. Когда все кончилось и я скатился с нее, она не сделала того, что делает большинство из них - слезают с постели и начинают одеваться, а, лежа рядом со мной, потянулась за пачкой сигарет, раскурила две и дала одну мне.

- Определенно, тебе это было нужно, лапочка, - сказала она, поглаживая свою грудь.

Да! Это действительно было мне нужно. Теперь я испытывал блаженный покой и облегчение, словно лопнул мучивший меня нарыв. Я втягивал дым в легкие, глядя в потолок. И тут я впервые обратил внимание на шаги наверху. До того, как я насытился девушкой, для меня все было как бы не в фокусе. Но теперь я слышал шаги, легкое тук-тук-тук женских каблуков у себя над головой. Тогда я вспомнил Рею и причину, по которой я оказался в этой убогой комнате в одной постели с голой молодой негритянкой. Я прислушался.

Женщина у меня над головой ходила взад и вперед не переставая. Тук-тук-тук. Негритянка загасила окурочек.

- Пора опять идти на работу, - сказала она. - Ты хорошо провел время?

- Что там творится? - спросил я, указывая на потолок.

- Какая тебе забота? - Она села прямо и спустила длинные ноги с кровати. - Поднимайся, лапочка, мне надо идти работать.

Я обхватил рукой ее тонкую талию и притянул к себе.

- Не спеши. Мне еще на десятку.

- Ты серьезно?

- , Хочешь деньги вперед?

- Только так, лапочка, мне надо жить. Я слез с постели, нашел свои штаны, достал еще десять долларов и протянул ей. Когда я лег, она перекинула через меня ногу и стала покусывать мое ухо. Я прислушивался к шагам над головой.

- Что там такое? - спросил я. - Похоже на марафон.

- Она психованная. - Негритянка принялась гладить мне шею. - Она сводит меня с ума. День за днем, ночь за ночью ходит и ходит. Если бы не Страшила, я поднялась бы и дала ей звону, но она подстилка Страшилы, а он - большая куча в этом сортире.

- Ты ее видела?

Она приподнялась на локте и уставилась на меня с выражением любопытства в больших черных глазах.

- К чему вопросы, лапочка? Давай-ка займемся делом.

Все время, пока мы разговаривали, я слышал шаги.

- Девчонка Страшилы?

- Ты знаешь Страшилу?

- Я знаю, какой он ублюдок.

Она успокоилась и опять опустилась на меня.

- Они влипли в какую-то историю. Он прячет ее от легавых, - невнятно пробормотала она и прижалась губами к моей шее. - Она две недели там сшивается, никуда не выходит, только топчется по проклятому полу и сводит меня с ума.

Теперь я знал все, что хотел знать. Я нашел Рею.

Вернувшись в свою убогую комнатенку, я лег на кровать, не зажигая света и не опуская штору. Свет уличных фонарей позволял различать предметы. Я испытывал приятную расслабленность. Секс был тем, в чем я давно нуждался.

Сэди - негритянка сказала мне свое имя, когда я уходил, - оказала на меня основательное терапевтическое действие. Теперь я знал, что Рея

прячется у Страшилы. Пока она жива, моя свобода и унаследованное от Сиднея состояние подвергаются постоянному риску. Если она попадет в руки полиции, ее показания изобличат меня. Я должен заставить ее замолчать. Но как? И тут мне в голову вдруг пришла тревожная мысль.

Что, если она рассказала обо мне Страшиле? Если я заткну ей рот, не появится ли на моем горизонте Страшила, готовый к шантажу? Сказала ли она ему, что у нее есть колье, стоящее, как она воображала, больше миллиона долларов? Станет ли она делиться такой важной информацией с такой мразью, как Страшила? Это следовало выяснить. Если она во все его посвятила, придется заткнуть рот им обоим. Эта мысль не отпугнула меня. Я считал, что ни Рея, ни Страшила не имеют права на жизнь. Для меня они были опасными животными, а сам я охотником, но, если удастся избежать двойного убийства, так будет проще и безопаснее. Размышляя и строя планы, я незаметно задремал, но около двух часов появились первые клопы. Остаток ночи я провел, сидя на жестком стуле и опустив голову на сложенные на стуле руки. В четвертом часу безмолвие ночи было расколото ревом мотоцикла. Стоя у окна, я смотрел, как Страшила небрежной, раскачивающейся походкой поднимается по ступенькам, направляясь к себе.

На другое утро после скудного завтрака я зашел в общественную баню, а затем примерно до полудня, убивая время, слонялся по улицам, обходя стороной центр. Я боялся наткнуться на Дженни. Купив коробку порошка от клопов, я вернулся в свою комнату и взялся за приготовление ленча из консервированной говядины и консервированной картошки. Густо посыпав простыни и матрац порошком, я лег и уснул.

Проснулся я в семь часов и, подойдя к окну, посмотрел через улицу. За занавеской Страшилы горел свет. В комнате ниже этажом Сэди что-то готовила на плите. Посмотрев вниз на улицу, я увидел, что “хонда” исчезла, и, следовательно, Страшилы нет дома. Я перебрал купленные мною консервы и решил попробовать равиоли, которое оказалось жестким и безвкусным. Поев, я сел с сигаретой у окна и ждал часов до девяти, пока не увидел, как выходит Сэди. Я достал из сумки пистолет и сунул его в задний карман, а потом спустился на улицу и приблизился к Сэди, когда она вышла из подъезда.

- Привет, конфетка, - воскликнул я. - Как насчет маленькой разминки? Она улыбнулась мне:

- Ну ты даешь, парень! - Она просунула мне руку под локоть. - Ага, давай разомнемся.

У нее в комнате я достал из кармана сотенную бумажку и показал ей:

- Хочешь заработать столько, Сэди? У нее расширились глаза:

- Ты хочешь каких-нибудь заковыристых штучек?

- Я хочу провести здесь ночь, - ответил я. - У меня в комнате клопы.

Она склонила голову набок, в ее глазах светилось любопытство.

- Где ты берешь такие красивые бумажки, лапочка?

- Неважно. Так сплю я здесь или иду в отель? Она протянула ладонь:

- Давай. Ты спишь здесь. Еще входя в комнату, я услышал непрекращающиеся шаги Реи над головой.

- Твоя психованная все ходит, - сказал я и отдал деньги Сэди.

- Не говори. Я уже привыкла. Теперь я дергаюсь, когда она перестает ходить.

Она положила деньги в сумочку, потом подошла к кровати и сняла постельное белье. Подойдя к шкафу, она достала чистые простыни.

- Все самое лучшее, - заметил я. Я присоединился к ней, чтобы помочь перестелить постель.

- Когда лапочка платит сто баксов, он имеет право на чистые простыни, - сказала Сэди. - Раз вся ночь наша, я приму душ. Хочешь выпить чего-нибудь или поесть?

- Выпить не откажусь.

Она достала бутылку дешевого виски, принесла воду из-под крана и лед и оставила меня одного, пока принимала душ. Я сидел в старом кресле и слушал, как Рея вышагивает у меня над головой. Казалось, это мечется в клетке животное. Я думал о ней, вспоминая то время, когда испытывал к ней вожделение, но теперь она ничего для меня не значила. Просто опасное животное. Если бы я смел, то поднялся бы наверх, вышиб пинком дверь и пристрелил ее, но я понимал, что это не самый безопасный метод закончить нашу маленькую драму. Когда я убью ее, то позабочусь, чтобы ничего не указывало на меня.

Эта ночь с Сэди была не такой бурной, как в прошлый раз. Я утолил первый голод. Мы заснули в объятиях друг друга.

Сэди спала крепко, но я парил между сном и бодрствованием. Мое полусонное сознание отмечало стук каблуков непрерывно вышагивающей Реи, но полностью я проснулся, когда стекла задребезжали от рева приближавшейся "хонды". Сэди застонала и пошевелилась, потом повернулась на другой бок и опять заснула. Внизу грохнула дверь. Потом я услышал тяжелые шаги Страшилы, с шумом поднимавшегося по лестнице. Стук каблуков Реи резко оборвался. Я слышал, как Страшила открыл дверь и с треском захлопнул ее.

- Слушай, сука, это последняя бутылка виски, которую я покупаю!

Его низкий угрожающий голос доносился сквозь потолок.

- Дай сюда!

Я сразу узнал голос Реи.

- Бери! Упейся насмерть! Мне-то какого черта беспокоиться?

Сэди тихо застонала во сне. Наступила долгая пауза, затем Страшила снова заговорил:

- С меня хватит! Нечего тебе здесь делать! Хата мне нужна самому. Выметайся, и все!

- Заткнись, безмозглое отродье, ублюдок! - В голосе Реи звучала истерическая нотка, заставившая меня насторожиться. - Я останусь здесь! Мне некуда больше идти! Попробуй встать мне поперек дороги, и я прижму тебя к ногтю! Я ведь могу, Страшила! Легавым давно не терпится наложить на тебя лапу!

После длительного молчания Страшила сказал:

- Черт, да что же все это значит? Мне надо знать! Что ты там молола насчет того, чтобы остаться здесь, пока шухер не утихнет? Какой шухер? Что ты натворила? За каким чертом тебя принесло сюда прятаться от легавых? Где Фел? Я хочу знать! Хватит с меня твоего проклятого хождения и пьянки! Хата мне нужна самому, без тебя!

- Да ну?

Лежа неподвижно, чувствуя тепло, идущее от тела прижавшейся ко мне Сэди, я слушал. Рея продолжала:

- Я останусь тут, пока не смогу уйти без риска. Я не высунусь на улицу, пока все не успокоится. Я для тебя немало сделала. Кто купил тебе твой чертов мотоцикл? Почему ты не попробуешь сам что-нибудь заработать? На что ты годен, кроме как гонять на мотоцикле и хвастать, безмозглая ты тварь?

- Ладно. - Страшила понизил голос, и мне приходилось вслушиваться, чтобы разобрать его слова. - Тогда выметайся! Валяй, скажи про меня легавым. Они меня не тронут, когда цапают тебя! Так что собирай манатки и выметайся!

- Выпей, Страшила.

- Я уже сказал: выметайся!

- А, кончай, чего там. Вечно мы цапаемся. - В голосе Реи вдруг появилась плаксивая нотка. - Выпей, я хочу в постель..., с тобой.

- Кому ты нужна? Сказано: катись!

- Я слышала, милый, но я хочу лечь. Давай.

- Я сыт тобой по горло, пьяная корова! Катись сама улаживать свои проклятые делишки и оставь меня в покое.

По звучавшей в его голосе злобе я вдруг отчетливо понял, что он говорит всерьез и не отступился. Я соскользнул с кровати и торопливо натянул одежду. Возможно, вот он - мой шанс! Она ничего ему не сказала! Значит, Страшила мне не опасен!

Когда я надевал туфли, Сэди перевернулась на спину.

- Лапочка, где ты? - пробормотала она и опять заснула.

Страшила заорал:

- Вон!

Дверь наверху с треском распахнулась.

- Забирай свои проклятые шмотки! Что-то грохнуло, потом дверь захлопнулась. В тот же миг я выскочил в коридор. Тихонько приоткрыв дверь, я сбежал по лестнице в подъезд.

Я стоял в темноте, прислонясь к стене, и слушал. Рея спускалась по лестнице. Я слышал ее бормотание:

- Ублюдок..., ублюдок.

В следующую минуту я увидел смутные очертания ее фигуры. Она ощупью пробиралась через подъезд, приближаясь к тому месту, где я стоял.

- Не спеши, детка, - тихо произнес я. - На улице легавые.

Она резко остановилась, задохнувшись от неожиданности.

- Кто ты такой, черт подери? - Она пыталась рассмотреть меня.

- Вроде тебя. Пережидаю, - ответил я. Она тяжело привалилась к стене рядом со мной. Я чувствовал запах виски в ее дыхании.

- Пережидаешь? Как тебя понимать? У нее заплетался язык. Она была пьяная в стельку.

- Хочешь, детка, смоемся вместе? У меня машина. Я знаю надежное местечко за городом. Она соскользнула на пол.

- Господи! Я пьяная! - В ее голосе звучал вопль отчаянья. - Я хочу умереть.

"Но не здесь", - подумал я. Грохот выстрела навлек бы на меня опасность. Надо было выманить ее в безлюдное место, а потом пристрелить.

- Пошли, детка. - Я ухватил ее за руку и поднял на ноги. - Двинулись... Она всматривалась в меня.

- Ты кто? Я тебя не вижу. Кто ты такой, черт подери?

Я отбуксировал ее вниз по ступенькам и вывел на пустынную улицу. Она шла спотыкаясь, и мне приходилось поддерживать ее. Под уличным фонарем она отстранилась от меня, и мы взглянули друг на друга. Я едва узнал ее. Она страшно постарела. В рыжих волосах появилась седина. Ее изумрудно-зеленые глаза мерцали, будто за ними горели лампочки. Пошатываясь, она всматривалась в меня. Она была одета в кроваво-красный брючный костюм, через плечо у нее висела набитая сумка.

- Привет, кудлатый, - воскликнула она. - У тебя есть какие-нибудь волосы под париком?

- Шевелись, детка, - сказал я. - Моя машина в конце улицы. Давай отвалим на пару.

Она пьяно рассматривала меня. Мой кудлатый парик, густая борода, грязная одежда как будто придали ей уверенности.

- Ты тоже в бегах?

- Допустим. Идем.

Она рассмеялась: жуткий, истерический, пьяный смех.

- Мой брат умер, - сказала она. - Единственный сукин сын, который меня понимал. Его убили легавые.

Я взял ее под руку.

- Давай, пошли отсюда к чертям. Она пошла со мной. Она была так пьяна, что растянулась бы ничком, не держи я ее. Потом мы двинулись вдоль пустынной улицы к тому месту, где я оставил “шевви”. Когда я отпирал дверцу, она прислонилась к машине, пристально глядя на меня.

- Мы не встречались, кудлатый?

- За что тебя ищут легавые? - спросил я, садясь за руль.

- На кой черт тебе знать?

- Тоже верно. Так ты садишься или остаешься? Она открыла правую дверцу и шлепнулась на сиденье. Мне пришлось тянуться через нее, чтобы захлопнуть дверцу.

- Куда мы едем, кудлатый?

- Не знаю, куца ты, но знаю, куда еду я. Я мотаю на побережье. У брата есть катер. Он переправит меня в Гавану.

- В Гавану? - Она прижала руки к лицу. - Я хочу туда.

- Вот и договорились. У тебя есть какие-нибудь деньги?

Она хлопнула по объемистой сумке:

- Здесь. Давай, кудлатый, поехали. Когда мы выехали на Тамайами-Трейл, направляясь, к Нэплзу, она заснула. Было четыре часа утра. Еще час, и начнет светать. Широкое шоссе было пустынно. По обеим сторонам тянулись густые кипарисовые и сосновые леса. Я посмотрел на Реею. Ее голова откинулась к окну, глаза были закрыты. Все, что мне нужно было сделать, это сбавить ход, мягко притормозить, достать из заднего кармана пистолет, прострелить ей голову и вытолкнуть тело на дорогу, а потом уехать. Здесь не было ничего трудного. Не доезжая до Нэплза, я избавлюсь от парика, брошу машину и поймаю автобус компании “Грей-хаунд” до Сарасеты. Там куплю новую одежду, сбрую бороду и, сев в автобус, пересеку страну, направляясь в Форт-Пирс. Оттуда вернусь автобусом в Литл-Джексон, где оставил в гараже свой “бьюик”. Потом поеду к себе в Парадиз-Сити вольный как птица.

Этот план, промелькнувший у меня в голове, был очень прост. Я воображал, что покончить с Реей будет необычайно трудно и опасно, но

вот она сидит, погруженная в пьяный сон, полностью в моей власти. Остается только прицелиться и нажать на курок. Я взглянул в зеркальце водителя. Длинное шоссе было погружено во мрак. Нигде не было видно ни малейшего признака приближавшихся фар. Я плавно ослабил нажим на педаль акселератора. Машина начала терять скорость, двигаясь уже только по инерции, и остановилась в тени большого дуба, когда я перевел рычаг передачи в нейтральное положение. Я поставил машину на ручной тормоз и посмотрел на Рею, но она по-прежнему спала. Тогда я сунул руку в задний карман, и мои пальцы обхватили рукоятку пистолета. Я медленно вытащил его и отвел предохранитель.

Подняв пистолет, я прицелился ей в голову и положил палец на спусковой крючок, но на большее меня не хватило. Я сидел, глядя на нее, в отчаянье целясь в нее из пистолета, и понимал, что не могу нажать на спуск, не могу хладнокровно убить ее. В горячке я убил Фела, но у меня не хватало решимости выстрелить в спящую женщину. Внезапно Рея открыла глаза.

- Смелее, Ларри Карр, - сказала она громко. - Докажи себе, что ты не трус. Смелее! Убей меня!

Ослепительные фары приближающегося грузовика осветили кабину "шевви". Я мог отчетливо разглядеть Рею. Боже! Выглядела она ужасно! Глядя на нее, я не понимал, как я мог когда-то испытывать к ней вожделение. Теперь это казалось мне каким-то кошмаром. Она сжалась в комок в углу, глаза смотрели тупо, тонкие губы кривились в издевательской усмешке. У нее был вид сумасшедшей.

- Смелее! Убей меня! - повторила она. Грузовик с ревом промчался мимо, встряхнув "шевви" в своем вихревом поле. Я вздрогнул от мелькнувшей в моем сознании мысли, что, если бы я убил ее, грузовик поравнялся бы с нами именно в тот момент, когда я выталкивал бы ее труп на дорогу. Я выпустил пистолет. Он упал на сиденье между нами. Я понимал, что мой путь окончен, и все вдруг стало безразлично.

- В чем дело, Дешевка? - спросила она. - Ведь ты же все обмозговал, верно? Кишка тонка? Может, ты думал, что я не узнаю тебя в дурацком парике?

Я смотрел на нее с ненавистью. Она была отвратительна мне, как прокаженная.

- Я скажу то же, что сказал тебе твой дружок: выметайся! Вон из моей машины!

Она следила за выражением моего лица.

- Не мечи икру! Колье у меня. Мы с тобой еще можем выкрутиться. Она открыла сумку, пошарила в ней и вынула кожаный футляр для драгоценностей.

- Смотри, оно у меня! Миллион долларов! Ты говорил, что сумеешь продать его! Мы можем вместе уехать в Гавану. Мы вдвоем начнем новую жизнь.

Вместе с ней? Я содрогнулся.

- Продать его? Жить с тобой? - Я поморщился. - Я не стал бы жить с тобой, даже если бы ты осталась последней шлюхой на земле! Это колье не стоит и десяти центов. Оно поддельное. Она застыла и подалась вперед. Ее зеленые глаза горели безумием.

- Врешь!

- Это стеклянная копия, несчастная ты дура, - сказал я. - Неужели ты вообразила, что я позволю тебе и твоему братцу-кретину унести бриллиантов на миллион долларов?

Рея с присвистом втянула в себя воздух. Я ожидал вспышки неистовой ярости, но она, казалось, была уничтожена моими словами.

- Я его предупреждала, балбеса, - произнесла она словно про себя. - Я знала, что ты змея, с той самой минуты, как тебя увидела. Но он не желал слушать. Он все твердил: "Этот парень в порядке". Но я-то знала. - Она свободно откинулась на спинку сиденья. - Ладно, мистер Дешевка Карр, выходит, твоя взяла. Если меня поймают, то дадут пожизненное. Я уже отсидела в тюрьме восемь лет и знаю, что это такое. А ты - нет. Фел тоже не знал. Ему повезло, что он умер.

Я больше не мог вынести ее вида.

- Пошла вон! - закричал я. - Когда тебя арестуют, можешь говорить все что угодно. Мне уже на все наплевать. Вылезай и проваливай!

Казалось, она не слышала.

- Две недели я торчала взаперти в вонючей конуре, - сказала она. - Две недели! Каждую минуту я ждала, что за мной придут легавые! Господи! Выпить бы сейчас!

Она закрыла лицо руками. Глядя на нее, я совершенно не испытывал жалости. Я хотел поскорее избавиться от нее, вернуться в Парадиз-Сити и там ждать прихода полиции.

- Убирайся! - заорал я на нее. - Ты прогнила насквозь! Ты не нужна даже такой вонючей безмозглой твари, как Страшила! Пошла к черту!

- Один Фел не мог без меня жить, - сказала она. - А когда стало горячо, он сбежал. Он оказался трусливей трусливого. - Она рассмеялась жестким, лающим смехом. - Что ж, похоже, все кончено. Интересно, каково это - быть мертвой?

Тут я увидел, что она держит в руке мой пистолет.

- Брось его! - заорал я что было сил.

- Пока, Дешевка! Придет и твое время, - сказала она.

Я рванулся к ней, но она отпихнула меня, вскинула пистолет и, приставив его к своей голове, нажала на спуск.

Вспышка выстрела ослепила меня, грохот оглушил. Я почувствовал на лице что-то мокрое и липкое и, содрогнувшись, вывалился из машины. Я стоял и судорожно тряся, вытирая лицо платком. Из открытой дверцы вилась тонкая струйка порохового дыма.

52

<http://book.zehinli.info>

53